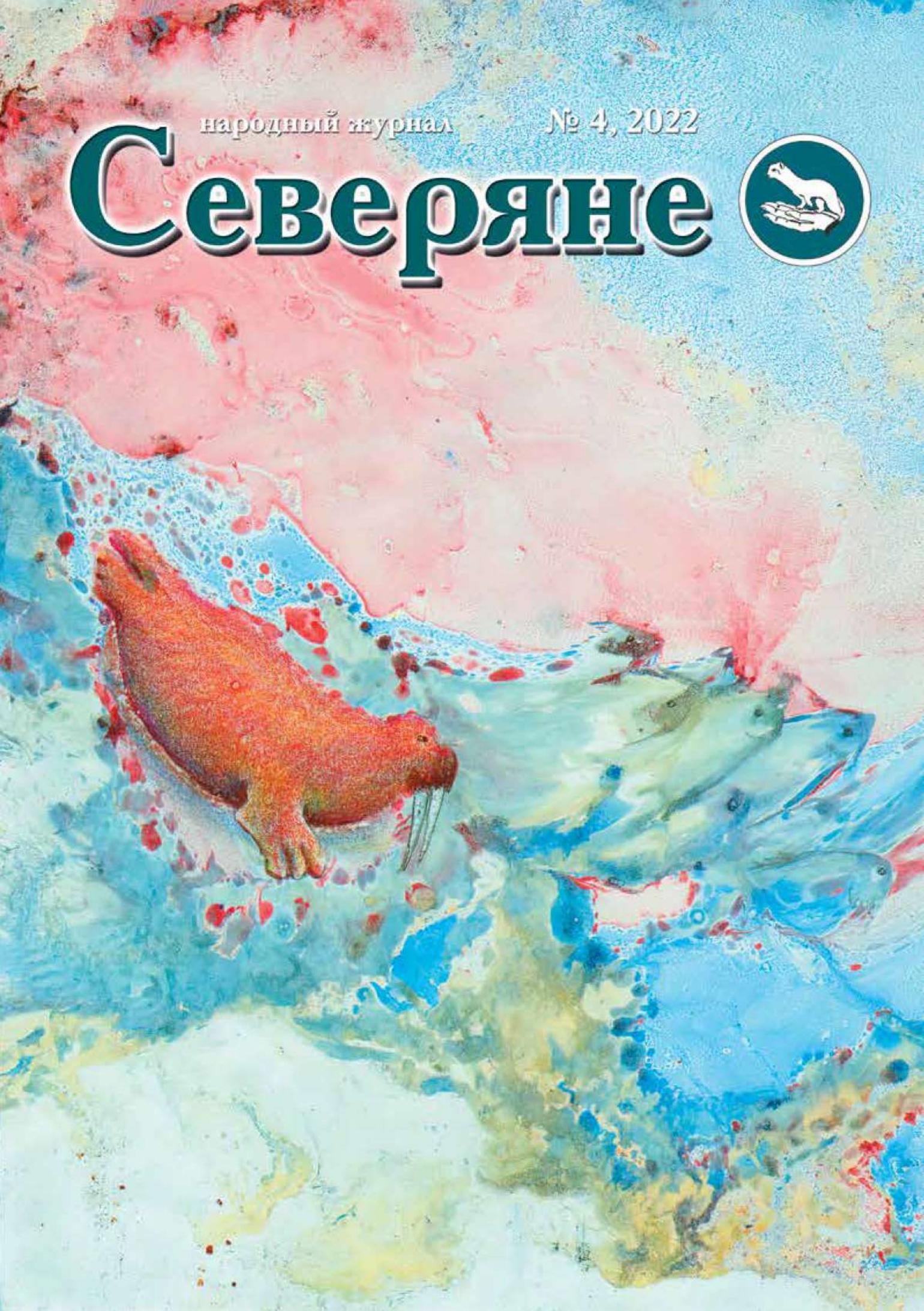

народный журнал

№ 4, 2022

Северяне

НАРОДНЫЙ
ФРОНТ

Всё для
Победы!

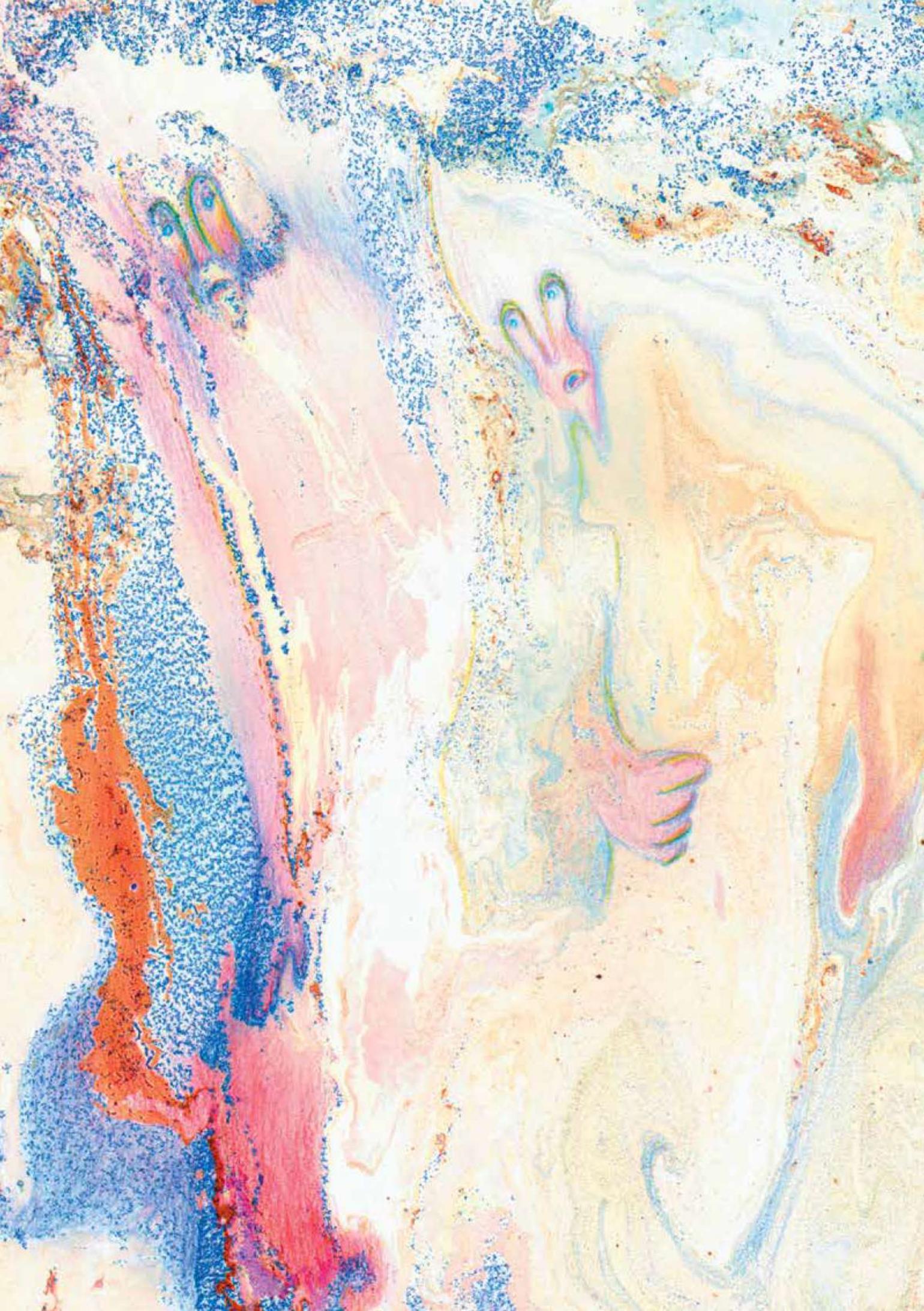
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА
МИНИСТЕРСТВО ТРАНСПОРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРИНЕСИТЕ В ОТДЕЛЕНИЕ НАРОДНОГО ФРОНТА ИЛИ ПОМОГИТЕ ПРИОБРЕСТИ ДЛЯ БОЙЦОВ ЛДНР:

- БРОНЕЖИЛЕТЫ
- КАСКИ
- РАЦИИ ЦИФРОВЫЕ С ДАЛЬНОСТЬЮ 5-10 КМ
- КВАДРОКОПТЕРЫ С КАМЕРАМИ И ДАЛЬНОСТЬЮ ПОЛЕТА ОТ 3 КМ
- КАРТЫ ПАМЯТИ ДЛЯ КВАДРОКОПТЕРОВ
- ТАКТИЧЕСКИЕ АПТЕЧКИ
- АККУМУЛЯТОРЫ ДЛЯ ЭЛЕКТРОННЫХ УСТРОЙСТВ И ЗАРЯДНЫЕ УСТРОЙСТВА К НИМ
- ПЛАНШЕТЫ И НОУТБУКИ
- ТЕПЛОВИЗОРЫ
- БИНОКЛИ
- ПРИЦЕЛЫ
- ПРИБОРЫ НОЧНОГО ВИДЕНИЯ

Силовые подразделения ДНР и ЛНР участвуют в боевых действиях на протяжении 8 лет. Республики находятся в состоянии мобилизации, внутренние ресурсы Донбасса на пределе. Вещи, которые мы собираем или закупает, – расходный материал, необходимый бойцам ежедневно. Своевременная помощь снижает потери личного состава

ДОЛГАЯ ДОРОГА НА РОДИНУ

Потенциальных читателей «Северян» стало больше. С Россией воссоединились обширные области Новороссии, и многие из тех, кто годами не мог вырваться из-под огня, обязательно попадут на ямальский рейс. Устроившись поудобнее, они откроют очередной номер журнала и ещё раз переживут волнительный момент возвращения на нашу большую общую Родину.

Ведь даже на самом Крайнем Севере не забыли тех, кто ещё во времена Союза приезжал на полярные стройки и месторождения, дружил и трудился вместе с нами. Помнят о них и наши авторы. Взять, к примеру, рассказ Владимира Долгих «Что общего между НЛО и булочкой с маком». Один из его персонажей – электрик Юрий Азаренко – родом из донецкой Горловки. И он в те далекие благословенные времена свободно мотался по стране. Примерно так же, как это делает сейчас уроженец Измаила, мотопутешественник Виталий Гнутиков, герой очерка Владимира Заводовского «Если долго ехать за горизонт» ...

Уж более тридцати лет минуло с тех пор, как великое государство разделилось «само в себе». За эти годы выросло целое поколение русских по крови людей, не читавших Пушкина и Достоевского, не видевших расцвета городов и посёлков Русской Арктики, не чувствовавших братской любви и поддержки. Для многих из них здесь всё чужое, хотя ещё их отцы и деды считали совсем иначе.

Но есть и миллионы тех, кто своих корней не забыл. Возвращаясь в Россию, они знают, что обретают во сто крат больше, чем теряют. И эти люди со временем пополнят не только читательские ряды «Северян». Кто-то из них наверняка присоединится к дружной семье наших авторов. Нам есть что вспомнить, нам есть о чём друг другу рассказать!

ФОТО: АНДРЕЙ ТКАЧЕВ / «ИМАТ-МЕДИА»

**Главный редактор
«Народного журнала «Северяне»
Андрей Баландин**

СОДЕРЖАНИЕ

20

74

88

116

СТРОГАНИНА

- 6** **Ольга АНАТОЛЬЕВА**
*Рыба есть? –
Нет, есть щука!*
- 11** **Георгий КРЕМЛЁВ**
Как Кремль поддерживает рубль
- 16** **Владимир ЗАВODOВСКИЙ**
*Большой привет ямальским
оленеводам от южных коллег!*

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

- 20** **Юрий ТУТОВ**
Слово об отце
- 27** **Ирина ТУТОВА**
Память о настоящем человеке

АРКТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

- 30** **Всеволод ЛИПАТОВ**
Трест, который развивал Арктику
- 38** **Иван БЫЧКОВ**
*Историческими
тропами описторхоза*
- 46** **Леонид ЛАПЦУЙ**
*Моя любовь.
Стихотворение*

ШТРИХИ ВРЕМЕНИ

- 48** **Андрей ДРОБИНИН**
Каюта номер шесть
- 56** **Марат ГАЛИМОВ**
*Розы
для концертмейстера*
- 59** **Александр ГАЙНБИХНЕР**
*Солярка
превращалась в кисель*

ПУТЕШЕСТВИЕ

- 66** **Ольга САМСОНОВА**
Город на Томи
- 74** **Ольга ЕФРЕМОВА**
*Дачное турне,
или Как я провела лето*
- 79** **Владимир ЗАВODOВСКИЙ**
*Если долго ехать
за горизонт...*

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

- 88** *И кистью, и пером*
- 89** **Михаил КАНЕВ**
*Сказ о древней старине
и Обдорской стороне*

ИСПЫТАНИЕ СЕВЕРОМ

- 96** **Вера СМИЛИНГЕНЕ**
Поцелованные солнцем
- 106** **Владимир ДОЛГИХ**
*Что общего
между НЛО
и булочкой с маком*

- 110** **Анатолий МУХАЧЁВ**
Продолжительный буран

ПУБЛИЦИСТИКА

- 116** **Алексей СНЕГИРЁВ**
*Три награды Друзякиной
за лучшее произведение*

Обложки (стр. 1, 4) – художественные работы Михаила Канева

Работа на 1-й стр. обложки – из проекта «Арктическая одиссея». 2020. Акварель, масло

Работа на 4-й стр. обложки – «Гипербореи». Проект «Арктическая одиссея». 2020. Акварель, масло

Обложка (стр. 2) – фото Андрея Ткачёва

Обложка (стр. 3) – фото Юлии Чудиновой

АНО «Ямал-Медиа»
629003, ЯНАО, г. Салехард, мкр. Б. Кнунянца, д. 1, каб. 106
Тел.: (34922) 4-27-19
E-mail: yamal-media@yanao.ru
И. о. генерального директора **Максим Александрович Куренков**

С народный журнал Северяне

№4 (93), 2022

Издаётся с 19 февраля 1999 года

Главный редактор **Андрей Вячеславович Баландин**

Над номером работали:

Марина Снегирёва	заместитель главного редактора
Алёна Садыкова	ответственный секретарь
Жанна Ковязина, Татьяна Кайзер	художественные редакторы
Людмила Юнусова	корректор

Адрес редакции:

629003, ЯНАО, г. Салехард, мкр. Б. Кнунянца, д. 1, каб. 106
Тел.: (34922) 3-27-27, 4-44-77. E-mail: severyane@yamal-media.ru

16+

Соучредители: Законодательное Собрание Ямало-Ненецкого автономного округа (629008, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, ул. Республики, д. 72). Департамент внутренней политики Ямало-Ненецкого автономного округа (629008, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, пр-кт Молодёжи, д. 9, каб. 708)

Издатель: Департамент внутренней политики Ямало-Ненецкого автономного округа (629008, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, пр-кт Молодёжи, д. 9, каб. 708)

Отпечатано в типографиях:

АНО «Ямал-Медиа»,

Юридический адрес: 629003, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, мкр. Богдана Кнунянца, 1, каб. 106

Фактический адрес: 629007, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, ул. Чубынина, 39А
Тираж 300 экз. Заказ № 1200

ИП Русских А.В.,
620085, г. Екатеринбург,
ул. Монтёрская, дом 3, литер 81
тел./факс (343) 228-02-32.
Тираж 7260 экз. Заказ 2220717

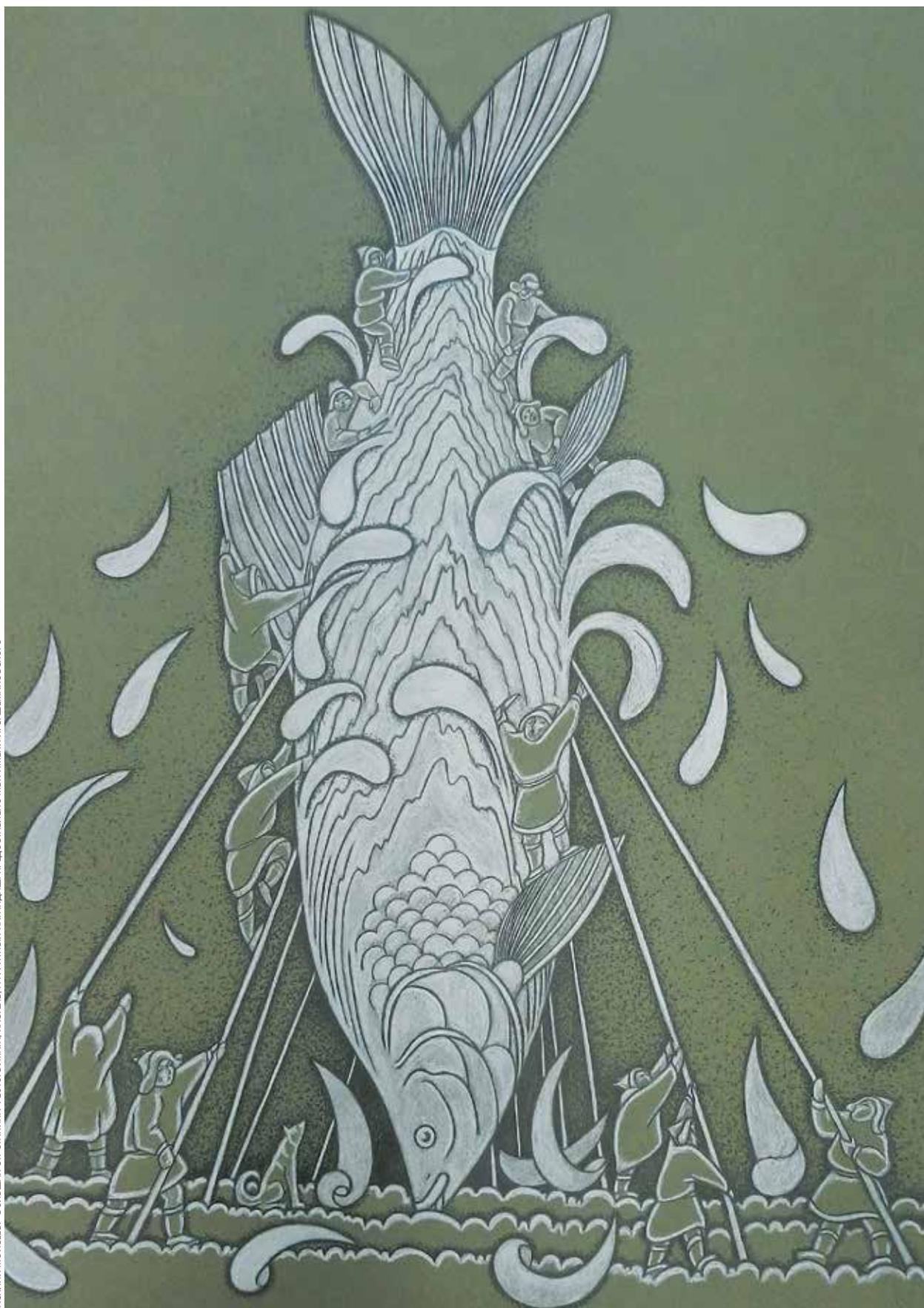
Дата выхода в свет: 13.10.2022 г. Распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ТУ72-00566 от 20 апреля 2012 г. выдано Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций по Тюменской области,
Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре
и Ямало-Ненецкому автономному округу.

Редакция оставляет за собой право отбирать поступающий
материал для публикаций, а также сокращать и редактировать.
Рукописи и фотоснимки не возвращаются и не рецензируются.
При перепечатке материалов ссылка на «Северян» обязательна
(Закон РФ «О средствах массовой информации», ст. 42).

Полные версии каждого номера «Северян» можно найти на интернет-сайте
www.libraries-yanao.ru (корпоративный информационно-библиотечный портал ЯНАО),
на сайте **красныйсевер.рф** (общественно-политическая газета «Красный Север»)

СТРОГАНИНА

ВАСИЛИЙ МОЖЕВ. «БОЛЬШАЯ СТРОГАНИНА». 2018. БУМАГА. ПАСТЕЛЬ. ГРАФИЧНЫЙ КАРНДАШ. ПРЕДОСТАВЛЕНО МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

РЫБА ЕСТЬ? – НЕТ, ЕСТЬ ЩУКА!

Ольга АНАТОЛЬЕВА

г. Салехард

Запрет на вылов нельмы и муксуна давно скорректировал кулинарные предпочтения северян. К столу добавились морские виды живца, больше стало и «чёрной» рыбы. Люди начали питаться разнообразнее, но домохозяйки до сих пор вспоминают те благодатные времена, когда увесистые хвосты сиговых продавались на каждом углу. Случалось, удачливые рыбаки их попросту раздавали соседям: «Возьмите хоть даром, пропадут же...»

Ах, как приятно было чистить ямальскую царь-рыбу! Её крупная чешуя сразу отставала от тушки. Но после запрета на её лов рыбаки-любители рады и щуке. Сразу вспоминается бородатый анекдот. На берегу мужик спрашивает промысловика: «Рыба есть?» – «Рыбы нет. Есть щука».

Чистка речной хищницы – занятие малоприятное. Её чешуя (особенно на заливке) поддается с трудом. Прочие хитроумные обитатели озёр и рек не лучше. К примеру, плавники окуней легко прокалывают перчатки и больно ранят пальцы. Тут даже самая стойкая домохозяйка закатила мужу скандал: «Сам сказал, что на рыбалке ловишь кайф, а не рыбу, а я потом отдувайся!»

И всё же, несмотря на все перипетии, жизнь идёт своим чередом. Мужики с удочками по-прежнему пытаются своё рыбацкое счастье, тем более они занимаются этим не наживы ради, а удовольствия для. И в этом всё больше походят на своих коллег из средней полосы России.

В Соби ловятся не только сиговые

Салехардский рыбак-любитель Вадим Шеметов поведал «Северянам», что ежегодно сплавляется с друзьями от Харпа до Катравожа по Соби, ловит хариуса. Путешествие занимает дней десять, и тем,

кто ждёт рыбака дома, ещё ни разу не довелось отведать свежего улова.

Хариус очень быстро портится. Поэтому его истинный вкус можно узнать только у реки. Кстати, по этой же причине на Байкале, где массово промышленно омуля, все очень внимательно следят за приёмщиком. Если он вдруг пропустит в общей массе хвостов хотя бы одного хариуса, весь улов может пропасть ещё до окончания рыбалки...

Мясо речных хищников вкуснее и полезнее, чем мясо обычных рыб. Поэтому последние лучше филировать – практически все известные способы найдутся в интернете. Со щуками можно поступать точно так же. Те, которые ловятся возле Салехарда, чистятся более-менее легко, особенно свежие. А вот в Красноселькупском районе их шкурка настолько крепка, что раньше из неё делали рыбацкие сапоги.

Что касается щуки, обитающих в Соби, считается, что мясо рыб, выловленных в чистой воде, вкуснее и не имеет болотного привкуса. Так же и налимы, выросшие в прозрачной горной реке, предпочтительнее обских собратьев. Поздней осенью,

мелководье будет в «звёздах», потому что глаза ершей хорошо отражают свет. И если направить лучик в воду, получится звёздное небо. В это же время года на мелководье выходят налимы и устраивают себе пир, надеясь на зиму.

Крупные ерши – столь же вкусная рыба, как окунь. Не говоря уже о том, что ершей для приготовления ухи вообще чистить не надо. Всё дело в их слизи, которая придаёт бульону особый изысканный вкус и аромат.

Где живёт карась – секрет

Михаил Окоэтто, председатель Союза общин КМНС ЯНАО, рассказал, что на севере Ямальского района ловится не только щука, но и такие благородные виды, как таймень, арктический голец. Не говоря уже о щёкуре, сырке, пыжьяне, омуле, ряпушке. Озёрный сырок легко достигает размеров щёкура.

И здесь самый верный способ заготовки – колодка. Особенно вкусной она получается при засолке в деревянных бочках, которые у ненцев передаются из поколения в поколение. Но и пластиковые ёмкости тоже сойдут. Важно укладывать каждый слой рыбы брюхом кверху, пересыпая её солью. И она непременно должна быть крупной.

Особенная песня – караси. Например, в Красноселькупском районе они так велики, что не всегда помещаются на сковородку. Крупные особи встречаются и в озёрах Приуралья, но эти водоёмы – секретные. Местные жители охотно расскажут, где водятся окуни и щуки, потому что этого добра навалом, а вот насчёт карасей ни гу-гу. Эта достаточно мясистая и вкусная рыба используется для собственного пропитания. Но самые вкусные караси – тобольские, они там сладкие.

Чистить карасей довольно легко, главное – их грамотно выпотрошить, чтобы они не получились горькими, и при этом сохранить икру. Потом нужно обязательно сделать насечки по всей шкуре, чтобы растворились мелкие косточки, и пожарить или запечь. Можно даже не замораживать со сметаной, и так объеденье.

Есть ещё одна недооценённая нами рыба. В июле Обь с притоками кишит язями. В

ФОТО ИЗ АРХИВА ОКРУЖНОЙ ГАЗЕТЫ «КРАСНЫЙ СЕВЕР»

Ловись, рыбка, большая и маленькая!

когда начинаются заморозки, их охотно ловят жители Харпа, Обской и Лабытнанги. Они их сразу замораживают и складывают, как дрова, в сараях. Зимой налимов пелят и готовят из них котлеты, уху и прочие вкусности. Кстати, собский налим – это пресноводная треска, а вовсе не пожиратель утопленников. Он питается ершами, у них с этим видом рыб – своеобразный симбиоз.

На Соби в начале осени можно ночью выйти на берег и посветить фонариком. Всё

протоках их стада кормятся под берегами, где множество насекомых. Ещё дожди смывают в воду мелких улиток, а это чистый белок. Язи их поедают, быстро набирают вес и становятся очень жирными. Их ловят на обыкновенные удочки.

Уха или жарёха из этой рыбы – блюда на любителя, уж очень много в ней костей. Зато в вяленом виде она даст фору и знаменитой астраханской вобле. Знающие люди вялят подвязки весом не более полкило. Иначе они просто истекают жиром и не провяливаются. При приготовлении их нужно очень сильно засаливать на три дня, чтобы побороть возможный описторхоз, а перед вывешиванием отмачивать. При сушке лучше накрыть марлей или специальными сетками от засиживания мухами. Принудительная интенсивная вентиляция не помогает, но приток свежего воздуха обязателен. Тогда подвязки становятся такими прозрачными, что сквозь них, образно выражаясь, можно читать газету.

К истории коптилен

Коптить рыбу любых видов можно даже в домашних условиях. В былые времена северяне мастерили коптильни из ящичков, в которых на территории Салехардского объединённого авиаотряда хранились запчасти. В эти удобные герметично закрывающиеся фанерные сундучки, размером 80 x 80 x 80 сантиметров, местные умельцы вставляли провод, спиральку от утюга и две полочки. Одновременно на них могло поместиться до шести крупных щёкуров или с дюжину пыжьянов. Разумеется, на их месте могла быть и любая другая рыба.

Далее на асбестовое дно (Всемирная организация здравоохранения признала асбест опасным для здоровья. – Прим. ред.) насыпали горсточку осиновых опилок. Осина – отличный антисептик. Далее провод включали в розетку секунд на тридцать. После чего нужно было два часа подождать, не открывая сундучок, а затем ещё разок повторить операцию. После чего закопчённые тушки помещали в холодильник. Первые

ФОТО: ОЛЬГА БОРЕМОВА / «ЯМАЛ-МЕДИА»

Нет ничего вкуснее рыбки на природе

дни они были горькими, но затем получалась отличная рыба холодного копчения, которая могла храниться месяцами даже не в морозилке, а просто в холодильнике.

Сейчас коптилки спокойно можно купить через интернет. Некоторые любители берут их с собой на дальние промыслы.

ФОТО: ОЛЬГА БОРЕМОВА / «ЯМАЛ-МЕДИА»

МАЛОСОЛ ПО-ЯМАЛЬСКИ

ФИРМЕННЫЙ РЕЦЕПТ

ОТ КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ГАЛИНЫ ХАРЮЧИ

1

Свежих сигающих разрезать по середине брюшка и по позвоночнику.

От чешуи очищать не нужно.

Отрезать голову

и хвост. Получится два пласта.

Нужно убрать все внутренности.

Только не выбрасывать их! Это будет отдельное блюдо.

2

Разрезать рыбку по линии между спинкой и рёбрами, до самой шкурки.

Порезать пласты поперек и посолить крупной каменной солью. Мелкая даёт слишком много воды.

3

Разделанного и засоленного сига положить в большую миску и оставить в холодильнике на ночь. Утром слить воду и снова просолить, но не сильно. Вечером будет готов отменный малосол.

4

Кусочки срезать со шкурки и убрать косточки, чтобы потом можно было насадить рыбку на вилочку – и сразу в рот. Если такие кусочки заморозить, получится малосольная строганина.

ФОТО: ТАТЬЯНА ПОКАЛЬНЕЦОВА/
ИНФОГРАФИКА: ТАТЬЯНА КАВЕР/
«ЯМАЛ-МЕДИА»

Галина Харючи:

«Что касается хрустящего желудочка, печени, кишочков вместе с внутренним жиром, икры, я их коплю для праздничного блюда, замораживая. Потом, после оттаивания, тушу их с солью и перцем, можно добавить лук, икру – в самом конце. Когда гости пробуют это блюдо, всем очень нравится. Ещё эту «северянку» можно добавлять в уху».

Что вкуснее?

Одно из самых популярных рыбных блюд в России – уха. О том, как правильно её готовить, я расспросила кандидата исторических наук Галину Харючи и... не сошлась с ней во мнении. Галина Павловна рассказала, что кладёт рыбу в кастрюлю, заливает её холодной водой и солит при закипании. Я же настаивала на том, что рыбу надо кидать в кипящую солёную воду, и никак иначе. Меньше мороки со снятием пенки. В этой ситуации рыбий белок немедленно сворачивается и не пахнет. Иначе получается просто рыбный суп. Его рецептов сотни, в разных странах его готовят по-разному, и всё это очень вкусно. Но всё же это не уха...

Очень популярны и рыбные котлеты. Наиболее вкусные получаются из щуки. Секрет в том, чтобы добавить в фарш немного свиного жира, можно сливок или растопленного сливочного масла. Побольше лука и зелени, для любителей – выдавить чеснок.

Королевой на столе может стать кодока хариуса или любых сиговых. Её облагораживание – занятие нелёгкое. Для начала нужно выпустить рыбе кишки, отрезать голову и кончик хвоста, удалить плавники. Разделить на два пласта и вытащить хребет. Чтобы избавиться от рёбер и особенно мелких косточек, приходится применять пинцет или плоскогубцы. Потом срезать со шкурки и порезать филе на мелкие кусочки. При этом лучше держать под рукой ёмкость с водой и время от времени омыwać в ней облепленные чешуей пальцы.

Затем нужно слоями уложить кусочки в стеклянную банку, щедро перекладывая их полукольцами лука, зеленью и слегка посыпая перцем и чесноком. Утрамбовать и залить небольшим количеством растительного масла. За ночь это всё между собой пропитается. Приятного аппетита! 🍲

ФОТО: ВЛАДИСЛАВ НИЗЯМОВ/ИЗ АРХИВА ФОТОКОНКУРСА «ЖИВЕМ НА СЕВЕРЕ»

Такого улова хватит на несколько блюд

КАК КРЕМЛЬ ПОДДЕРЖИВАЕТ РУБЛЬ

Георгий КРЕМЛЁВ
г. Нижний Новгород

У российских бонистов долгожданный праздник – в обращение выпущена новая сторублёвая банкнота. Самое время поискать для коллекции экземпляры с «низкими» номерами, «радары», «антирадары», экспериментальные серии и так далее.

Основная масса людей в этой терминологии ничего не понимает, но проявляет к свежим деньгам нескрываемый интерес. И здесь спрос рождает то ещё предложение: на различных интернет-площадках не попавшие пока в массовый оборот сторублёвки эмиссии 2022 года стоят в десятки раз дороже номинала. Оправданно ли это? Конечно же нет!

Ход мысли несведущего большинства прост: «Отложу таких денег побольше, а лет через двадцать они будут стоить ещё дороже!»

Очень в этом сомневаюсь... Стоимость банкноты определяется и её редкостью, и степенью сохранности (грейдом). Много ли вы видели в обороте памятных сторублёвок, выпущенных к Чемпионату мира по футболу FIFA 2018 года? А почему? Да потому, что почти все они давно разошлись по закромам дилеров и домашним коллекциям простых людей. Пройдёт много-много лет, а они будут как новенькие, и их будут миллионы – гораздо больше ходовых, истрёпанных в труху денег. И именно лучше всего сохранившиеся, самые обычные, привычные, неюбилейные банкноты будут стоить дороже нынешних «редкостей».

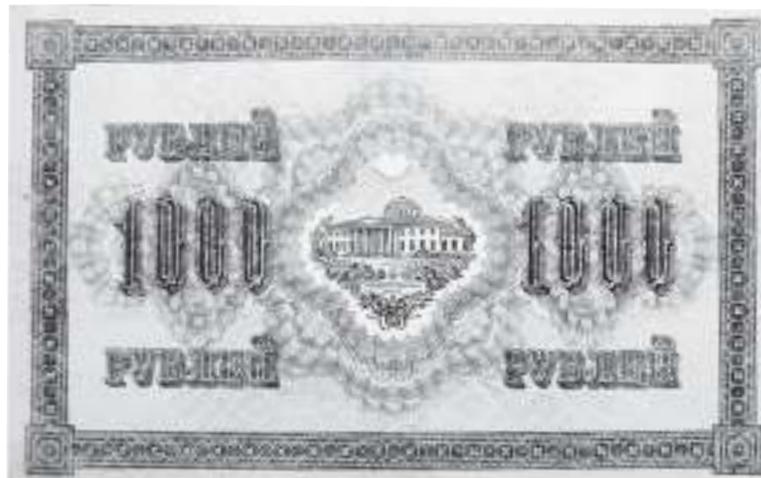
Думки о прошлом

Однако вернёмся к тому, что привлекает людей больше всего, – внешнему виду денег. Нынче билеты банка РФ всех номиналов украшают различные достопримечательности. Не стали исключением и новые сторублёвки, увенчанные на реверсе изображением Ржевского мемориала советскому солдату, а на аверсе Спасской башней Кремля, – пожалуй, самым распространённым сюжетом в истории бумажных денег России. Но мало кто знает о том, что впервые архитектурные объекты появились на них лишь в 1917 году, при Временном правительстве. До Февральской революции какие-либо постройки, памятники и тому подобное на них вообще не изображались. В ходу были только гербы, портреты правителей, аллегорические изображения России, розетки, орнаменты и так далее. И лишь в недолгое правление Александра Керенского для первых в истории страны государственных кредитных билетов достоинством в 1000 рублей нашёлся символ поважнее – здание Государственной Думы!

К тому времени инфляция уже зашкаливала, и появление Таврического дворца на деньгах

должно было добавить им веса в глазах обывателей. Народ должен был доверять не только новому правительству, но и его деньгам. Можете не сомневаться: в бурное революционное время люди очень придирчиво рассматривали новые купюры и, случалось, находили там то, чего и вовсе не было – мнимые символы, зашифрованные послания и так далее.

Из-за новаторского оформительского элемента тысячерублёвые кредитки прозвали в народе «думскими деньгами» или «думками». И кстати, с ними же связана одна из первых конспирологических теорий в истории русских бумажных денег. Дело в том, что подлинность одной из разновидностей «думок», отпечатанных так называемым клише № 2, до сих пор вызывает обоснованные сомнения. А высочайшее типографское качество этих денег наводит на мысль о том, что они производились где-то за рубежом – либо для подрыва российской экономики, либо для финансирования госпереворота, либо для всего плохого сразу.

Та самая «думка». Интересно, что на оборотной стороне банкноты была напечатана информация о размене на золотую монету, как на романовских деньгах. Хотя обмен бумажных денег на золото прекратили ещё в Первую мировую войну

На Дерибасовской хорошие рубли

Пример, поданный авторами «думок», не нашёл отклика в сердцах большевиков – по сути, они взяли курс на изживание денег путём гиперинфляции. Тут уж не до красоты, не до символики – хватило бы бумаги на новые тонны стремительно обесценивающейся типографской продукции.

На новых одесских трёх- и пятирублёвых билетах был изображён двуглавый орёл. Он нёс в руках свиток с гербом Одессы

Эти банкноты в народе прозвали «американками». Заказ на их печать в США размещался ещё при Александре Керенском, а получателем ценного груза было правительство адмирала Колчака. Часть денег предназначалась для отправки в армию Деникина. Так и не дождавшись готовившейся белыми денежной реформы, «американки» попали в распоряжение революционных правительств и часть их тиража получила надпечатки «Временная земская власть Прибайкалья» и «Дальне-Восточная республика»

ФОТО: ЯКОВ ШТЕЙНБЕРГ / С САЙТА MULTUROK.RU

Своё название «думки» получили в честь Таврического дворца (на фото). С началом Февральской революции здесь разместился Временный комитет Государственной Думы, а затем и Временное правительство. На снимке запечатлён день открытия первого заседания Совета рабочих и солдатских депутатов – 2 марта 1917 года

А вот люди, действительно разбирающиеся в экономике, похоже, оценили внешний вид «думок». Столкнувшись с острым дефицитом денежной массы, различные правительства, муниципальные власти и даже отдельные заводы и артели приступили к выпуску своих денег. Тот, кто изначально относился к ним как к средству платежа, постарался отразить это в их внешнем виде.

Всё в том же 1917 году эмиссию Городского самоуправления Одессы украсили не

только завитушки, но и изображения зданий Одесской городской Думы и купеческой биржи. Кстати, эти разменные билеты пользовались большим доверием народных масс и успешно конкурировали с красивыми, но лишёнными архитектурных излишеств украинскими карбованцами на обширных территориях Харьковской и Херсонской губерний.

Схожая картина наблюдалась на Дальнем Востоке страны. Правительство Колчака получило от американской компании «American Bank Note» государственные кредитные билеты с изображением Исаакиевского собора в Петрограде и всё того же Таврического дворца – здания Государственной Думы России. Правда из-за места печати эти деньги именовались уже не «думками», а «американками». И кстати, именно эти деньги по замыслу лидеров белого движения претендовали на роль основного платёжного средства после победы над большевиками.

Рабочие экспедиции заготовления государственных бумаг (сейчас – «Гознак») в Петрограде у бумагопрокатного станка. ЭЗГБ была основана ещё в 1818 году по распоряжению Александра I для того, чтобы обеспечить государство защищённой полиграфией. В период Гражданской войны работники предприятия трудились не покладая рук – печатали ничем не обеспеченные керенки и «расчетные знаки РСФСР»

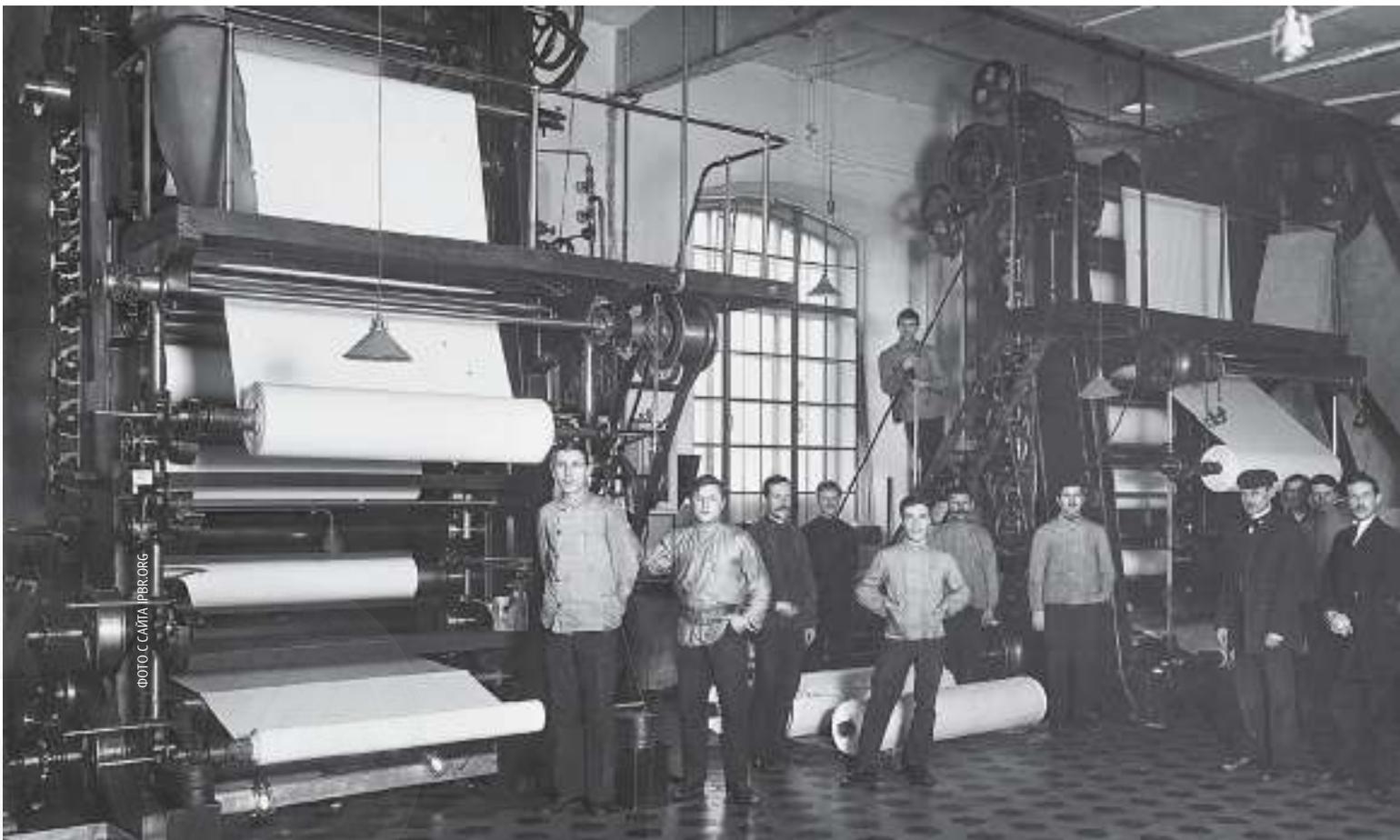

ФОТО С САЙТА IPBOR.ORG

На некоторых денежных знаках белогвардейцев Россия была изображена в виде женщины-воительницы, державшей щит со словами, ставшими лозунгом Белого движения

Россия Единая, Великая и Неделимая

О причинах поражения бывших армий историки спорят до сих пор и, как правило, сходятся во мнении: антисоветская идеология непрережденчества¹ проигрывала чёткой позиции большевиков по основным вопросам государственного устройства. Но если бы историки строили свои оценки на одном лишь внешнем виде денег, им пришлось бы признать: белогвардейские деньги не только красивее, но и намного патристичнее, внушительнее первых советских расчётных знаков, утративших присущий настоящим деньгам шарм.

На финансовом фронте белые противопоставили голому, ничем не обеспеченному большевистскому номиналу полный набор государственных и исторических символов. А начертанный на их деньгах лозунг «Россия Единая, Великая и Неделимая» был куда звонче и убедительнее глобалистского призыва объединять заводскую рабсилу всех стран.

Именно на белогвардейских деньгах впервые в истории нашей страны появляется изображение Московского Кремля. Он украшает денежные знаки достоинством 200, 1000 и 5000 рублей, выпускавшиеся разными типографиями на территории подконтрольной Главному командованию вооружёнными си-

лами Юга России (ВСЮР). Для усиления эффекта двухсотрублёвки украшены ещё и столбчатым памятником Михаилу Скобелеву – Белому генералу, герою русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Впоследствии этот памятник снесут те самые перманентно объединяющиеся «пролетарии».

Помимо Скобелева на деньгах белых армий можно найти портреты Минина и Пожарского, а также изображение памятника, установленного им на Красной площади в Москве. Есть и гравюры Ермака, атамана Платова и даже новгородский монумент «Тысячелетие Руси». Последний, правда, смотрится плохо – украшенные им моноцветные бонны печатались в 1920 году, уже на излёте белого движения.

Примечательно, что, захватив ту или иную область, большевики далеко не всегда запрещали оборот местных дензнаков. Случалось, что их печать продолжалась, продолжалось и хождение, как это было с «думскими деньгами», керенками и государственными кредитными билетами царской России, коих в конце 1917 года напечатали в разы больше, чем за всё правление Николая II. Как уже было сказано, это объясняется курсом большевиков на построение общества без денег путем их обесценивания через неограниченную эмиссию. Хотя, можно допустить, что учитывалась и высокая степень доверия к деньгам, которые уже были в обращении при прежней власти.

¹ Непрережденчество – один из основополагающих принципов внутренней политики Белого движения во время Гражданской войны. Считая своей главной задачей борьбу с большевиками, его лидеры предпочитали дистанцироваться от вопросов государственного строительства. Они декларировали, что «Учредительное Собрание, как единственный хозяин Земли Русской, должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй».

Как «деньги для дураков» падали с небес

Надо сказать, что малоубедительный вид совзнаков активно эксплуатировался пропагандистами ОСВАГ (ОСВедомительного АГентства) белых. Государственные кредитные билеты за подписью главного комиссара Народного банка РСФСР Георгия Пятакова, прозванные в народе «пятакотками», были образчиком неплатёжеспособности. Попав в распоряжение белых, они гасились и снабжались специфическими надпечатками. В числе самых известных из них: «Обманули комиссары – кучу денег надавали, а теперь на эти знаки ты не купишь и собаки», «Посмотри на этот кукиш! Ну-ка, что на них ты купишь?». И конечно же: «Деньги для дураков».

Мешки с такой агитпродукцией грузились на аэропланы и рассеивались у красных в тылу. Большевики реагировали на это болезненно...

Один из примеров надпечатки на кредитном билете РСФСР

Осведомительное агентство белых использовало аэропланы не только для сбрасывания агитационных листовок в тыл большевиков, но и большевистских денег, на которых печатались колкие высказывания

ФОТО С САЙТА PASTUCCI.COM

О настоящих ценностях

И всё же выводы были сделаны – уже после Гражданской войны и волн дичайшей инфляции; после обмена 10 тысяч старых рублей на один рубль образца 1922 года, а потом еще одного обмена – уже 100 рублей 1922 года на рубль образца 1923 года, советские деньги начали принимать привычный облик.

Вот тогда-то впервые в истории уже Советской России на новеньких купюрах появился герб СССР и панорама Московского Кремля с Большим Каменным мостом. Новой власти понадобилось немало времени, чтобы осознать невозможность отказа от денег и высочайшую значимость государственных и исторических символов на них.

С тех пор Московский Кремль регулярно появляется на бумажных деньгах нашей страны. Но красивее всего он смотрится на сталинской сторублёвке образца 1947 года. Кстати, как считают историки, концептуально его изображение копирует английскую банкноту номиналом 1 фунт стерлингов образца 1917 года, с видом на Вестминстерский дворец в Лондоне. Хотя, по мне, тот фунт здорово проигрывает нашей сторублёвке, ещё сильнее королевский дворец проигрывает нашему Кремлю – с какой стороны на них ни посмотри.

БОЛЬШОЙ ПРИВЕТ ЯМАЛЬСКИМ ОЛЕНЕВОДАМ ОТ ЮЖНЫХ КОЛЛЕГ!

Владимир ЗАВОДОВСКИЙ
г. Ишим, Тюменская область

Это не шутка – юг Тюменской области обживают олени стада. В споре за кормовую базу они уверенно конкурируют с местными бурёнками и табунами лошадей.

Причиной тому не климатические причуды, а житель Заводоуковска Сергей Шабалин. Лет двадцать назад он зачастил на отдых в алтайские горы, там и прикипел душой к величавым рогачам.

В Республике Алтай мараловодство – основной вид сельского хозяйства, но на юге нефтегазовой области им отродясь не занимались. Сергей Борисович долго сомневался, получится ли у него исправить такое упущение, но всё же решился на эксперимент:

– Первую партию в двести голов мы завезли пять лет назад. Очень беспокоились, как они здесь приживутся. Все-таки маралы – не равнинные животные, летом уходящие от гнуса высоко в горы. У нас здесь гнус хоть и не такой, как на Ямале, но тоже есть. Поначалу обрабатывали загоны, изучали заболевших животных – может, мошकारа закусала. Следили за адаптацией. Когда убедились, что оленей здесь всё устраивает и они прекрасно себя чувствуют в нашем климате, начали увеличивать поголовье...

Скоро их будут тысячи

Сегодня в угодьях нашего собеседника выпасается более восьмисот оленей. Это лишь начало, считает он. В планах довести поголовье до семи тысяч и создать самое крупное в России стадо. Уже третий год ферма выдает главный продукт мараловодства – панты. Это лечебный продукт, стоящий в одном ряду с женьшенем.

Несмотря на сравнительно небольшой опыт в этой сфере животноводства, тюменские оленеводы отмечают отличную адаптацию горных оленей на сибирской равнине. Есть и свои рекордсмены – один самец «сдал» десять кило рогов, что считается о-о-очень хорошим результатом.

Чем отличаются южные оленеводы от северных? Только обувью и транспортом. По тундре в ботинках не побегаешь и на легковушке не погоняешь. Хотя есть и малица, и унты, и снегоход.

– А ведь мы планировали и северных оленей адаптировать к местным условиям, – говорит Сергей Борисович. – Выезжали в экспедицию в Тазовский район, изучали опыт ямальских оленеводов. Наш приезд долго откладывался из-за сильных морозов, потом звонят: «Приезжайте, потеплело». Приезжаем, а там минус 30 на градуснике, вот так оттепель! Но впечатление от поездки осталось самое светлое: уникальная земля и чудесные люди со своим укладом жизни. А больше всего поразили сами олени. Они оказались гораздо меньше, чем я себе представлял, но как-то разбивают толстенный наст и достают из-под снега ягель. На таком подножном корме они должны быть истощенными, а выглядят здоровыми и вполне упитанными. Это чудо-животные!

ФОТО ИЗ АРХИВА СЕРГЕЯ ШАБАЛИНА

Сергей Шабалин – человек увлечённый. Не исключено, что в будущем стадо пополнится другими экзотическими животными

А ещё лошади, верблюды и...

К сожалению, идею разведения на юге области северных оленей пришлось забросить: специалисты убедили, что без ягеля они не выживут, а промышленными заготовками этого мха никто не занимается. Хотя сам Сергей Борисович представлял всё по-другому: на пышной южной травке северя-

ФОТО: ИВАН БЫЧКОВ/«ЯМАЛ МЕДИА»

ФОТО: ИВАН БЫЧКОВ / «ЯМАЛ-МЕДИА»

Летом маралы питаются в основном сочной травой. Зимой – сеном. Обожают морковь

нам будет и теплее, и сытнее, чем на родине. Оказалось, что ямальские олени более патриотичны, чем алтайские. А ведь опыт животноводства у Шабалина уже не маленький.

– В 2005 году мы увлеклись лошадьми. Первую пробную партию закупили в двести голов, а сегодня у нас уже три табуна, в которых более трех тысяч лошадей. Это для души. В коневодстве мне нравятся сами животные – сильные, свободные. Когда тысячный табун движется, чувствуешь неукротимую энергию. Сам люблю на них

покататься или просто походить в табуне, набраться положительных эмоций. Так можно стрессы снимать.

А еще у нашего собеседника есть двадцать пятнистых оленей и верблюды, с которыми связана комичная история. После неудачной попытки наладить торговлю верблюжьей шерстью хозяин отправил их на базу отдыха. Конечно, экзотичные высокие двугорбые животные, покрытые густой шерстью, выглядят красиво. Но пришло время линять, и вид у них стал совсем не тот. Сравните живую курицу с общипанной в магазине. А отдыхающие начали звонить в инстанции, дескать, спасите бедных животных, они от холода погибают.

Кстати, однажды (тоже для красоты!) оставили одного самца с рогами, так он, оказавшись среди безрогих собратьев, настолько оборзел, что покоя никому не давал – почувствовал себя вожаком стаи. Пришлось держать наглеца в отдельной вольере, пока рога не отпали естественным путем.

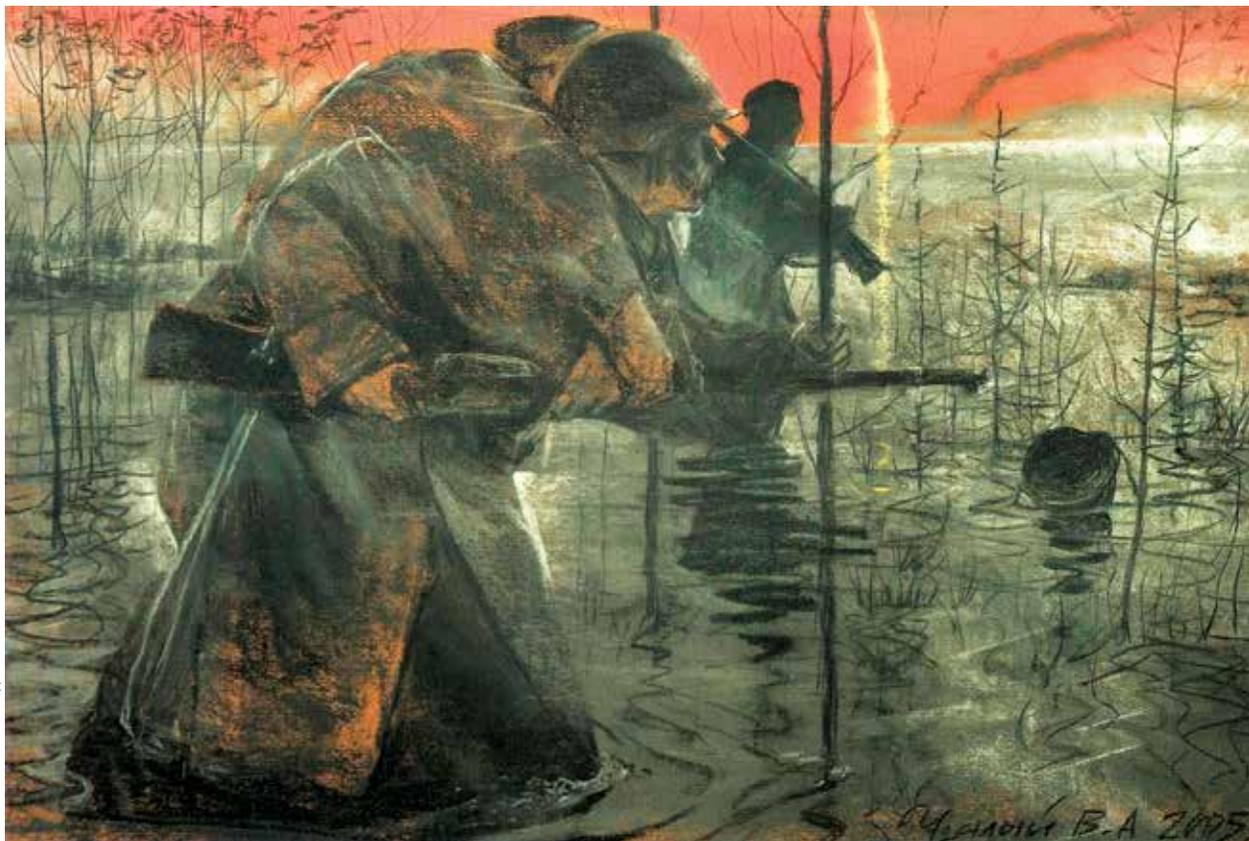
Вот такое дело для души получилось у фермера с юга Тюменской области. Что дальше? Может, крокодилов со страусами развести? 🌐

ФОТО: ИВАН БЫЧКОВ / «ЯМАЛ-МЕДИА»

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

ВАЛЕРИЙ ЧАЛОВИЙ «ЗА РОДИНУ: ЗА СТАЛИНА!» СЕРИЯ «ШТРАФБАТ», 2005. БУМАГА, ПАСТЕЛЬ

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

Попав в ходе приграничных сражений в плен, он провёл в немецких лагерях почти четыре года и всё это время рвался на свободу, совершил серию побегов и чудом выжил...

Юрий ТУТОВ

г. Москва

ФОТО ИЗ АРХИВА ЮРИЯ ТУТОВА

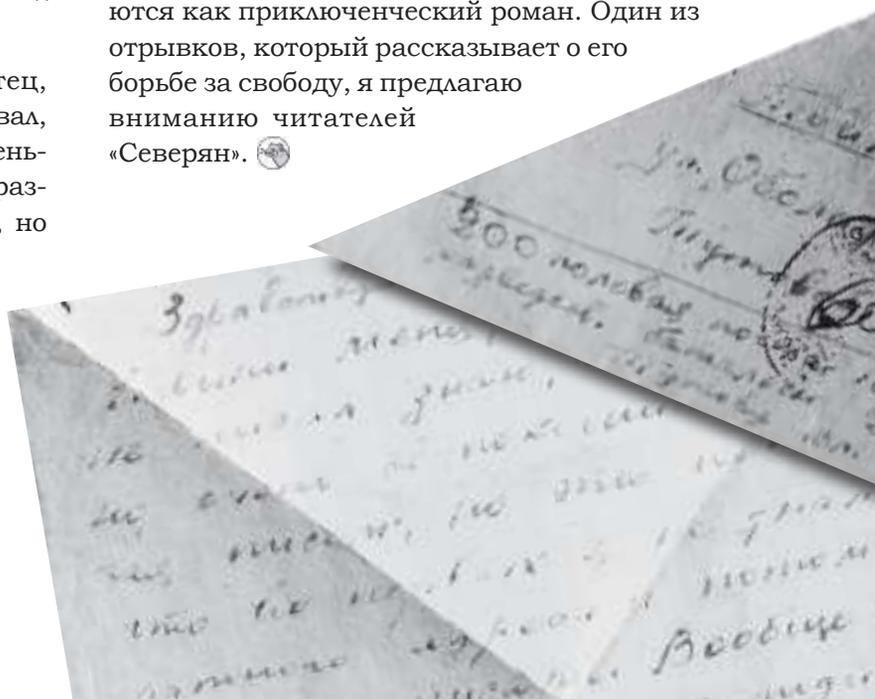
Так отец выглядел до войны. 37-й танковый полк, Пятигорск, 1939 год

Владимир Семёнович Тутов, мой отец, родился в 1917 году. Он с детства рисовал, причём почти сразу с тенями, на малюсеньких клочках бумаги. Родители решили развивать талант ребёнка, наняли учителя, но тот заставлял чертить пирамиды и кубы. Так папино рвение надолго сошло на нет. Зато со временем он увлёкся гимнастикой и плаванием, играл в водное поло, поступил в Ленинграде в спортивный техникум. Много у него было друзей-спортсменов: Петр Мшвенирадзе, Жора Харебов, Игорь Тер-Ованесян, Боря Ла-

гутин, Семён Бойченко, Пётр Бреус и многие другие...

В 1938 году отца призвали в армию в казачью танковую часть. Когда его подразделение маршировало по станице, с многих новобранцев сползали обмотки, на что родовые казаки кричали: «Эй, танкист, гусеница размоталась». Советско-финскую войну отец встретил в должности командира танка, но в боевых действиях поучаствовать не успел, хотя его часть уже готовилась к броску через Финский залив. Зато сполна хватил тягот Великой Отечественной войны. С 1955 года Владимир Семёнович работал фотокорреспондентом, состоял в Союзе журналистов, прекрасно лепил, говорил на немецком, английском, грузинском, много читал и занимался спортом до конца своих дней. А ещё он прекрасно рисовал. Благодаря такому сочетанию талантов он почти всего добивался сам, без учителей и наставников. И всё же я считаю, что тяготы тридцатых-сороковых годов не позволили ему полностью раскрыться, а его любимый тост «За свободу!» многие соотечественники попросту не понимали.

Отца не стало 1 июня 1999 года. Его подробнейшие фронтовые воспоминания читаются как приключенческий роман. Один из отрывков, который рассказывает о его борьбе за свободу, я предлагаю вниманию читателей «Северян». 🌐

ПОБЕГ ИЗ ПЛЕНА

Воспоминания младшего сержанта танковых войск Владимира Тутова

Зима 1941–1942 годов. Нахожусь в команде пленных по очистке дорог от снега в какой-то деревушке. Паяк ужасающе мал. Вначале немцы «питали» нас баландой, похоже, отобранной от свиного рациона, потом начали давать хлеб (подождите радоваться), булку весом два кило на... сорок человек. Хлеб состоял из смеси каштановой, желудевой и еще каких-то примесей и, конечно, немного муки. Желудок у меня болел, и, если я не сдерживался и съедал свой паяк сразу, то через несколько минут меня рвало. Поэтому я уничтожал его очень медленно и крохотными кусочками. А еще мы разделялись на группы по пять-шесть человек и разыгрывали свои пайки в карты – в очко. Правда, не у всех хватало силы воли перебороть муки голода, рискнуть и вытерпеть до конца игры. Поэтому большая часть в этих мучительных «развлечениях» не участвовала.

Около девяти утра нас выгоняли на работу. Солнце ярко светит, небо голубое, кругом

хвойные леса. Под ногами скрипит серебристый снег. Настоящий курорт. Одна беда – ужасно хочется есть! Но как только возле меня начинаются разговоры на тему еды, я сейчас же ухожу подальше от этих «гурманов».

И вот настал подходящий момент...

В один из дней развернулись неожиданные события. Из изб выходили солдаты вермахта и усаживались в деревенские розвальни для продолжения пути на восток. Впереди этого обоза стояли легкие сани с хорошим рысаком в упряжке. Сани были

На таком бронеавтомобиле БА-6 началась папина Великая Отечественная война. Он в звании младшего сержанта стал командиром экипажа: «На фронте наша бронюшка, заслуженно прозванная полковыми остряками «гроб с музыкой», была в составе танкового разведполка при штабе дивизии»

ФОТО С САЙТА WARALBUM.RU

Отец (слева) с одним из боевых товарищей, Бухарест, 1945 год

ФОТО ИЗ АРХИВА ЮРИЯ ТУТОВА

загружены с верхом. Ничего не предвещало бури. Вдруг... Что это? Из леса раздалась стрельба из ружей и пулемётов, кругом рвутся мины. Часто нам приходилось читать и видеть в кино, как в этот момент неуклюжие и трусливые фашисты в ужасе разбегаются и прятались от метких пуль кто куда, а партизаны освобождали Н-ский населённый

пункт. Увы, здесь всё было по-другому. По крайней мере, то, что я успел увидеть. Офицер прокричал какую-то команду, солдаты моментально развернулись в цепь, немецкие пулемёты открыли огонь и завязался бой.

Все были заняты огненной круговертью, и я решил использовать удобный момент в свою пользу. Не торопясь, спокойно, я подошёл к передним саням и дёрнул за вожжи; конь пошёл, я иду рядом, а сам наблюдаю назад. Вижу, вроде всё в порядке, все наблюдают за ходом боя, назад никто не смотрит, многие попрятались. Тогда я взобрался на сани и, ударив коня кнутом, поехал вон из деревни. Решил: если начнут кричать, попытаюсь объяснить, что конь понёс, а я хотел его остановить. Конечно, я не был уверен, что эта выдумка спасёт меня, но лучшего не придумал.

Теперь только вперёд!

Итак, можно с натяжкой считать, что я свободен! Но что ждёт меня впереди? Я еду по проселочной дороге в неизвестность. Хлестнул коня, и мы помчались. Мороз градусов 25, но я одет тепло и не мёрзну. Ещё помогает закалка. Много лет провел на воздухе и в бассейне, а когда играл в водное поло, часами не вылезал из воды. В то время зимних бассейнов у нас не было, и мы не знали тёплых раздевалок и горячих душей!

Как назло долго не было поворотов вправо или влево, и приходилось ехать вперёд. Хорошо, что никто не встречался. Проехал две деревни, на улицах – ни души. Стало темнеть, да ещё появились густые облака. За поворотом дороги показалась деревня, вроде побольше предыдущих. Кто там, вдруг немцы? Жуткое предчувствие! Но и ехать назад нет никакого смысла. Могу попасть к хозяину санин – живого места не оставят, а скорей всего попросту убьют. На голове у меня знаменитый шлем буденовка, шинель серая – на спине две буквы «SU». Пожалуйста, дорогие немцы, вот он я, забирайте! Шишку шлема я затолкал внутрь, чтобы мой головной убор хотя бы издали походил на «дойче мютце».¹

¹ Deutsche mütze – немецкая военная шапка-фуражка.

Деревня пустынная, радуюсь: проскочу! И вдруг, вижу: навстречу идёт солдат, скорчился бедняга, на бровях иней, шинель тонкая не греет. Наша русская намного теплее. Вряд ли он что-нибудь видел впереди. Прогнал я мимо благополучно. Но на всякий случай всё же пробормотал сквозь зубы «хайль» и вскинул руку. Думаю, чёрт его знает, а вдруг ему покажется подозрительным, что не поприветствовал. Не поднимая головы, немец ответил, и мы разминулись.

Внимание, воздух!

Я ликовал, номер прошёл. Забыл упомянуть: на санях лежали две немецкие заряженные винтовки – я проверил. Вдруг слышу рокот немецкого, летевшего не очень высоко самолёта. До околицы оставалось сто – сто пятьдесят метров. Но рано я торжествовал, очень даже рано, предстояло ещё одно испытание моей нервной системы. Влево от меня, метрах в пятидесяти от дороги стоял большой одноэтажный бревенчатый дом, может, бывший сельский совет с довольно вместительной открытой терраской. Вдруг распаивается дверь, и из избы вываливается с десятков человек, еще теплых, закуривающих сигареты и оживленно болтающих. Я не шевелюсь, сохраняю спокойствие, надеюсь проскочить. Один из солдат увидел меня, толкнул соседа, все оживились, очевидно, готовясь принять меры к задержанию. Решаю: как только начнут энергичные действия, ложусь на сани, ударю коня и открою огонь по немцам. Стрелок я был отличный. Возможно, смогу уйти, если у них нет транспорта.

В это время гул самолёта усилился и добавил вой летящей бомбы – она попала прямо в дом! До меня долетают обломки брёвен и досок, но обошлось благополучно. Конь от испуга помчался, развив рекордную скорость, а я смотрю на звёзды удаляющегося бомбардировщика и не верю своему счастью. Наверное, пилот возвращался с задания с последней бомбой, летел низко и ещё издали увидел меня. Решив, что я немецкий обозник, краслёт сбросил на меня остатки груза, а попал куда надо – в жилище вышедшего под удар противника.

И здесь я вспомнил предсказание, услышанное от старика-ветерана, участника первой мировой бойни. Оглядев внимательно всю нашу компанию пленных, он заявил: «Не знаю, как вы, ребята, а вот он, – и указал на меня, – останется жив». Его слова оправдались, несмотря на то, что я совершил ещё три побега, да ещё к этому имею несдержанный язык...

Староста тоже наш человек

Наконец, идёт ответвление дороги вправо, колею видно еле-еле – пустынная, заброшенная. Быстро темнеет. Кое-где стоят заваленные снегом, видно, брошенные немецкие фуры. Смутно вижу несколько избёнок. Подъехал к одной. В окнах темно, стучу в дверь. На всякий случай держу винтовку наготове. Вышел мужик средних лет. Спрашиваю:

– Ты кто?

– Я – староста...

Ну, думаю, попался. Растерялся и, не найдя ничего лучшего, в стиле политработника грозным голосом спрашиваю:

– Но ты остался советским человеком, не продашь меня? Я бежал из плена, и меня нужно спрятать.

– Нет, не продам! – ответил старик. Этот разговор вёлся совершенно напрасно, если бы он захотел продать меня, то за те три недели, которые я там прожил, мог сделать это много раз...

Не теряя времени, коня отвели в дальний заброшенный сарай, сани разгрузили и спрятали на хозяйственном дворе, забросав их разным хламом. Среди доставшихся с санями трофеев оказались новые солдатские ботинки, мужские новые костюмы, новое бельё, сигареты, табак и другое имущество. Кроме всякого барахла, были документы и подробнейшие карты. Нам, советским бойцам, о такой роскоши тогда и не мечталось. Мы ходили в разведку вообще без карт. Всё равно, что на вечеринке в жмурки играть...

Всё, что было из одежды, я раздарил хуторянам. Табак и сигареты отдал старикам, правда, им курево не понравилось: «Слабовато, нам бы махорочки». Я обещал в следующую экспроприацию добыть махорки. Прошло около трёх недель в хуторе Барки.

Однажды пришла советская разведка, и командир приказал собираться и уходить с ними, но в этот момент прибежал солдат и что-то доложил командиру, и они поспешно ушли. Уже на ходу (они были на лыжах) командир крикнул: «Мы вернёмся!» Прошло несколько дней, из соседней деревни прибежали мальчишки и докладывают мне: «Иди по дороге на северо-восток, там наши войска».

За время жизни на хуторе я заметно поправился. Девчата связали шикарный шарф и две пары варежек из разноцветной шерсти. Хуторяне подарили тёплое пальто, шапку, валенки, и я оказался одетым с ног до головы в гражданскую одежду. Только я не захотел расставаться с военной гимнастёркой, из-за которой вскоре чуть не попал на тот свет...

Рано утром, сопровождаемый сердечными пожеланиями, полный надежд на счастливое окончание предприятия, вышел я из хутора и направился по указанию моих маленьких разведчиков на северо-восток.

Почти как в 1812-м

Таинственная тишина... Лес молчит. Воздух не шелухнется. Деревья покрыты снегом, стоят, не шевелясь, как женщины в белых платках на молитве в церкви, лишь скрипит под ногами снег, да чуть слышно собственное дыхание. Мороз наверняка под сорок, а может и больше, но мне тепло. Иду, погружённый в какие-то мечты, планы... И вдруг всё рухнуло: треснула тишина, исчезли мечты, всё смешалось – послышались выстрелы. Один, второй, третий!

От неожиданности я даже мер никаких не принял – скажем, упасть или искать укрытие. И опять тишина... Но через две-три минуты снова раздались выстрелы. Теперь я догадался, почему не слышно свиста пуль: это от мороза лопались деревья, а мне, южанину, только читать приходилось о таких чудесах.

Марширую дальше. Началась большая просека, и перед моими глазами открылась ужасная картина: в самых разных позах лежат сотни убитых, скованных морозом трупов наших и немецких солдат. Этот кошмар не могу за-

быть до сих пор. С горечью я задумался о загубленных молодых жизнях, так безжалостно брошенных в бой, о семьях их и об их матерях. Видно, бой был очень тяжёлый.

Некоторые иногда спрашивают: «А ты убивал немцев?» Всех солдат всех наций учат в армии убивать, и на войне каждый выполнял свой долг по своим способностям, но меня этот вопрос всегда выводил из себя. Несмотря на то, что по ту сторону были лютые враги, хвастаться убийством не могу.

И снова немцы...

Прошло минут тридцать, как я миновал это жуткое место. Подхожу к мосту через ручей, и вдруг из-под моста появились странные фигуры: сразу даже и не разобрал, кто это. На голове солдатское одеяло, как бабья шаль, ноги обмотаны одеялами, в руках автоматы. «Хальт!» – раздался окрик. Подвели меня к приятному на вид фельдфебелю.

– Кто такой? Откуда идёшь?

– Иду из Нелидова в Мостовую, к маме. Работал на станции, восстанавливали станционное здание. Вчера сказали: завтра можешь идти домой.

– Почему не дали аусвайс?²

– Я не знал, что надо, встал рано утром и пошёл.

– А почему в армии не служишь?

– Мне только семнадцать лет исполнилось...

На самом деле мне тогда было 24 года, хотя внешне я выглядел гораздо моложе. В 1945 году, вернувшись в Тбилиси, я работал в школе преподавателем физкультуры. После первого урока зашёл в учительскую и скромно присел у стола. Тут ко мне подбежала преподавательница грузинского языка Сванидзе и с негодованием спросила: «А вы что здесь делаете?». Я, конечно, понял, в чём дело, но просто ответил: «Отдыхаю». – «Вам надо отдыхать в коридоре». – «Извините, до войны преподавателям физкультуры можно было отдыхать в учительской. Если теперь нельзя, я выйду!» Бедная Сванидзе ужасно растерялась и долго извинялась. А мне тогда было уже 28 лет.

Однако вернусь к беседе с фельдфебелем. Посмотрев на меня внимательно, он промол-

² Ausweis (нем.) – удостоверение личности на оккупированных Германией территориях.

чал, видно, поверил. Держался я как настоящий перепуганный парень из деревни. Между тем солдаты отняли у меня варежки и хотели продолжать грабёж, но я промолвил что-то о вшах, и грабёж прекратился.

Фельдфебель, судя по выражению лица, уже намеревался меня отпустить. И вдруг мгновенно его лицо превратилось из доброго в свирепое. Он подскочил вплотную и вцепился в пуговицу гимнастёрки, предательски высунувшуюся между складками шарфа, а на ней – звезда!

– Партизан! Проклятый бандит!

– Их бин кайн партизан!³

– А это что? – и он потянул пуговицу.

– Я поменял гимнастёрку у пленного на хлеб! – залепетал я, но обозлившийся фельдфебель ничего не слушал и крикнул двум солдатам, чтобы немедленно меня расстреляли.

На волоске от гибели

Всё у меня внутри оборвалось, надежды на спасение не было, наступили апатия, безразличие. Я только дышал, а чувствовал себя уже на том свете. Солдаты свели меня в кювет (не засорять же дорогу), повернули предохранители на винтовках и начали поднимать их к плечу. И вот я уже вижу два чёрных кружочка, откуда сейчас жажнет огонь – последнее, что я увижу перед смертью.

Солдаты были из вермахта, не СС, и это спасло меня. Они все процедуры тянули – чувствовалось, что они жалели меня, молодого деревенского парнишку. И когда в последний момент фельдфебель крикнул: «Стоп! Отведём его в штаб, может, он что-нибудь знает», мои несостоявшиеся палачи с явным облегчением рывком опустили оружие «к ноге». Я ещё подумал: «Чёткость как на строевой подготовке».

Солдаты не растерялись и поручили мне нести пулемёт. Если они думали обрадовать меня, то это у них не получилось. Тащить их МГ пришлось до самой деревни. Вся она окружена была окопами, лес кругом вырублен широкой полосой. Подступы прикрывали посты наблюдения, блиндажи, дзоты.

ФОТО ИЗ АРХИВА ЮРИЯ ТУТОВА

В боях и в плену отца спасала не только смекалка, но и выносливость. Он очень любил спорт. Даже в восемьдесят с лишним лет делал зарядку по утрам. На фото – папа со своими работами. Сентябрь, 1972 год

И вот ведут меня прямо в избу, а там полковник со своим штабом. Пока фельдфебель докладывал ему о моей персоне, я осмотрелся. На столе лежит громадная карта этой местности, я даже успел найти дорогу, по ко-

³ «Я не партизан».

ФОТО ИЗ АРХИВА ЮРИЯ ТУГОВА

С мамой, Тamarой Михайловной Морозовой, папа познакомился в 1948 году в Москве. Это один из первых их общих снимков

торой шёл. Каждая мелочь обозначена, и названия по-русски и по-немецки напечатаны.

Как хорошо, что я, несмотря на голод, холод, не ленился и учил язык. Пожалуй, знание его спасло мне жизнь. Как говорят: «Знание языка врага – это лишнее оружие против врага».

Помню, полковник сказал переводчику: «Скажи ему, мы находимся здесь, – и ткнул пальцем в карту, – вот в этом месте мы, а он шёл отсюда, со стороны русских. Там у них артиллерия. Пусть расскажет, что видел. Сколько там пушек, их калибр, сколько солдат».

Весь состав штаба стоит навтытяжку. Полковник всё говорит и говорит, а меня буквально бросает в жар, ведь я шёл совсем с другой стороны и не мог видеть наши позиции. Всё что ни скажу по этому поводу – будет тут же проверено и опровергнуто. Настаивать на своей легенде – тоже неразумно, детальный допрос неминуемо кончится разоблачением.

Ну, и кто здесь идиот?

Все эти мысли вертелись в моей несчастной голове со скоростью диска в HDD-накопителе. И пока полковник говорил, а переводчик переводил, у меня молниеносно созрело решение. Я склонился над картой, присмотрелся к точке, куда ткнул пальцем немец, поднял на него

глаза, осмотрел внимательно присутствующих, снова нагнулся к карте и... расхохотался самым натуральным идиотским смехом. Надо было видеть, как остолбенели присутствующие во главе с полковником; его лицо покраснело, и заикающимся голосом он заорал:

– Что он смеётся?

– Как же господин полковник может говорить такую вещь, – продолжая смеяться, отвечал я. – Мы такие большие, и нас много, разве можем мы поместиться в таком маленьком месте?

Переводчик не выдержал и сам усмехнулся, но полковник так гаркнул на него, что бедняга с перепуга вытянулся, как струна, и дрожащим голосом перевёл мои слова. Тогда полковник глубоко вздохнул, раздражённо хмыкнул, презрительно посмотрел на меня и, конечно, непоколебимо убеждённый в превосходстве арийской расы над остальными, приказал утомлённым голосом:

– Уведите его! Это же самый настоящий идиот!

В общем, сценка мне удалась. Вот только в отличие от профессиональных актёров я старался не ради искусства, я спасал свою жизнь. И снова мне вспомнились слова седого ветерана-предсказателя, а потом и Горация: «Хорошо в своё время разыграть из себя дурака». 🌐

ПАМЯТЬ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

Ирина ТУТОВА

г. Москва

Отца моего мужа – Владимира Семёновича Тутова я не видела никогда, он умер за шесть лет до моего знакомства с супругом. Но в доме мужа я постоянно сталкивалась с предметами, которые принадлежали свёкру, по ним я и собирала его образ, как пазл.

Взять, например, зарубежные издания с его отметками на полях. Выяснилось, что он начал изучать английский в сорок лет и уже через полтора года читал Джека Лондона в оригинале. Наткнулась на коробочку, в ней был бюстик, который он лепил с себя, и была поражена техникой исполнения. Такое ощущение, что это произведение какого-то знаменитого скульптора. О его фотографиях можно говорить часами – он был знаменитым спортивным фотографом.

В молодости Владимир Семёнович работал тренером по плаванию и до глубокой старости имел спортивную осанку; в 82 года всегда делал по утрам зарядку и пытался детей приучить к этому, но безрезультатно.

В 1948-м Гурам Кордзахия лепил с него скульптуру Маяковского, которая хранится в музее пролетарского поэта в Москве и считается лучшим его изображением. Что ж, мой свёкор действительно был очень похож на Владимира Владимировича...

Он свободно говорил на грузинском языке, очень любил Грузию. А немецкий выучил по дороге в концлагерь. Когда фашисты гнали наших пленных, свёкор нашёл учебник за 5-й класс. По нему и осваивал язык врага, зная, что пригодится. Если замерзал, придумывал специальные упражнения, которые делал даже в строю, и никто этого не замечал, а он тем самым сохранял своё здоровье...

О его военном пути я узнала из воспоминаний, которые он написал перед смертью. Они меня и взволновали, и потрясли. Он донёс до меня свое отношение к жизни в любых, даже невыносимо тяжёлых ситуациях.

При этом в его словах нет ни тени уныния или отчаяния. Наоборот, все его рассказы – это повествование очень сильного человека, который философски относился ко всему происходящему. В лагере он всегда что-нибудь мастерил, потом продавал или менял на продукты; хорошо получались у него шашки или зари для игры в нарды.

В июле 2011 года мы с мужем поехали в Чехию с посещением концлагеря Терезиенштадт, в котором содержался его отец. С собой взяли томик воспоминаний Владимира Семёновича с фотографией, на которой запечатлён лагерный двор и дверь в его камеру. По этому снимку мы долго искали то самое место, несколько раз обошли всю территорию, заглянули в каждый двор, каждую камеру. Нашли даже застенки, где томился Гаврило Принцип, застреливший в 1914 году эрцгерцога Франца Фердинанда Австрийского с супругой.

Вконец измученные, мы наконец нашли искомое. С дрожащими от волнения ногами, не замечая находившихся там же американских туристов, мы вошли внутрь. Глаза на мокром месте, ком у горла – иностранцы сразу заметили наше особое состояние. Они спросили, что нас так взволновало и почему мы проявляем невероятный интерес именно к этой камере. Муж ответил, что здесь сидел его отец. Молодая туристка непроизвольно отпрянула от этих слов. Стала расспрашивать о Владимире Семёновиче, чем он занимался, что любил, сколько лет прожил после войны, в её глазах сверкал неподдельный интерес. Уходя, она долго оглядывалась на нас, а я дума-

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ | СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ

да о том, что только человек, обладающий исключительной организованностью, высочайшим оптимизмом и бесконечным жизнелюбием, мог перенести ужасы Терезиенштадта и не сойти с ума. Вот и собрался мой папа. У меня получился портрет прекрасного человека с внешностью Маяковского. Мы не были знакомы, но я горжусь тем, что знаю его! 🌍

Концлагерь Терезиенштадт был создан в ноябре 1941 года на базе тюрьмы гестапо и просуществовал до мая 1945-го – момента освобождения Советской армией. Среди заключённых было немало известных на весь мир учёных, литераторов, музыкантов и политиков

ФОТО: ЮРИЙ ТУТОВ

ФОТО: ЮРИЙ ТУТОВ

ФОТО: ЮРИЙ ТУТОВ

ФОТО: ЮРИЙ ТУТОВ

АРКТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ВАСИЛИЙ МОКСЕЕВ. «КУКУШКА». 2013. БУМАГА. СМЕШАННАЯ ТЕХНИКА. ПРЕДОСТАВЛЕНО МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

ТРЕСТ, КОТОРЫЙ РАЗВИВАЛ АРКТИКУ

Всеволод ЛИПАТОВ

г. Салехард

Девяносто лет назад, 17 декабря 1932 года, Совнарком СССР принял постановление, изменившее жизнь русской Арктики самым коренным образом – было создано Главное управление Северного морского пути (ГУСМП). Этому решению предшествовало множество значимых событий. О чем-то много и захлеб писала советская и зарубежная пресса. Что-то старались не афишировать.

ФОТО: МАРК ТРОЯНОВСКИЙ/ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА АЛЕКСЕЯ ТРОЯНОВСКОГО

Снимок был сделан в 1936 году во время секретной операции, получившей название ЭОН-3 (экспедиция особого назначения). Её главной задачей стала переброска двух эсминцев по Севморпути из Балтики в Тихий океан

В начале 1930-х годов в Кремле обратили на арктические моря особое внимание. Причины были веские. Опыт Первой мировой, а потом и Гражданской войны показал, что южные и западные порты может захватить противник, а значит, стране необходим запасной морской путь. Что ж, о нём вспомнили весьма кстати...

На границе ходят тучи и хмурые самураи

Летом 1931 года Владивосток посетил нарком по военным и морским делам СССР Климент Ворошилов. По итогам комиссии он резюмировал: «Захват Владивостока является простой экспедицией, которая может быть

поручена любому подставному авантюристу»¹. А уже в сентябре Япония вторглась в Маньчжурию, к Рождеству 1932 года её войска стояли у восточного края Великой Китайской стены. Было провозглашено марионеточное государство Маньчжоу-Го, примыкавшее к границам нашей страны. Но главная опасность заключалась в том, что именно вдоль этой границы проходила Транссибирская железная дорога, связывающая центр с восточным регионом. Если бы агрессору удалось перерезать «стальной хребет русского великана», СССР мог лишиться всего Дальнего Востока.

В Кремле поспешили предусмотреть любой поворот событий и в феврале 1932 года озаботились воссозданием Тихоокеанского флота страны. Но и это не давало полной гарантии безопасности. Поэтому заговорили и о дублировании участков Транссиба более северными трассами (Байкало-Амурская магистраль), и о сооружении Трансполярной магистрали, и о развитии дальней авиации (помним рекорды тех лет!), и, конечно же, о скорейшем развитии транспортного сообщения по Севморпути.

В начале августа 1933 года заработал Беломорско-Балтийский канал. Это сразу же изменило расклад сил на Севере. По новому судоходному пути туда были переброшены военные корабли. Началось формирование Северного флота страны².

Долгое эхо тюленьей войны

Отметим, к мысли о развитии СМП советское правительство подвела ещё одна – ныне малоизвестная, но крайне важная причина. С 1920 по 1933 год между Советской Россией и Норвегией шло сражение, названное современниками «тюленьей войной» или «войной браконьеров».

Беспорядки на морских арктических границах начались еще в апреле 1920 года, когда норвежские рыбопромышленники воспользовались Гражданской войной и интервенцией в России. Исходя из того, что их правительство не признало Советскую власть, они решили, что эти воды ничейные.

Еще до революции они частенько заходили к нам, но старались придерживаться правил. А в 1920-м совместно с англичанами без зазрения совести начали хищнический лов.

Сотни судов вошли во внутренние воды страны – от Мурманска до Архангельска. Они били тюленей, никого не боясь, а Советское правительство и местные власти могли только беспомощно наблюдать, как иностранцы беспардонно хозяйничают в их морских угодьях.

Вторжение японцев в Маньчжурию в 1931–1932 годах не только ускорило процесс создания Тихоокеанского флота нашей страны, но и заставило власти обратить внимание на необходимость развития Севморпути

¹ Горбунов Е. А. «Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии». «Вече», 2010 г.

² Филин П. А. «Главное управление Северного морского пути в истории управления Арктикой». Полярные чтения-2019.

ФОТО С САЙТА UK.COM

Больше десяти лет между Советской Россией и Норвегией длилась «тюленья война»

Ноты протеста, посланные наркомом иностранных дел РСФСР Георгием Чичериным, попросту игнорировали. Многие были уверены, что новая власть в России скоро падет, поэтому пользовались случаем урвать кусок пожирнее.

На следующий год варварский промысел возобновился. Армада норвежских китобоев и других промысловых судов не щадила ни самок, ни бельков (детенышей тюленей). Охотились на моржей и белых медведей. Счет истребленных животных шел на многие тысячи. Пограничникам удалось задержать три судна, Чичерин направил очередную ноту протеста, но норвежцы продолжали хранить гордое нордическое молчание. И тогда, в мае 1921 года, Совнарком принял Декрет «Об охране звероловных угодий Белого моря». Только после этого МИД Норвегии «заметил» РСФСР и... потребовал отпустить своих арестованных подданных, мотивируя это тем, что не признаёт Советы. Причем претензии северных соседей пошли еще дальше – они потребовали сместить морские границы нашей страны к побережьям Баренцева и Белого морей.

В 1923 году норвежцы пришли уже под охраной броненосца «Хеймдал», который своими орудиями разогнал пограничников. Этот сезон стал особенно варварским – было истреблено более девятисот тысяч тюленей! После этой бойни несколько лет в этих водах нечего было ловить.³

Как полярники защитили Землю Франца-Иосифа

Не будем забывать, что охота на морского зверя приносила молодой стране необходимую валюту. А еще, как сейчас сказали бы, столь беспардонное поведение норвежцев причиняло ей репутационный ущерб.

Конечно, были и попытки наладить сотрудничество. По соглашению между СССР и Олесундским союзом норвежских судовладельцев и тюленепромышленников была соз-

ФОТО С САЙТА GOARTIC.RU

³ Иванова Ж. Б. «Олесундская звероловная концессия и проблемы охраны и рационального использования морских живых ресурсов северной России». Вестник РУДН, № 2, 2012.

дана Олезундская концессионная компания. Норвежцы получили право вести промысел от Кольского полуострова до архипелага Новая Земля. Концессия была выгодна Норвегии, платили они немного, около 5,8 процента «от валовой стоимости добытого зверя». Вот только экспорт шкур в Норвегию в четыре раза превосходил этот доход. В 1925–1926 годах было продано выделанных шкур на 97 тысяч долларов.⁴

Браконьерские набеги продолжались и после того как в 1924 году Норвегия признала Советскую Россию. Дошло до того, что наши соседи решили захватить Землю Франца-Иосифа, мотивируя это тем, что там нет никаких полярных станций. Но их экспедиция опоздала. 29 июля 1929 года советские полярники подняли над суровым архипелагом флаг СССР. Теперь там постоянно жили люди, а на острове Гукера заработала самая северная в мире исследовательская станция.

Отметим, уже тогда ученые понимали, что высокие широты – кухня погоды все-

На Земле Франца-Иосифа. Рисунок из издания 1876 года Юлиуса Пайера. Именно он и Карл Вайпрехт в 1963 году в составе Австро-венгерской экспедиции открыли архипелаг, который в 1929 году стал частью советской территории

ФОТО: МАРК ТРОЯНОВСКИЙ / ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА АЛЕКСЕЯ ТРОЯНОВСКОГО

С помощью самодельных парусов «Александр Сибирияков» добрался до цели. Через десять лет, в 1942 году, легендарное судно было потоплено в бою с немецким линкором

го Евразийского континента. Пройдёт всего несколько лет и от подготовленных здесь метеосводок будет зависеть судоходство по Северному морскому пути.

А что с браконьерскими набегами норвежских промысловиков? С формированием в Баренцевом море Северной морской флотилии ВМФ СССР вопрос о принадлежности богатейших угодий отпал сам собой.

Экспедиция, которая решила все проблемы

В 1930 году, как в песне Леонида Утесова, «штурмовать далеко море» отправилась экспедиция под руководством Отто Юльевича Шмидта. На ледокольном пароходе «Георгий Седов» они должны были пройти из Баренцева моря к западным берегам Северной Земли.

Надо бы напомнить, что не все поддерживали этот поход. Находились люди, которые уверяли, что плавать через льды невозможно и экономически нецелесообразно. Они предлагали альтернативу – железную дорогу вдоль арктических морей. Но сторонников освоения морского пути было больше. Оно и понятно, наладить судоходство можно было дешевле и быстрее.

⁴ Иванова Ж. Б. «Олезундская зверобойная концессия и проблемы охраны и рационального использования морских живых ресурсов северной России». Вестник РУДН, № 2, 2012.

28 июля 1932 года экспедиция на борту «Сибирякова» отправилась в очередной поход в Арктику. Они стали первыми, кому удалось обогнуть Северную Землю с северной стороны. Пока сражались с тяжелыми паковыми льдами, был поврежден гребной винт. Пришлось ремонтировать. Последние мили шли под парусами. Кстати, парусов на судне изначально не было – их сшили уже в пути, из брезента, которым закрывали уголь. В дело пошли также небольшие паруса от шляпок.

1 октября 1932 года «Сибиряков» вышел на свободную ото льдов воду и вошел в Берингов пролив, здесь его ждал пароход «Усуриец», чтобы взять на буксир.

Эта экспедиция подтвердила, что на современных судах уже можно пройти за одну навигацию по самому сложному участку Северного морского пути. Счастливый итог вдохновил руководство страны.

К тому же осенью 1932 года в Москве проходила I конференция по размещению производительных сил. Первый заместитель председателя Госплана Валерий Межулак заявил, государство придает большое значение Северу и «уже готово наступать по всему фронту». Было решено во второй пятилетке поставить «во весь рост проблему освоения советского Се-

вера». Все очень удачно совпало, и дело осталось за малым: решить, кто будет заниматься полномасштабным развитием Арктики.

Сталин дал суперглавку добро

На Политбюро, которое проходило в декабре 1932 года, с докладом выступил Валерий Куйбышев, член Политбюро ЦК ВКП(б), докладчиком был Отто Шмидт. На заседание пригласили людей, которые уже успели поработать в Арктике, в том числе Марка Шевелёва, начальника авиаслужбы обеспечения ледовой разведки в Карском море.

В своей книге «Арктика – судьба моя», вышедшей мизерным тиражом, Шевелёв в красках описывал, как рождалось Главное управление Северного морского пути. На том судьбоносном совещании присутствовал Иосиф Сталин, он внимательно слушал все доводы, но до поры до времени не вмешивался в ход обсуждения.

Куйбышев и Шмидт огласили список первоочередных мер. Если бы их тогда утвердили, то все наркоматы начали бы получать всё больше и больше различных распоряжений правительства. При этом каждая из множества организаций должна была курировать свой фронт работ. Например, Наркомпочтель отвечать за строительство радиостанций, а Внешторг закупать ледокольные пароходы. В условиях нарастающего документооборота всё это закончилось бы путаницей, взаимными обвинениями и срывом всего дела. К счастью, тогда всё сложилось наилучшим образом, потому что в Кремле решили не делить поручения и обязанности по отраслям, а сразу назначить ответственного за реализацию всего грандиозного проекта.

Марк Шевелёв вспоминал, как Сталин резюмировал обсуждение Политбюро:

«Арктика – вещь сложная. Надо создавать организацию, которая отвечает за всё. И знала бы – отвечает за Арктику и больше ни за что. А мы с нее спросим – и строго! Бумаги переделайте, – обратился Сталин к докладчикам. – А мы напишем постановление: создать при Совнаркомме Главное управление Северного морского пути».⁵

Северному морскому пути посвящены не только книги и фильмы, но и почтовые марки, конверты, значки. В 1980 году в Мурманске даже вышло издание под названием «Северный морской путь в филателии»

⁵ Шевелёв М. И. «Арктика – судьба моя». Издательство НПО «МОДЭК», Воронеж, 1999.

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И.С. ШЕМАНОВСКОГО

Советское правительство уделяло большое внимание не только защите государственных границ, но и обучению народа. Ямал, 1930-е годы

Так по инициативе Сталина возникло суперведомство, уполномоченное курировать на подчиненной территории всё – начиная с транспорта и жилищного строительства и заканчивая вопросами здравоохранения, образования, культуры, пушного промысла и торговли. Получилось эдакое государство в

государстве, охватившее обширные территории от Полярного круга до Шпицбергена, Новой Земли и Чукотки.

Справедливости ради отметим, что это решение Сталина не было чем-то новаторским. Некоторые исследователи отмечают, что схожими с ГУСМП функциями ранее наделялись такие организации, как Транспортно-промышленный колонизационный комбинат Мурманской железной дороги и Акционерное Камчатское общество. Полагаясь на опыт их деятельности, и был создан новый главк – куда более крупный и могущественный, чем все его предшественники.

Пушки Шмидту не отгружать!

Постановление об организации нового учреждения, которое бы занималось комплексным развитием Арктики, было подписано 17 декабря 1932 года. Отто Шмидт, назначенный руководителем Главного управления Северного морского пути (ГУСМП), горячо взялся

Здание Северо-Уральского треста Главсевморпути. Салехард, начало 1950-х годов

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И.С. ШЕМАНОВСКОГО

ФОТО С САЙТА UK.COM

Нечто подобное ГУСМП пытались создать и ранее. В 1919 году постановлением правительства адмирала Колчака был сформирован Комитет Северного морского пути. Ему поручалось создание устойчивой морской связи Сибири с западноевропейскими портами для развития внешней торговли.

На следующий год уже Сибирский революционный комитет преобразовал его в «Комсеверпуть». Позже были еще реорганизации, пока с марта 1932 года организация не получила статус Всесоюзного экспортно-импортного и транспортно-промышленного объединения

за дело. Уже 1 января 1933 года он подписал первый приказ: «Сего числа считать ГУСМП начавшим работу».

Потом пошли назначения на должности и организационные мероприятия. Первым начальником полярной авиации ГУСМП стал Марк Шевелёв, благо опыта полетов и административной работы ему было не занимать.

Сталин внимательно следил за развитием Арктики и работой новой организации. Он отлично понимал всю её стратегическую важность. Даже как-то пошутил, сравнив с Ост-Индской компанией:

«Вот у Ост-Индской компании были свои войска для подавления восстаний, а у нас всё должно решаться мирным путём, поэтому пушек Шмидту не давать».⁶

Сталин знал, о чем говорил. Британская транснациональная компания оставила во всемирной истории грязный след. Она занималась плохо завуалированным грабежом колоний, устраивала государственные перевороты и войны, захватывала территории. Не гнушались англичане пиратством и работорговлей. В вопросах национальной политики Россия всегда была их полной противоположностью.

Ямал не остался в стороне

Проектом ГУСМП занимались настоящие энтузиасты. Довольно скоро структурные подразделения этой гигантской организации приступили к работе. Это отразилось при формировании пятилетнего плана СССР на 1933–1937 годы. Впервые в истории страны в него включили пункт «Освоение Советской Арктики».

Так сбылись самые смелые мечты российских исследователей-первопроходцев. На волне множества ярких рекордов для Арктики строились ледоколы и морские транспорты, разворачивались гидрометеорологические станции, эфир наполнился позывными новых северных радиостанций. А еще в самые отдаленные поселения пришла цивилизация – со школами, больницами, клубами и киноаппаратурой.

Окружной центр ЯНАО тоже вошел в сферу интересов ГУСМП. Уже в марте 1933 года было решено создать «Северо-Уральский трест с центром в Обдорске», который должен был заниматься развитием речного и каботажного плавания, устройством портов и угольных баз севернее Полярного круга. При этом управление должно было заключить специальный договор с Народным комиссариатом внешней торговли для проведения Карской экспедиции.

Но и это ещё не всё. При поддержке структур ГУСМП Ямальский окрисполком начал заниматься овощеводством в производственных масштабах, особенно в защищенном грунте. В Обдорске был организован овощемолочный совхоз, оживилось жилищное строительство.

⁶ Шевелёв М. И. «Арктика – судьба моя». Издательство НПО «МОДЭК», Воронеж, 1999.

КАК ЭТО БЫЛО | АРКТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Деятельность ГУСМП на Ямале хорошо видна при сравнении экономических достижений второй и третьей пятилеток. В 1938 году, когда управление было реорганизовано, с мест посыпались тревожные докладные. Руководители жаловались на катастрофическую нехватку средств для развития экономики края.⁷

ГУСМП переживал взлеты, были большие проблемы и реорганизации. Особенно в навигацию 1937 года, когда 25 судов так и не дошли до своих портов назначения, а вынуждены были зимовать в Арктике. Главной причиной неудач стало излишне большое внимание, уделявшееся развитию подконтрольных территорий. За заботами о социальном быте начальство подзабыло о главном.

Последовали жесткие оргвыводы и наказания. В 1938 году было реше-

но: «Разгрузить Главсевморпуть от предприятий, сосредоточив его работу на выполнении поставленных перед ним основных задач, то есть сконцентрировать его деятельность на обеспечении арктического судоходства».⁸

Но как бы там ни было, эта организация продолжала играть огромную роль во всех сферах развития Арктического региона.

Главное управление Северным морским путем было ликвидировано лишь в 1964 году.

⁷ Алексеева Л. В. «Становление полярного земледелия в СССР (на материалах Ямала)». Вестник Нижневаровского государственного университета, 2017.

⁸ Филин П. А. «Главное управление Северного морского пути в истории управления Арктикой». Полярные чтения-2019.

ИСТОРИЧЕСКИМИ ТРОПАМИ ОПИСТОРХОЗА

Иван БЫЧКОВ

г. Тюмень

Если вы брезгливы – не читайте эту статью. Не зайдёт она вам и во время еды, ведь речь пойдет о братьях наших меньших, можно сказать, единокровных – паразитах. Точнее, об их древних видах и о том, как они влияют на изучение истории.

Шерлоку Холмсу порой хватало одной мелкой детали, чтобы восстановить картину преступления. Современные археологи по яйцам паразитов в раскопах реконструируют образ жизни древнего человека. Об их уникальных методах и открытиях наш сегодняшний рассказ.

Ископаемые летописцы

Есть такая очень молодая наука – археопаразитология. Она рассматривает останки древних гельминтов в историческом контексте. Полагаясь на её методы, ученые изучают пищу древних людей и способы её приготовления, пути миграции, санитарное состояние поселений и жилищ наших далеких предков.

Например, исследуют археологи раскопки на Ближнем Востоке и находят останки дифиллоботрий. Обычный медработник этому, конечно, сильно удивится. Ведь в Палестине, Сирии или Израиле слишком жарко для существования таких глистов. Их ареал – Скандинавия и Северная Германия. На основе этого факта историки, даже не зная о крестовых походах, могут сделать вывод о массовом приходе людей с территории Северной Европы и датировать его с точностью до 10–20 лет.

Или взять раскоп хазарского могильника на берегу Кубани, в котором ученые нашли яйца описторхов. Подхватить их, кушая местную рыбу, древний кочевник вряд ли мог. Зато он вполне мог заразиться, поглощая живца из ближайших рек описторхозного ареала – Дона, Волги или Днепра. Таким

образом, даже не зная о том, что эти земли входили в состав Хазарского каганата, можно установить предполагаемые границы целого государства.

ФОТО: ИВАН БЫЧКОВ / «ЯМАЛ-МЕДИА»

Основная область интересов кандидата биологических наук Сергея Слепченко – исследование древнего населения Сибири с помощью палеопатологии, палеопаразитологии и физической антропологии

Изучая недуги древних людей, ученые узнают много нового. Разумеется, при этом учитывается вся совокупность достоверных сведений о том или ином периоде истории. Хотя есть и исключения. К примеру, установить санитарное состояние древнего поселения можно только методами археопаразитологии.

Так возникают новые науки

Омский хирург Сергей Слепченко, проработав семь лет в медицине, вдруг осознал,

что болезни древних людей ему гораздо интереснее современных недугов. В поисках себя Сергей Михайлович пришел в Тюменский Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, где занялся вполне традиционной палеопатологией – косточки-черепки. Вскоре оказалось, что это направление исхожено вдоль и поперек, и чтобы снискать признание научного сообщества, нужно менять специализацию.

Ведущий научный сотрудник сектора физической антропологии Слепченко проявил инициативу и на очередном раскопе могильника взял пробу грунта с крестца скелета и контрольку в другом месте, заведомо чистом.

В лаборатории под скептические возгласы коллег (дружище, до тебя над этой темой многие бились!) ученый попытался найти в грунте что-нибудь полезное. При этом он решил применить хорошо отработанный метод санитарной паразитологии – санврачи так проверяют детские площадки-песочницы. Слепченко сделал пробоподготовку, выложил под микроскоп и – о чудо! – обнаружил яйца гельминтов.

Имея на руках (в переносном смысле – в медицине это важно!) такой материал, Слепченко связался с известными в мире паразитологами, фактически основателями этого научного течения – бразильцем Адауто Арайо и американцем Карлом Руйрхардом. При их поддержке в 2015 году была написана новаторская научная статья, рассказывающая о реконструкции паразитозов у населения, оставившего могильники у Киккиакки. Да-да, речь о том самом крошечном селе на юго-востоке ЯНАО, где обнаружен могильник XVIII–XIX веков. Он оставлен селькупам, обитавшими близ старинной фактории в верховьях Таза.

Там, в могильных пробах грунта, археологи обнаружили дифиллоботриозы – яйца лентецов. Известный всем широкий лентец в организме человека вырастает до двадцати метров в длину! К счастью, территория Ямала поражена лишь чаечным лентецом, чей основной хозяин – чайка. В человеке он долго не живет, но успевает дать потомство (не для аппетита: данный факт был выявлен ученым-исследователем Сердюковым путем самозаражения).

ФОТО: ИВАН БЫЧКОВ/«ЯМАЛ-МЕДИА»

ФОТО: ИВАН БЫЧКОВ/«ЯМАЛ-МЕДИА»

ФОТО: ИВАН БЫЧКОВ/«ЯМАЛ-МЕДИА»

Световой микроскоп, центрифуга и набор химических реагентов для выделения органических веществ из почвы – всё, что нужно для работы учёному, занимающемуся археопаразитологией

ФОТО ИЗ АРХИВА СЕРГЕЯ СЛЕПЧЕНКО

ФОТО ИЗ АРХИВА СЕРГЕЯ СЛЕПЧЕНКО

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И.С. ШЕМАНОВСКОГО

Разделка рыбы на одном из ямальских промыслов. Момент запечатлён исследователем русского Севера Владимиром Евладовым во время одной из экспедиций

И вот процесс пошёл!

– Открытие, сделанное в Киккиакки, позволило утверждать, что в старину местные жители питались сырой рыбой, выловленной исключительно в тазовской акватории, – рассказывает Сергей Слепченко. – Отсутствие следов описторхов говорит о маловероятности их контактов с биоресурсами Обь-Иртышского бассейна, зараженного этим паразитом насквозь...

Вдохновившись этим успехом, ученые занялись пробоотбором в раскопах по всей Западной Сибири. Археологи из других регионов, узнав об этом, охотно делились с тюменскими коллегами пробами, которые брались ими в расчёте на то, что они пригодятся для какого-нибудь исследования. Пригодились...

– В числе прочих к нам пришли пробы от Олега Викторовича Кардаша из Институ-

та археологии Севера и Георгия Петровича Брызгалова, «копавшего» Мангазею, – продолжает собеседник. – На основе совместных исследований был опубликован ряд научных статей, а ареал исследований закономерно вышел далеко за пределы Сибири. Благодаря этому мне довелось поучаствовать в археологических раскопках могильников «Нефтепровод» и «Рябчиков ключ» в Красноярском крае. Сегодня наш институт – единственный научный центр изучения археопаразитологии на территории СНГ. К нам поступают пробы грунтов со всей России.

О брезгливых сарматах и не только

– Сергей Михайлович, что из установленных в последнее время фактов наиболее ценно для археопаразитологии?

– Любой, даже самый удивительный факт без вытекающего из него вывода особой ценности в мире исследователей не представляет. По одному лишь факту обнаружения в раскопках следов рыбных паразитов можно реконструировать не так уж и много. Но можно. И здесь уже возможны сенсации, – поясняет Слепченко. – Например, считается доказанным, что кочевники-сарматы, зани-

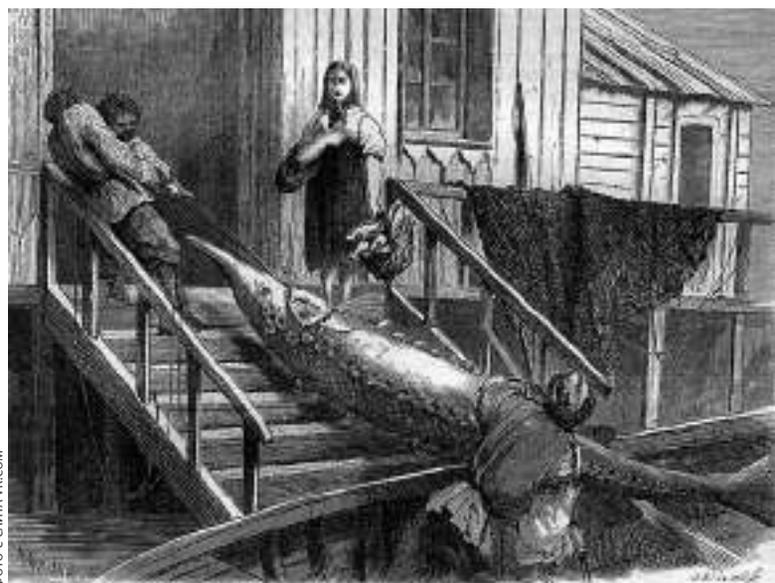

ФОТО С САЙТА VK.COM

Наши моря, реки и озёра всегда были богаты рыбой. На гравюре 1867 года – огромный осётр, выловленный в Волге

мавшиеся скотоводством, на дух не переносили рыбу. Они её не считали пищей. Но... при раскопках сарматского могильника Ковалевка - I в Волгоградской области археологи нашли следы дифиллоботрий. Заразиться ими можно только при употреблении рыбы, да еще обязательно сырой, вяленой или сушеной. Значит, кое-кто из брезгливых сарматов всё же ел не только мясо и выращенный оседлыми соседями хлеб!

По словам собеседника, яйца описторхов обнаружили даже в водоводах Древней Фанагории на Таманском полуострове, куда их тоже принесли издалека.

Для нас, северян, эти факты звучат как банальность: ну, ели древние люди рыбу, и что? Однако всё самое удивительное впереди. С какого возраста наши дети едят уху или рыбные котлетки? Примерно с года. Но в древних захоронениях описторхи встречаются даже у шестимесячных младенцев, заразившихся ими за несколько месяцев до смерти. А в останках трехлетних детей они выявляются повсеместно. То есть наши предки всю кормили младенцев именно сырой, а не жареной или вареной рыбой. Почему? Чуть ниже Сергей Слепченко ответит на этот вопрос...

Сыроядение как признак интеллекта

– Сергей Михайлович, бытует мнение, что процесс адаптации наших предков к условиям Крайнего Севера неразрывно связан с их питанием...

– Совершенно верно! Зародившись в Африке, человечество постепенно распространилось на все пригодные к заселению земли. На это ушли тысячелетия. В процессе освоения новых территорий у людей менялся паразитарный состав – в зависимости от места обитания и особенностей пищи. Первые следы человека на Крайнем Севере датированы примерно 45-м тысячелетием до нашей эры. Обосновавшись в высоких широтах, он их уже не покидал. И хотя нет никаких свидетельств тому, что он уже тогда ел рыбу, это вполне можно допустить, – подчеркивает Слепченко. – Первые сведения о рыболовстве в наших краях датируются эпохой неолита. Примерно за восемь тысяч лет до нашей эры человек включил в свой рацион речных и озерных обитателей. С этого момента он уже не мог не заражаться рыбными паразитами – описторхозом и дифиллоботриозом. Правда, четкие следы этих недугов пока найдены лишь в захоронениях раннего Средневековья.

– Почему?

– Потому что в распоряжении ученых пока нет соответствующих проб древнее начала XII века. Но для людей, впервые попробовавших речную рыбу, это были новые паразиты, к которым предстояло адаптироваться. То, что

Рыбный промысел на фактории Дровяной, 1935-1936 гг.

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

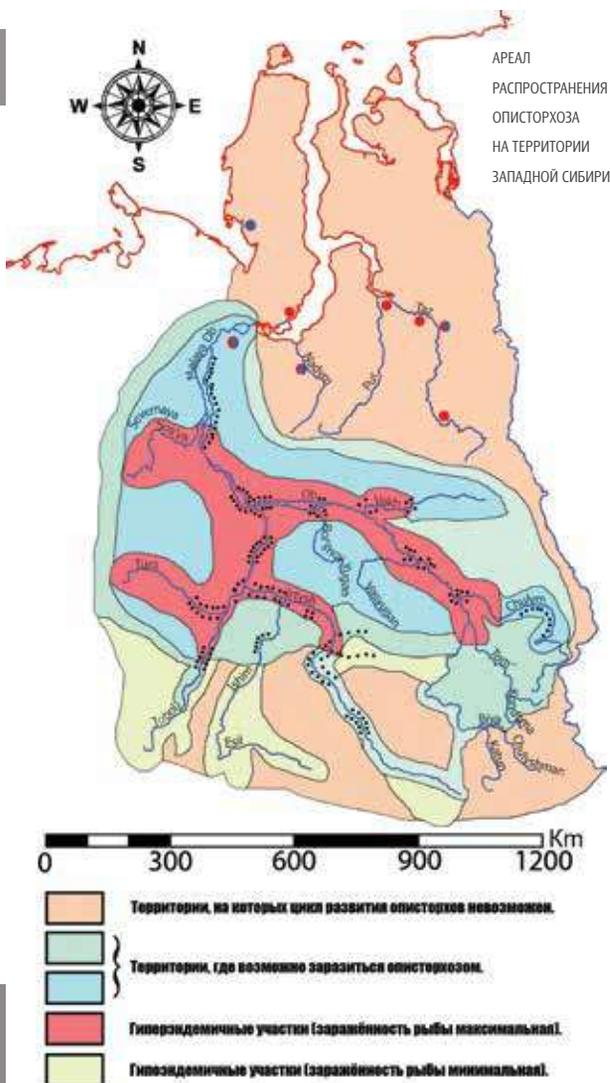
Паразитизм (от древнегреческого «нахлебник») – тип сосуществования организмов, при котором один из них (паразит) определенное время использует другого (хозяина) в качестве источника питания и среды обитания, частично или полностью возлагая на него регуляцию своих взаимоотношений с окружающей средой.

сегодня мы почти не видим результатов этой адаптации, говорит лишь о крайне малом временном периоде с момента первого столкновения человека с этим вызовом – несколько тысячелетий лишь миг для эволюционного процесса! А вот процесс адаптации человека к экстремальным природным условиям мы как раз-таки наблюдаем – по рыбным паразитам в археологических раскопках. Дело в том, что на Крайнем Севере отсутствует растительная пища, содержащая достаточное

количество необходимых витаминов, и получить круглый год, например, витамин С можно, только употребляя в пищу сырую рыбу. Именно сырую, так как при термической обработке большая часть витаминов и микроэлементов разрушается (паразиты, впрочем, тоже погибают). А вкушая ещё трепыхающегося язя или сырка, неизбежно заразишься гельминтами, чьи признаки ныне обнаруживаются археологами.

Зная, что описторхи в организме человека сами не множатся, а накапливаются в процессе употребления зараженной пищи, можно определить – случайно была съедена невесть откуда взявшаяся рыба либо при жизни ее поедали в больших количествах.

– То есть множественные останки рыбных паразитов в могильнике подтверждают факт систематического употребления сырой рыбы и, соответственно, полной адаптации человека к жизни на Севере?

Откуда пошли ямальские описторхи

Обь-Иртышский бассейн – территория процветания «рыбных» разновидностей паразитов. Житель Ямала рискует заразиться описторхозом и дифиллоботриозом – наиболее частыми и опасными для нашего организма описторхами. И вот почему.

Описторхоз – заболевание из группы трематодов, вызываемое паразитическими плоскими червями. Заражение происходит при приеме в пищу сырой, слабосоленой или недостаточно термически обработанной речной рыбы семейства карповых. Заболевание характеризуется поражением внутрипеченочных желчных протоков, желчного пузыря и протоков поджелудочной железы.

Описторхи – древние паразиты, их следы находят в меловых отложениях (от 70 до 145 миллионов лет). Для сравнения: озеру Байкал «всего» 35 миллионов. А значит, были они и там...

В жизненный цикл описторха входят несколько звеньев: пресноводные моллюски би-

ФОТО С САЙТА VK.COM

ФОТО С САЙТА VK.COM

Чтобы выжить на Севере, нашим предкам приходилось есть сырую рыбу. Так они восполняли дефицит витамина С, поясняет Сергей Слепченко. На фото – новоземельские самоеды, 1910-е годы

– Вот именно! И не нужно думать, что наш предок ел сырую рыбу от дикости – в то время он вполне умел пользоваться огнем. Наоборот, данный факт говорит о его достаточно высоком интеллектуальном развитии, ведь он уже осознавал пользу именно сыроедения. Не имея микроскопов и таблицы Менделеева, поликлиник и аптек, он потреблял именно то, что нужно для выживания.

Почему в Гренландии вымерли викинги?

Думаю, теперь читатели и сами догадались, почему трехлетние дети древних северян питались сырой рыбой. Именно такой рацион был главным условием выживания на Крайнем Севере. Однако, вернемся к беседе с Сергеем Слепченко.

тинииды, рыба и поедающее рыбу животное: медведь, волк, песец, водные крысы и т. д.

Миллионы лет назад ареал распространения описторхоза охватывал всю Евразию от нынешней Португалии до Юго-Восточной Азии и покрывал всю нынешнюю Россию. Но постепенно этот очаг дробился на более мелкие, и сегодня его границы находятся между Енисеем и Обь-Иртышским бассейном. Остались мелкие очаги на Амуре и в Юго-Восточной Азии – в Таиланде и Вьетнаме.

На других территориях произошло вымирание одного или нескольких звеньев жизненного цикла описторха. И кстати, далеко не все рыбы являются переносчиками. Со всем не подвержены этой болезни сиговые и хищные, в том числе щука. Зато почти поголовно всякие язи и чебаки.

Дифиллоботриоз, вызываемый червем-лентецом, тоже попадает в организм с сырой рыбой.

То есть человек, поедающий сырую рыбу из Обь-Иртышского бассейна, обязательно

заразится или тем, или другим. Но скорее обоими паразитами сразу.

Время от времени переносчиков описторхов случайно завозят в другие регионы. Но, не имея нужных условий, они не приживаются на новом месте. К примеру, лимитирующим фактором для улиток-битиниидов является холодная вода – если в течение трех месяцев она не прогревается хотя бы до +15 С, описторхоза быть не может.

Словом, родина этого паразита расположена не на Ямале, а гораздо выше по течению, где он размножается в теплой воде. А к нам попадает уже с зараженной рыбой. И, к сожалению, в огромных количествах. Ямальский Север является зоной выброса описторхоза и крупнейшим в мире очагом этого паразита.

Сегодня ареал заболеваемости уже не совпадает с самим очагом в связи с высокой мобильностью людей и перемещением рыбной продукции. А раньше и то и другое было в одних границах, что очень важно для ученых.

ФОТО ИЗ АРХИВА ОКРУЖНОЙ ГАЗЕТЫ «КРАСНЫЙ СЕВЕР»

Безопасность продукции прежде всего. Этому правилу следуют все ямальские предприятия, занимающиеся переработкой рыбы

– В 20-х годах прошлого столетия один русский врач отправился на Новую Землю для изучения коренного населения – ненцев. Этот остров опустел лишь в 1950-е годы и ранее был довольно густо населен. Первое, что сразу бросилось в глаза молодому ученому, – разница между детьми местных ненцев и русских рыбаков. Первые – розовощекие и здоровые, вторые – бледные и хилые. Исследования выявили только одно различие в образе их жизни: ненцы ели сырую рыбу и мясо нерпы, русские – привезенную солонину и хлеб. Типичной материковой пищи хватало для поддержания жизнедеятельности, но не позволяло сохранить здоровье.

Самый яркий исторический пример: миграция викингов в Гренландию. Не отказавшись от привычной материковой пищи, колония скандинавов деградировала и вымерла. А эскимосы так и живут на этом ледяном острове с зеленым названием, поедая рыбу и сырое мясо.

С этой же дилеммой сталкивались русские первопроходцы сибирских просторов. В одной из летописей упоминается поход вглубь Сибири в XVII веке. Есть сырую рыбу наотрез отказалась жена воеводы – не по-христиански это. Она и умерла первой от цинги...

Вот и выходит, что сыроедение в условиях Крайнего Севера – не следствие дикости, а верный признак адаптации человека к недостатку растительной витаминизированной пищи.

Чистые руки не у тех, кто их моет?

– Никогда бы не подумал, что пара паразитов может дать историкам столько важной информации!

– На самом деле, этих паразитов гораздо больше, – улыбается Слепченко. – На раскопках Мангазеи их останки встречаются в широком «ассортименте». И если бы мы ничего не знали об этом северном поселении, то по найденным яйцам всё равно пришли бы к выводу, что его населяли уроженцы юго-запада Руси. Ведь они страдали нехарактерным для северов аскаридозом и трихинеллёзом. Кстати, вы никогда не задумывались, почему в старину у ямальских ненцев не было привычки мыть руки? Да потому, что у них не было такой гигиенической потребности. На Ямале отсутствовала опасность заразиться геогельминтами – любимыми паразитами, жизненный цикл которых связан с землей. Не их это ареал. А потом на Крайний Север пришла цивилизация...

С биологической точки зрения сегодня нам известна современная паразитарная картина с природными очагами и их границами. Где пролегли границы ареалов распространения паразитов в древности, и как там жили и боролись за здоровье люди, мы пока слабо осведомлены. Менялся климат, менялись природные условия...

Но всё же есть и прикладное значение этих знаний. Когда собранный материал со всей Западной Сибири (начиная с раннего Средневековья до начала XX века) сравнили с данными, полученными учеными в конце 80-х годов прошлого столетия в поселке Ванзеват и других поселениях Белоярского района Югры, получилась удручающая картина. Осматривалось коренное население: в основном ханты, немного ненцев и зырян, а также русских. Оказалось, что если в былые времена на этих территориях встречались только описторхоз и дифиллоботриоз, то при позднем Союзе здесь наблюдался широкий спектр паразитозов, включая аскаридоз и энтеробиоз (самая распространенная паразитарная инфекция в мире, вызываемая червячками-острицами. – Прим. авт.).

– Виновата цивилизация?

– Скажем так: причина – в изменении условий жизни народов Крайнего Севера. Теплые жилища, новая диета, скотники и коровники создали условия для жизненного цикла геогельминтов. Скученность, в том числе детей в интернатах, способствовала быстрому размножению и распространению того же энтеробиоза. Понятно, что этих остриц сюда привезли с Большой земли, но мы создали условия для их выживания в ранее непригодных для этого условиях. Кстати, сопутствующим фактором для этого стало отсутствие у местного населения строгих правил гигиены – проще говоря, привычки постоянно мыть руки...

И что нам с этими «чужими» делать?

Паразиты гораздо древнее людей и лучше приспособлены к выживанию. Постепенно человечество к ним полностью адаптирует-

ся, как ко многим вирусам и бактериям. Или еще раньше вымрет по собственной вине.

В принципе, паразитов можно и победить. Так считают многие ученые, включая Сергея Слепченко. Чтобы уничтожить тот же описторхоз, нужно просто ликвидировать одно из звеньев его жизненного цикла. Но это очень плохой вариант, с каких сторон его не рассматривай. Ареал распространения описторхозов сужается естественным путем, но такими темпами на это уйдут еще миллионы лет.

Поэтому нам нужно следить за своим здоровьем и чаще мыть руки. А археологи потом проследят путь нашей адаптации к паразитам. В любом случае уже сейчас они выстраивают эволюционную цепочку: человек – сырая рыба – описторхоз – адаптация к проживанию на Крайнем Севере. Как бы странно это ни звучало. 🌐

Рыбная отрасль остаётся одной из важнейших на Ямале

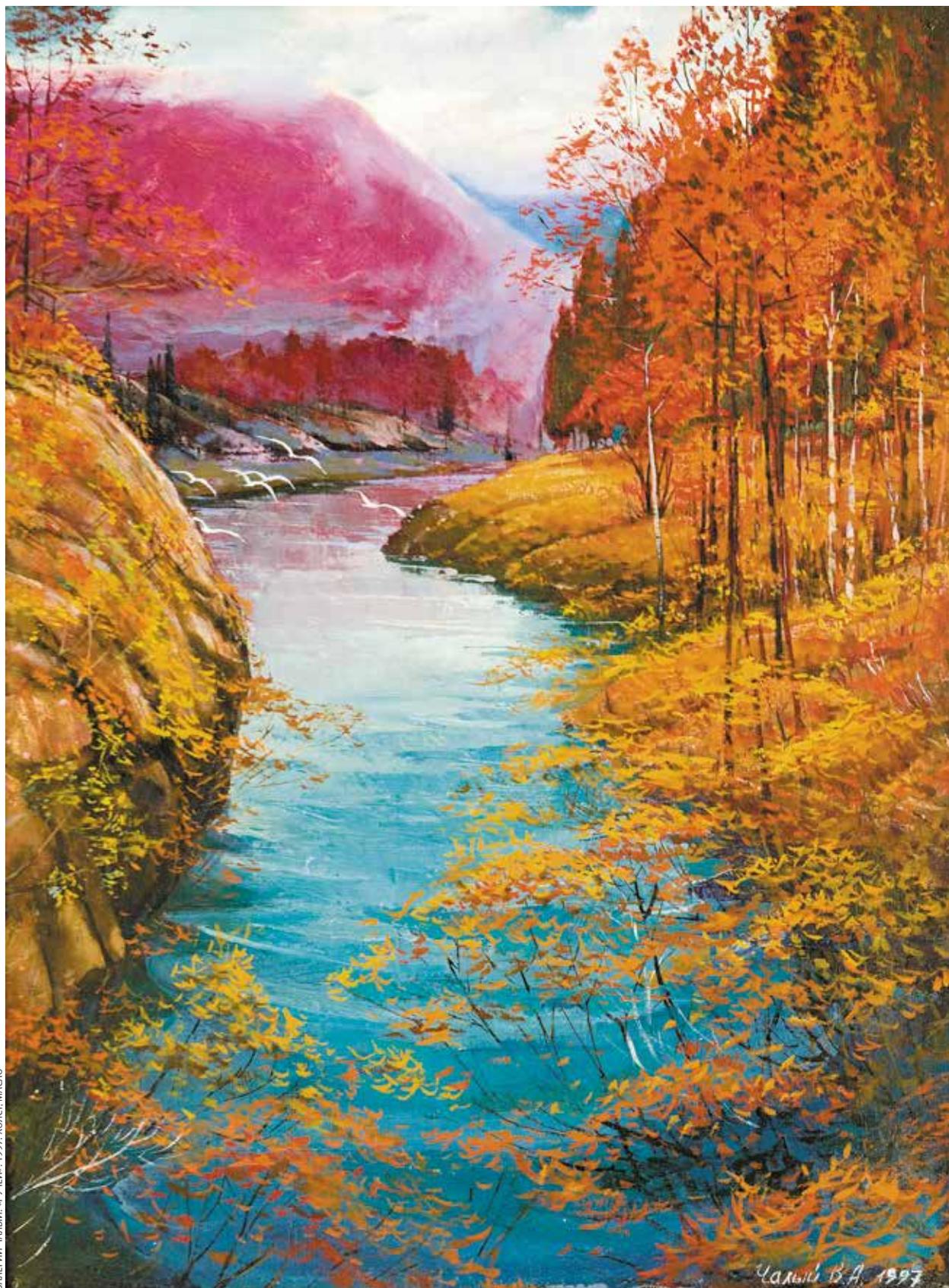

МОЯ ЛЮБОВЬ

Леонид ЛАПЦУЙ

Тундра,
Я к тебе любви не прячу,
Да и разве может быть иначе,
Если, усадив меня на нарты,
Ты учила брать любые старты!..
Где в году по двести дней бураны
Пляшут, как истошные шаманы,
А ветра голодною волчицей
Воют так, что даже и присниться
Не всегда такое людям может
Под великим северным сияньем...
Тундра,
Я тебя и на мгновенье
Не могу представить без оленей –
С их извечно гордою походкой,
С их красивым бегом, как полётом,
В даль, где горизонт из дымки соткан
И озвучен гулом самолёта.
Дома не засиживаюсь долго –
Я всегда ищу своей победы...
И опять зовёт меня дорога,
Я всегда куда-нибудь да еду.

ШТРИХИ ВРЕМЕНИ

ВАЛЕРИЙ ЧАЛЫЙ. «РУЧЕЙ». 1997. ХОЛСТ, МАСЛО

КАЮТА НОМЕР ШЕСТЬ

Андрей ДРОБИНИН

г. Салехард

Пиратская команда «Красного башлыка» с примкнувшим к ним Федоровым победно возвращалась в Салехард. Отмечая успех, пили без меры, орали песни... Разошлись не на шутку. Перефразируя известные слова Чехова, сопитухами было вылакано всё, кроме Полуя.¹

(Продолжение. Начало в № 3, 2022 г.)

Чтобы несколько прийти в норму после «похода», не стали швартоваться в Салехардском порту на обычном месте, а зачалились у Монашкина острова. Это по весне, в период «большой воды», остров почти полностью затоплен, кроме узкого треугольника западного берега, а в сентябре он становился полностью доступен.

Сегодня большинство салехардцев даже и не слышали о таком острове. А между тем он рядом. Если смотреть на Полуя прямо от лодочной станции, то взгляд упрётся в большую зеленую линзу – Монашкин остров, где когда-то косили сено обдорские монахины, правее за рекой – Юркина протока, ещё правее – Черкашинский сор. Рисковые охотники тридцатых годов, несмотря на сильное течение и большую глубину, ставили свои

За двадцать лет, прошедших со времён революции, посёлок почти не изменился. В верхней части Салехарда (новое название писали через дефис – Сале-Хард) сохранились дома XIX века и купеческие амбары, на берегу всё так же кипела жизнь

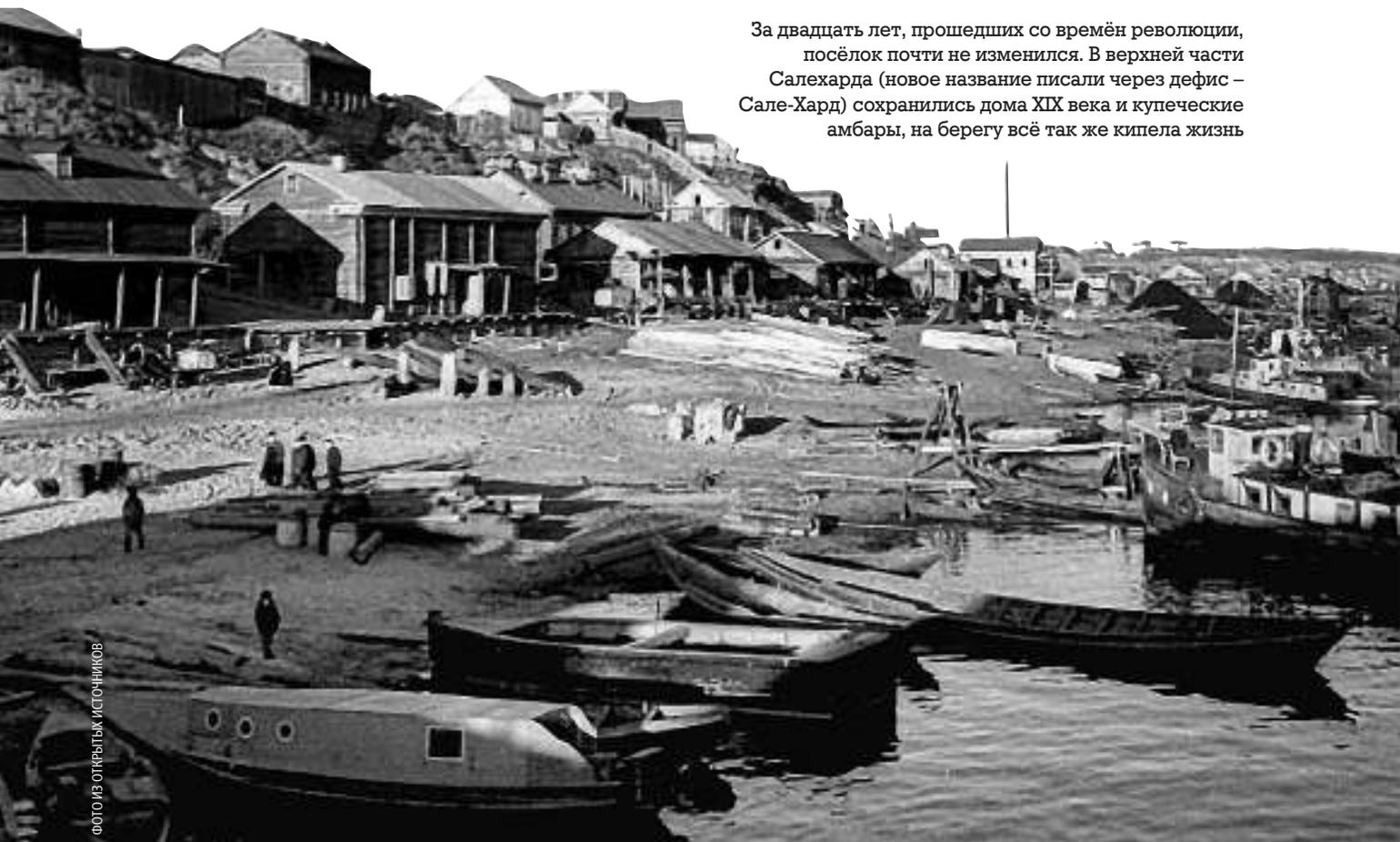

ФОТО ИЗ ОТКРЫТЫХ ИСТОЧНИКОВ

¹ Антон Чехов в фельетоне для журнала «Осколки» по случаю 130-й годовщины Московского университета написал так: «В этом году было выпито всё, кроме Москвы-реки, и то потому, что она замерзла».

скрадки на верхнем мысу Монашкина острова. Вид на Салехард с Монашкина острова особенно впечатляющ рано-рано утром, когда ночное солнце висит за городом, подсвечивая его с северо-востока. Город встает на горе миражом, таинственным силуэтом. Доносится лай собак, прячущихся где-то в тенёчке, фырчат ранние машины, лодка гудит мотором, плещутся мелкие волны о сваи причалов...

Утро было ясным и теплым, но команде, с трудом разлепившей глаза, оно не доставило удовольствия и панорамный вид залитого утренним солнцем Салехарда не нашел отклика в проспиртованной душе. Похмельный синдром скосил даже крепкого на вид капитана.

– Надо же, дошли и на мель не наскочили, – удивлялся Плеханов.

– А то! – хвастливо задирает нос Малков. – Слышал поговорку: «Катер – чекист, Иванов – моторист, машина – коммунист»? Это про меня! Я здесь и вслепую судно проведу!

– Братцы, я голос потерял, – просипел Захаров, – в следующий раз надо патефоном обзавестись.

– О! Я знаю, где есть патефон! – объявил Малков. – В клубе рыбокомбината.

Сказано – принято. На следующую ночь было решено брать клуб.

К вечеру воздух потерял прозрачность, стал ватно-серым и влажным, брызнул дождь.

– Поехали ко мне, поужинаем, – пригласил команду Плеханов, – дядька уток настрелял.

Плеханов жил у дяди Василия Кузьмича, в бараке, в поселке рыбокомбината. Гостей ждали, хозяйка накрыла стол: бутылка хлебного вина, чашка соленых огурцов и широкая миска, наполненная дымящейся горкой уток, – жаренные в печке шилохвости были нафаршированы бело-желтой тонкой и длинной крупой.

– Откуда у вас такой фирменный рис? – жадно разгрызая крылышко, поинтересовался Захаров. – Я похожий в Ташкенте ел, но здесь никогда не видел.

– Из колхозной конюшни, – усмехнулся Василий Кузьмич. – Это конский рис, овёс.

– А я пельмени страсть люблю, – сообщил Шешуков, хрустя соленым огурцом.

ФОТО С САЙТА PASTVIL.COM

Дом культуры рыбаков был местом притяжения салехардцев. Сюда приходили отдохнуть: потанцевать, посмотреть кино

– Вот, кстати, о пельменях, – кивнул Василий Кузьмич. – У меня в детстве был друг Прошка. Мы вместе с ним бегали по улицам, купались в речке, ходили с мальчишками ловить рыбу тальниковыми мордами. Так однажды мама говорит мне на праздник, перед Рождеством: «Васька, будут у Прошки пельменями угощать, отказывайся. У них мясорубки нет, так бабка твоего дружка фарш во рту зубами перемальвывает и после пельмени на мороз выставляет».

– Не слушайте вы его, старого, – вмешалась в разговор хозяйка, – мелет что попало. Лучше уток кушайте. А я вам иной случай расскажу про себя. В обдорской квартире у нас в конце двадцатых годов снимал угол нэпман, стильный такой тобольчак, леденцы варил. Такие сладкие петушки на палочке. Он их продавал на базаре, на Миллионной. И мама Поля мне в те времена говорила: «Маринка, если наш жилец станет угощать тебя петушками, не бери. Он в тазике, которм варит эти петушки, по вечерам моет свои ноги».

– Ни в жисть не буду теперь петушки покупать, – скривился Шешуков и аккуратно положил на край стола огрызок огурца.

Знамя из голубого плюша

Недавно открытый клуб консервного комбината располагался неподалеку, на горе, над главным пирсом рыбозавода. Вход в

клуб украшал портрет Сталина. На стенде перед входом красовалась реклама нового фильма «Семеро смелых», с афиши белозубо смеялась красавица Тамара Макарова.

– Надо будет посмотреть, – кивнул Шешуков.

– А я уже видел, – похвастался Захаров. – Законный фильм! И песня там про нас: «Курс на берег нелюдимый, бьется сердце корабля...» – пропел он.

– Точно, – обрадовался Шешуков.

– Всё, тишина, – оборвал их Плеханов. – Работаем.

Внутри проникли без труда, сорвав замок – пробои были укреплены плохо и лишь звякнули, вылетев вместе с запором.

– Я здесь был, я знаю, где что лежит, – торопливо пояснял Шурка Малков. Он провел поделщиков через зрительный зал на сцену к стоящему за кулисами шкафу и вырвал фанерную дверцу. В глубине тускло сверкнула черным лаком новая гармонь-двухрядка.

Забрали гармонь, патефон. Захарову приглянулась коробочка грима, которую тот быстро заграбастал. А Шешуков, оглядев темный зал, подошел к театральному занавесу из голубого плюша и, слегка подергав, резким рывком сорвал его.

– Мы же не просто так, – пояснил он недоумевающим друзьям. – Мы – крейсер! Сделаю знамя! А из остатков будёновки пошью.

Взломанную дверь утром обнаружила уборщица тётя Соня, пришедшая на работу. Когда на место происшествия приехал уполномоченный уголовного розыска Коровин, там уже крутился разный любопытствующий народ. Рывком, уполномоченный разогнал толпу, осмотрел территорию. Повертев в руках вырванный замок, Коровин похмыкал, покивал головой, пробормотав: «А я ведь уже видел похожее».

– Бизин!
– окликнул Коровин растерянно стоящего неподалеку коменданта здания. – Ну-ка, глянь, – он вынул из свертка, принесенного с собой, согнутый и скрученный винтом ломик, – знакомая вещица?

– Первый раз вижу, – качнул головой Бизин.

– А как думаешь, что это за номер на нём? – на одном из концов ломика виднелись процарапанные цифры – 423.

– Наверное, инвентарный номер, – пожал плечами Бизин, – хотя их вообще-то краской наносят.

– Кстати, Бизин, объясни, как это получилось? Клуб новехонький, а замки на соплях держатся? Вот в магазине Интегралкооператива замки – зверь! Ломом не вывернуть. А у тебя... Эх! Ладно, пошли внутрь, посмотрим, что там...

Заведующая клубом, молодая симпатичная женщина провела уполномоченного в зал.

– Ольга Петровна, расскажите всё, что знаете.

– Да что я знаю... – развела руками Щедрина. – Вчера вечером в клубе репетировали драмкружок и музыкальный оркестр. Когда все ушли, я сама закрыла клуб. О взломе утром сообщила тётя Соня Черкасова.

– Кого-нибудь подозреваете?

– Ну кого... Подозреваю бывшего заведующего клубом Максимова. Он вчера вечером был в клубе, поднимался на сцену. Он знает, где что лежит.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛУИЗА МИЮТАХОВА («ЯМАЛ-МЕДИА»)

– Бывший? Он что уволился? Давно?

– Он был уволен за растрату и сейчас идет следствие в отношении него...

Утром Шешуков встал очень рано, хотел заняться раскройкой знамени из голубого плюша. Катер покачивался на мелкой волне возле пристани Госпара (государственного пароходства). Густой туман покрывал всё вокруг, как кисель. Казалось, туман окутал всю вселенную. Ни земли, ни солнца, ни города. Тепло и сыро, как в выеденном огурце. Простуженными голосами поют петухи.²

– Эй, Петруха! – это Плеханов проснулся. – Сбегай, купи молока у зырян.

Шешуков надел буденовку, прыгнул на причал и не спеша потопал в гору.

Через некоторое время туман начал отрываться от земли, подниматься, приоткрыл деревянные домишки до окон. Но затем вроде как раздумал, остановился, сонно повиснув в воздухе.

Никого на улицах. Всё закрыто. Все спят. Прошли по улице сапоги, за ними – низкая лохматая лайка. Туман нехотя приподнялся еще, скрипнула калитка. Выглянуло заспанное лицо зырянки.

– Молока не продадите? – окликнул Шешуков.

– Молоко? Наши коровы еще спят.

Город нехотя вылезает из-под теплого, сырого своего одеяла. На каланче бьет восемь. По солнечному времени. А во всем Союзе часы переставлены на час вперед. Салехард живет позади.

Повсюду бродят лохматые лайки.

Появляются медлительные прохожие. Выходят из ворот коровы. Останавливаются. Протяжно мычат в туман. В тумане проявляется срезанный конус вышки метеорологической станции, ведро дождемера, будочки самописцев. В другой стороне – радиомачты. В противоположном от реки конце города – деревянные корпуса больницы. За ними короткие улочки выходят прямо в тундру.

Первые катера появились в Салехарде в 1934 году. Это были четыре списанных пограничных сторожевика КМ-2, предназначенных для почтовых перевозок. Один из них, названный «Красным башлыком», и стал героем громкого уголовного дела

Помыкавшись без толку по пустынным улицам, Шешуков вернулся на катер.

– Молока нет пока, – сообщил он просыпающейся команде, – но есть кое-что интересное.

– Что? – высунулся из рубки Захаров.

– Вон, смотрите, магазин рабкооповский, прямо возле пристани госпара. Там с утра что-то разгружают. Можно взять сегодня ночью.

– Не сегодня, – Плеханов отрицательно покачал головой. – Мы сейчас идем в Пуйко, почту везем. Вернемся через пару дней, тогда и сделаем.

– Под знаменем! – и Шешуков прижал к груди голубой плюш.

Река, для тех кто понимает, целый мир со своими тайнами, тропами, сорами, островами, отмелями и протоками, с населяющей их многочисленной фауной. Плеханов прекрасно знал лайду, дядька приучил его к охоте, показал охотничьи угодья. Сейчас катер резво шел по обмелевшей реке, мимо Салехардской горы, там где протока Карыч-Могот круто отворачивает от неё к Полую, мимо Полуйской гривы, и все острова и протоки рельефно выделялись на воде.

– Эй, рулевой! – окликнул Плеханов Захарова. – Знаешь, что это за остров?

– Знаю. Хэшпугор.

– Лоцию надо знать крепко. Правильно – Халасьпугор. Там сливаются протоки Харпосла, Мохтылево, Обь и Полуй. А тот, что впереди, напротив гидропорта – остров Татарский.

ФОТО ИЗ ОТКРЫТЫХ ИСТОЧНИКОВ

² Использованы материалы книги В. Бианки «Конец земли. Путевые впечатления 1930 годов». Собрание сочинений, том 4, 1976, Ленинград.

– Почему Татарский? Там татары жили?

– Не знаю почему. А татары там не жили. Там, говорят, было раньше остяцкое поселение. А сейчас – несколько избышек зырянских. Он холмистый, остров-то. А на горках шиповник, княженика...

Табунки уток то и дело пересекали курс катера. Плеханов любил охоту, и ружье всегда было с ним. И сейчас лежало разобранное под койкой, в чемодане. Провожая глазами стаю серых уток, он вспомнил, как дядька показывал ему охотничий путь к верхнему устью Хадара. Там, по прислоненным к высоким густым длинным и темным от времени жердям, они нашли кысканскую просеку. Впереди тянулся разлив, обращенный безлесной затопленной гривой к Харпослу и Игорской Оби. Слева узкая глубокая соровая протока, справа – Кысканский залив, изрезанный многочисленными мысами, в обрамлении густых низких ивняков: здесь птицы спрямляли свой путь между Полуем и Обью. А сзади, за просекой, цепочка водоемов, ведущих к Большой Оби и Полую. Вечная утиная дорога.

На Оби дул сильный западный ветер, гнал низкие облака, летевшие почти над самой водой. Катер грузно шел, то зарываясь в волну, то тяжело взбираясь на ее гребень. Захаров старался держаться близ берега, не выходя на фарватер. Погода и шторм не позволили быстро обернуться, и «Красный башлык» возвратился в Салехард лишь на четвертый день.

Пыльные сокровища рабкоопа

Возвращение решили отметить в коммерческом ресторане. Заказали выпивки, горячей еды. К столику то и дело подсаживались знакомые, которым Шешуков, уже изрядно набравшийся, подмигивая, показывал кусок голубого плюща, вытаскивая его из внутреннего кармана. Сильно захмелевший Захаров шикал на него, бил по губам. Просидели почти до закрытия ресторана и ближе к полуночи Плеханов наконец шлёпнул ладонью по столику:

– Всё. Идём магазин брать.

Магазин № 4 Обдорского рабочего кооператива располагался рядом с рыбным ларьком, возле пристани Госпара. Захаров, как было сговорено, проломил крыльцо, нырнул под ма-

газин и ломом вывернул несколько трухлявых досок пола. К нему пролез Шешуков и следом за Захаровым протиснулся через пролом в магазин. Плеханов и Малков принимали вещи и утрамбовывали их в мешок.

– Что хоть там? – громким шепотом спрашивал Малков.

– Потом на катере посмотрим. Шубы какие-то, – отзывался Плеханов. – Тащи давай. Я зайду, а ты, если кого увидишь, свисти.

– Караул! Грабят! – пронзительный свист и женский крик громом прозвучали в ночной тиши и до смерти напугали взломщиков. Плеханов подхватил Малкова, мешки, и они, прячась в тени складов, рванули к пристани. Шешуков в панике выскочил из-под магазина, как заяц, заметался, кинулся к зданию конторы Госпара, залез под него, протиснулся под сваями, ужом прополз под пристанью к реке и вплавь добрался до катера, дрожащим клубком забился под одеяло и уснул, не слышал, как вернулись Плеханов и Малков.

Захаров застрял под магазином, зацепился за что-то. Пока нервно высвобождался, разрывая штаны, к магазину набежал народ. Топот, казалось, был слышен по всему Салехарду. Ванька осторожно высунул голову в пролом крыльца и получил прикладом по уху.

– Вылезай, гад! – тыкнул ему в лицо ружьем сторож-татарин.

Захаров нырнул вниз и визгливо, с матерками, заорал оттуда:

Плакаты с подобными призывами появились в 1930-е годы, когда количество преступлений, связанных с хищением и растратой государственного и общественного имущества, увеличилось в разы

ФОТО С САЙТА VK.COM

ФОТО С САЙТА VK.COM

Во времена тотального дефицита магазины были основной целью налётчиков

– Уйдите! Не дамся! Всех зарезу!

Сторож огляделся, увидел знакомого радиста с пристани.

– Паша, звони в милицию – телефон в конторе Госпара, разбуди начальника НКВД, он живет рядом с конторой. А мы пока вора покараулим. Да, ребята?

Подъехавшие возчики рабкоопа (они везли тёс на пристань) окружили магазин, заблокировав выходы из него.

Захаров сначала зло выль из подполья, потом дрожащим, срывающимся голосом стал петь песни. Наконец приехавшая милиция извлекла его из-под магазина, совсем обессиленного от страха. Уполномоченный уголовного розыска Коровин выдернул из рук Захарова недопитую бутылку и ломик, которые тот все ещё непроизвольно стискивал в кулаках.

– Это что за номер? – ткнул ломиком в нос Захарову. На одном из концов были заметны процарапанные цифры – 423.

– А? Что? Эта центровка с катера.

Захарова увезли, и Коровин подошел к сторожу.

– А, это ты, Давлетбеков, привет! Рассказывай, Сабир, что тут произошло.

– Охраняю магазин и рыбный ларек. Когда шел проверять ларёк, вижу, двое идут с пристани. Темно, только фигуры разглядел. Услышал голоса. Один залез под магазин, а

будёновец – под здание конторы. Я побежал к магазину и закричал «Караул!». И начал свистеть в свисток. Прибежали радист с пристани и женщина. Вызвали милицию. Всё.

– Ну в целом ясно. Пришли они с пристани, как минимум трое. А что за будёновец, ты говоришь?

– Пацан какой-то, на голове – старая будёновка.

– Приметно. А где заведующий магазином? Аминов?

– Да вон он, у конторы Госпара.

– Асма Керимович, – подошел Коровин к завмагу, – что похищено?

– Надо считать, инвентаризацию проводить, – замылся Аминов. – Навскидку скажу: взяли полушубки, коньяк, папиросы, кофточка... На большую сумму.

– Ладно, закрывайте магазин, снимайте остатки.

На «Красном башлыке» в эту ночь было тихо. Изрядно напуганные налётчики долго и щедро заливали нервный стресс ворованным коньяком, потом завалились спать и как-то разом отключились.

Утром Шешукова разбудил свист. Высунув голову из кубрика, он с изумлением обнаружил сидящего на комингсе рубки Захарова.

– Ты как здесь? Тебя же арестовали?

– Сбежал. Из КПЗ. Плевое дело.

– Расскажи.

– Утром попросился в сортир и умыться. А умывальник там во дворе. Охраны никакой. Я через забор – и сюда.

Катер вдруг качнуло – со стоящего рядом «Сталинца» прямо через борт на палубу спрыгнул Гришка Фёдоров.

– Полундра! Дайте похмелиться!

– Посмотри в кубрике. Там ещё должно остаться.

Гришка отодвинул Шешукова и нырнул в открытый люк.

– Ого! – раздался изнутри его восторженный голос. – У вас знатная добычка! Я возьму папирос? И фуражку белую?

Из рубки выглянул мрачный Плеханов.

– Не шумите. На воде звуки далеко слышны. И поглядывайте по сторонам: легавые на хвосте³.

³ Легавые – жаргонное прозвище сотрудников милиции. «На хвосте» – то есть ищут, преследуют.

ШТРИХИ ВРЕМЕНИ | ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

– Да я чисто ушел! – подскочил Захаров.

– Ты засветился. Тебя мильтоны в лицо теперь знают. Да и центровки наши везде пораскидал, – Плеханов помолчал. – Ладно. Иди буди Малкова, носи коньяк и заводи машину – пойдем в поселок комбината, спрячем вещи.

В поселке пристали к берегу недалеко от пирсов рыбозавода. Плеханов покидал в мешок пачки папирос «Казбек», полушалки, детские пальто.

– Я быстро.

На трапе его вдруг повело куда-то в сторону – замахал руками, едва удержал равновесие: «Черт, последний стакан, похоже, был лишним, что-то развезло». Дядьки дома не было, на двери висел замок. Тяжелый мешок оттягивал руки. Тащить его назад не хотелось, и Плеханов спрятал мешок под бараком, за завалинку. На обратном пути, спускаясь с горы, поскользнулся на влажной прибитой заморозком траве, упал, сильно ушибив ногу. Похромал к катеру, хотел лихо взбежать по трапу, но ушибленная нога подвернулась, и Михаил упал на колено, больно ударившись о край плахи. Хрустнула треснувшая доска, незакрепленный трап вдруг соскользнул, вывернувшись из-под ног, и, взмахнув руками, Плеханов с воплем рухнул в воду.

– Ну ты, Пальч, даешь! – пьяно хохотал Малков, выволакивая Плеханова из воды. – Я чуть закуской не подавился, думал, тебя легавые подстрелили.

– Типун тебе на язык! – вяло огрызнулся Плеханов. С него потоками стекала вода, которую он стряхивал ладонями. – Чего круг спасательный не кинули? Я же мог утонуть.

– Ты же не в реку упал, а в лужу, – засмеялся Захаров. – А круга нет. Его Шешуков сменял летом. На рваную буденовку.

На катере Плеханов переоделся и прежде чем лечь спать распорядился:

– Возвращаемся потихоньку на пристань связи, выгрузите почту, потом разбудите меня. И смотрите как следует!

Полундра!

Утреннее оперативное совещание начальник Ямальского окружного отдела милиции Управления НКВД Колещук начал с заслушивания доклада о серии краж.

– Давай, Коровин, только кратко, что установил.

– Четыре кражи – три в Обдорске и одна в Аксарке. Похожий почерк, одинаковый способ проникновения. Похищены носильные вещи, белье, продукты, выпивка. По нашим

ИЛЛЮСТРАЦИЯ:
ЛЮБЯ МИХАЙЛОВА
«ЯМАЛ-МЕДИА»

данным, группа из трех или четырех человек. Молодые парни. Есть основания предполагать, что налётчики – команда почтового катера.

– Аргументируй.

– Во-первых, все налеты совершены либо на пристанские магазины, либо на объекты, расположенные недалеко от реки.

– Ты имеешь в виду клуб?

– Его. Так вот, мобильность, с которой перемещаются грабители между поселками, учитывая отсутствие дорог, имеют только летчики и катерники. Но не самолеты же они используют.

– А ты проверь. С аэропортом⁴ связывался?

– Проверял. Пустой номер. Это катера: на двух кражах налетчики бросили свои орудия преступления – центровки. На обоих ломиках есть номер – 423. Мы установили, что это номер катера.

– Что за катер? Коровин, а почему экипаж до сих пор не задержан?

– Товарищ майор, дело в том, что почтовые катера в настоящее время не имеют номеров – у них названия. Но в порту сказали, что катера пригнали в Обдорск действительно номерными. Я запросил у начальника порта информацию. Ответа пока не получил, но подозреваю, что, скорее всего, это «Красный башлык».

– Но не уверен?

– Сторож магазина № 4 рабкоопа утверждает, что один из грабителей – пацан в буденовке. Похожий парень как раз есть в экипаже «Красного башлыка». Но это же не значит, что весь экипаж причастен к кражам.

– Коровин, ты что, ещё месяц собираешься возиться с проверкой? Считаю, собранных данных достаточно для ареста. Бери опергруппу и немедленно на задержание. А если они уйдут на юг? Потом по всей Сибири искать будешь?

– Андрей Антонович, я прошу всё же не делать поспешных выводов о виновности. И с задержанными постарайтесь обойтись аккуратнее, – вмешался в разговор присутствовавший здесь же помощник окружного прокурора Швецов.

– Ну, Николай Константинович, это как выйдет. А чего ты так о них печешься?

– Помните, пару лет назад в Ныде было покушение на вашего участкового Витязева? Его тогда спасли благодаря «Красному башлыку». Если бы они его вовремя в больницу не доставили – не выжил бы.

– Может быть. Только с тех пор наверняка экипаж не один раз поменялся.

– Кстати, я читал, что в старину морские суда, перевозившие почту, называли пакетботами,⁵ – сообщил Коровин.

– Коровин, ты ещё здесь?! Всё, давай на поиски своего пакета, как его там, бота!

В кубрике дым стоял коромыслом. Под ногами катались пустые бутылки из-под коныяка, на койке навалом лежали коробки папирос «Казбек» и серые пачки с нарисованной лиловой мишенью папирос «Снайпер». Захаров всё время поглядывал в открытый иллюминатор. Пришел Сашка Малков, пододвинул стакан, куда Плеханов щедро плеснул коричневой запашистой жидкости.

– Ну, за удачу! – залпом выпил и бросил следом в рот горсть изюму.

– Пальч, кажется, мильтоны? – Ванька Захаров вгляделся в пелену дождя. Плеханов сунулся в соседний иллюминатор – выше по берегу, за складами Госпара мелькнули синие фуражки.

– Полундра! Ванька, заводи машину!

Шешуков выскочил на палубу, сбросил швартовы, взревел мотор, и катер на глазах выбежавших на пирс милиционеров отчалил и спешно стал уходить вниз по Полую.

– Стой! Стрелять буду! – заорал Коровин вслед.

– Я тебе выстрелю! – погрозил Шешуков. Он откуда-то вытащил охотничье ружьё и навскидку бабахнул дуплетом – слышно было, как дробь хлестнула по стене склада. Милиционеры попрыгались кто куда.

– Ты что! – заорал Плеханов. – Идиот! Ты где его взял?

– У тебя в чемодане.

– Дай сюда, – Плеханов вырвал у него ружьё, разобрал и швырнул за борт. 🌐

Продолжение в следующем номере.

⁴ Аэропортом в то время называли Салехардский гидропорт.

⁵ Пакетбот (от нем. Pакк – тюк и Boot – лодка или нидерл. pakketboot; также англ. Packet ship) – старинное почтовое (почтово-пассажирское) судно, которое применяли для перевозок почты морским путём.

РОЗЫ ДЛЯ КОНЦЕРТМЕЙСТЕРА

Марат ГАЛИМОВ

г. Надым

В лихие 90-е людям не то что зарплату, пенсии вовремя не платили, крутили в банках под проценты. Где-то там, наверху, ходили женщины, увешанные бриллиантами, мужчины в смокингах. Они в ток-шоу поучали пенсионеров, не знающих, где взять денег: «Пеките пирожки, продавайте на углу, надо заниматься бизнесом, бездельники!» В нашем маленьком городе поучать было некому, каждый выживал как мог.

– Ну, что решим, мужики мы или не мужики, в конце-то концов? – обвёл взглядом собравшихся в курилке музыкантов Владимир Константинович.

– Константиныч, сам же знаешь – деньги уже четыре месяца не платят, жить на что, не знаем. А ты – цветы, 8 Марта. Тут своей жене, кроме открытки, нечего нести!

– Тебе-то, Александр Васильевич, плакать не резон, ты ж военный пенсионер. Зря что ли 25 лет по гарнизонам «Славянку» бацал, – пошутил в ответ Густов. – Нас ведь 23-го женщины как смогли поздравили. Позор, если отмолчимся.

– Так их вон сколько! А нас? У них мужики есть, ко-

торые зарплату получают, – сказал Василич и прикусил язык, поняв, что ляпнул не то.

– Так тоже заведи себе мужика, – не замедлил с ответом Владимир Константинович. Молодёжь покатила со смеху.

Александр Васильевич сначала покраснел, сверкнул глазами, а затем расхохотался вместе со всеми:

– С тобой, Константиныч, ухо остро держать надо, в полтакта режешь!

Педагоги музыкальной школы так и не пришли к согласию. Молодые преподаватели переглядывались: «А мы чего, мы ничего». Трубач Александр Васильевич был всегда на веселе: по пути «наливайка», и с хорошим настроением проблем не было. Прижимистый руководитель оркестра Борис Иванович сразу объявил нейтралитет, любую появившуюся копейку моментально реквизировала супруга.

Константиныч махнул рукой, взял под мышку футляр с саксофоном и отправился к себе в кабинет. Скоро вышел в пальто. Проходя мимо курилки, попрощался, вежливо приподняв шляпу над головой.

Сел в трамвай, долго ехал, вышел в другом районе. На тротуаре, ведущем к зданию вокзала, огляделся, нет ли кого

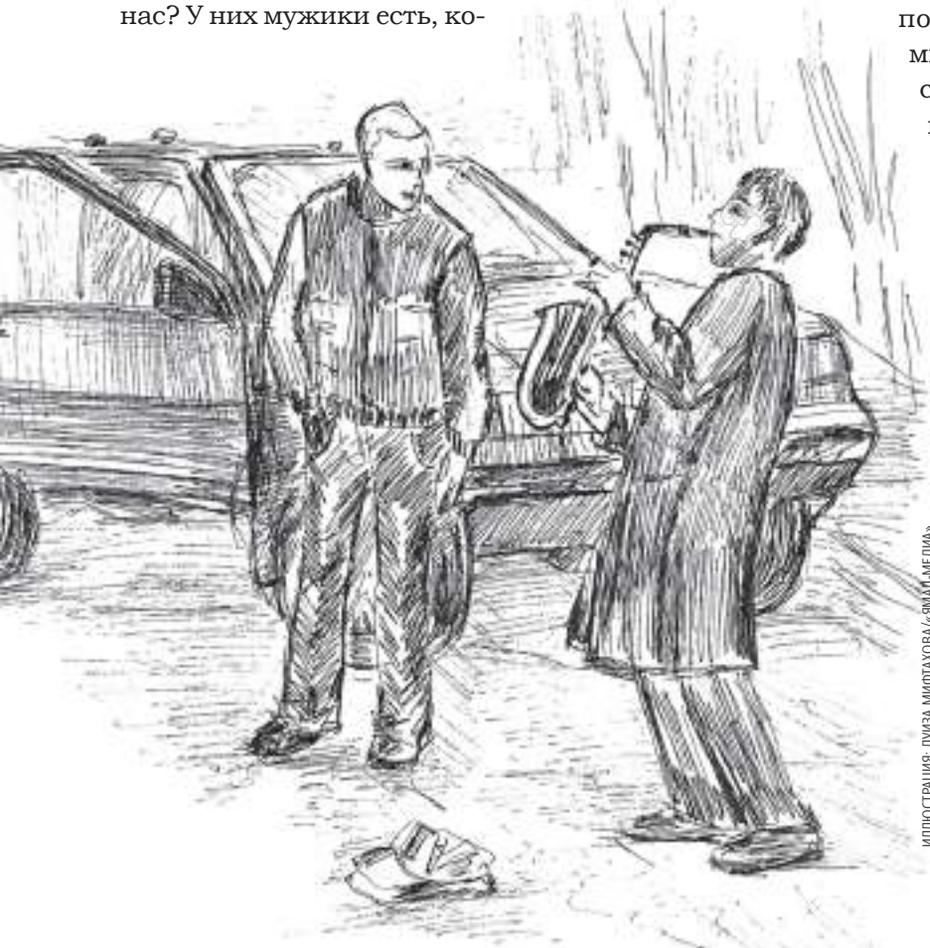

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛУИЗА МИХАЙЛОВА «ЯМАЛ МЕДИА»

знакомых, положил шляпу на только проклюнувшуюся ярко-зелёную траву, достал саксофон из футляра и заиграл «Маленький цветок» Сиднея Беше. Над повседневным шумом города поплыла красивая грустная мелодия, саксофон плакал, как живой, заставляя прохожих замедлять шаг. Многие останавливались, слушали, некоторые вполголоса переговаривались: «Смотри, вроде мужик-то приличный, не бродяга. Дове-ли страну, уроды».

Дно головного убора было уже закрыто купюрами и монетами, возле саксофониста собралась небольшая толпа. Вокзальный милиционер постоял немного, потом качнул головой и пошёл дальше по своим делам. После первой щемящей мелодии саксофон вспомнил бессмертные «Бесаме мучо» и «Кумпарситу». Когда отыграл «Либертанго», в шляпе не было места. Саксофонист сделал паузу, перевёл дыхание. Рядом остановился плотный парень в спортивном костюме и кожаной куртке. Обвёл стылým взглядом фигуру музыканта и рыкнул вполголоса:

– Кто поставил, кому платишь? Земля наша, мне никто за тебя не цинковал. Что за бардак?

– Да никто не ставил, сам стою. Молодой человек, я ненадолго ...

– Да меня твоя нужда не волнует, мужик! Половину отдавать будешь каждый день. Или всё заберём, больше здесь не встанешь!

В этот момент рядом тормознул большой чёрный джип. С правой стороны вышел высокий детина. Хоть не очень удобно ездить на машине с правым рулём, но статус! Чёрные «Гелендвагены» – это уже потом.

– Владимир Константинович, сколько лет, сколько зим! Рад вас видеть в добром здравии! Синий, свободен, это наш человек. Иди, займись делами, – последнее парню в кожанке. Тот удалился, уважительно кивнув напоследок.

– Здравствуй, Валера, – обрадовался учитель встрече с учеником и избавлению от

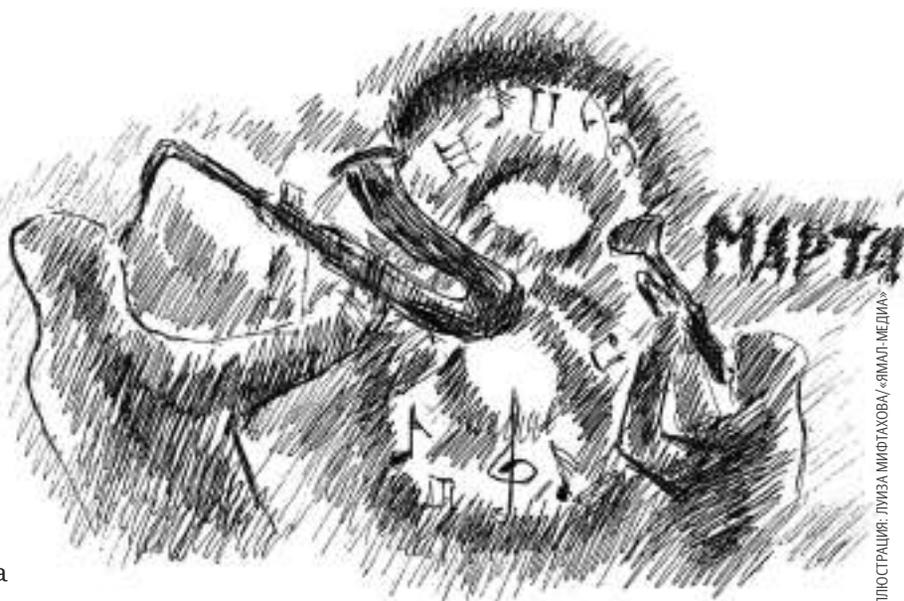

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛЮБКА МИРТАХОВА «ЯМАЛ-МЕДИА»

агрессивного прохожего. – Ты не пошёл в институт культуры, как я понимаю?

– И не жалею. Вот, в люди выбился. А что с вами случилось? Совсем власти культуру забыли, раз такие музыканты на улице лабают.

– Да нет, – понизил голос учитель. – Скоро 8 Марта, надо женщин поздравить, а тут зарплату задерживают. Как-то неудобно появиться в школе без цветов, сам понимаешь. Я тут пару дней поиграю, пусть твои янычары меня не гонят, а Валер?

– Какой базар, пардон, разговор, Владимир Константинович. Да и не надо тебе здесь стоять, – спохватившись, что обратился к учителю на «ты», запнулся, потом продолжил. – Я ведь тоже у них учился. Возьмите, пожалуйста, не в службу, а в дружбу. Если не хотите в подарок, отдадите, когда сможете. А лучше примите так, без отдачи.

С этими словами он достал из кармана тонкую пачку зелёных американских денег.

– Валера, что я с ними делать-то буду?

– Ну, нет у меня с собой других. В банк отнесёте, поменяете. Тут и на маленький банкет останется, – подмигнул Валера.

Музыкант с благодарностью посмотрел на ученика, поднял шляпу с травы, вынул оттуда деньги и протянул парню:

– Тогда хоть эти возьми в компенсацию.

Тот засмеялся, аккуратно отодвинул руку учителя, дождался, когда тот опустит её в карман, после этого пожал обеими пятернями:

– Передавайте всем привет от Валерки Симонова. А Василичу скажите: пусть печень бережёт, – усмехнулся Валера, хлопая дверью джипа.

Восьмого марта женская часть педагогического коллектива была в приподнятом настроении и торжественной форме. Согласно расписанию мужчины отсутствовали.

После обеда, когда по городу вовсю спешили кавалеры с букетами цветов и пакетами, Владимир Константинович при полном параде подъехал к школе. Хотя, сказать по справедливости, элегантен он был всегда, не зря его коллеги за глаза называли Лордом. Костюм, белая рубашка, галстук, даже «Лада» сверкала лаком и была чиста, несмотря на то, что дороги ещё отсвечивали весенними лужами.

Когда он вошёл в учительскую с ведром красных роз в одной руке и коробкой шампанского в другой, женщины зааплодировали.

– От имени мужской, очень маленькой части коллектива нашей очень музыкальной школы, позвольте поздравить самый красивый педагогический состав в нашем городе!

Пока длилась радостная суeta по поводу праздничного застолья, виновницы торжества интересовались друг у друга, где остальные мужчины: дезертировали? Владимир Константинович успокаивал: придут голубчики, куда они денутся, от таких коллег не дезертируют. Когда всё было гото-

во и единственный за столом мужчина уже открывал шампанское, пришли, оживлённо переговариваясь, молодые трубоч и скрипач, оба Денисы. Удивлённо оглядев стол с цветами и остальным (эх, сюрприза не получилось!), внесли ещё коробку шампанского и ведро с цветами, на этот раз хризантемами.

Героини дня удивлённо переглянулись:

– Вы так договаривались? Что-то уж слишком, прямо неудобно. Это по нашим временам роскошь.

– Для вас ничего не жалко, – сказал Густов и, толкнув плечом одного из Денисов, шепнул: – Ладно, хоть цветы другие взяли. Где трудились, молодые люди?

– А мы в ресторане три вечера отыграли, и своих поздравить хватило, – немного подумав, кивнул в сторону женщин Денис, – и своих.

Они рассмеялись. В этот момент ввалились Александр Васильевич и Сан Саныч, бывший преподаватель ударных, а сейчас ударник челночного бизнеса. У обоих в руках были цветы и пакеты со снедью, подарками и булькающим содержимым.

– О, да у вас всё готово! Дорогие коллеги, красавицы, таланты! Мы, как поклонники оных, поздравляем, желаем, мечтаем и так далее.

– В самый раз получилось, садитесь уже. Подарки после первой вручите, дорогие настоящие мужчины, так веселее будет! 🍷

СОЛЯРКА ПРЕВРАЩАЛАСЬ В КИСЕЛЬ

Как дальнобойщики Салехардского рыбоконсервного завода
мясо и рыбу в столицу округа доставляли

ФОТО ИЗ АРХИВА АЛЕКСАНДРА ГАЙНБИХНЕРА

Трудно назвать это дорогой. Скорее, направление. Иногда мы ставили вешки, чтобы ориентироваться на обратном пути, но никогда их не находили. Позже узнали, что кочевники забирали жерди на дрова, ведь за Обской губой нет деревьев, только кустарники

Александр ГАЙНБИХНЕР

г. Салехард – г. Тюмень

Раньше таких зимников, как сейчас, не было. Но мы умудрялись ездить. Брали тёплую одежду, еду, инструменты, заливали триста литров топлива в бак, ещё шестьсот везли в кузове – про запас. Техника не выдерживала, люди иногда тоже. На маршрутах оставались самые выносливые. О них я и хочу рассказать накануне Дня автомобилиста, который отмечают в последнее воскресенье октября.

Впервые я пришёл работать на Салехардский рыбоконсервный завод в 1965 году, до службы в армии. Определили в лесотарный цех. Пятнадцатилетний, худощавый, я носил 35-килограммовые ящики с гвоздями. А сам и пятидесяти не весил.

Во второй раз устроился в 1970 году. Водителем. И остался здесь на долгих тридцать лет. Как сейчас помню свою первую служебную машину – ГАЗ-63. Первый советский вездеход! Отправили меня за дальневосточной и прибалтийской рыбой в Лабытнанги, куда её доставляли поездами. А я дороги не знаю.

Приставили сопровождающего. До места мы с ним доехали без приключений, а на обратном пути спустило колесо. Вес груза немаленький – две тонны. Но делать нечего, пришлось домкратить и менять колесо на Оби.

В те времена мы ездили на юг округа: в Горки, Мужы. Возили всё необходимое: продукты, оборудование и многое другое. Однажды доставляли газовые баллоны.

Салехардский рыбоконсервный завод тогда был градообразующим предприятием. Свой Дом культуры, школа, детский сад, техучилище, в котором готовили кадры

ШТРИХИ ВРЕМЕНИ | КАК ЭТО БЫЛО

для предприятия. Комбинатом называли целый городской микрорайон. Это название сохранилось до сих пор, хотя завод уже давно сменил прописку.

А какой был масштаб! Складывалось впечатление, что местный аэропорт работает только на рыбозавод. Там постоянно дежурили две машины, и то не успевали вывозить весь груз. Чтобы не задерживать рейсы, грузчикам приходилось складировать рыбу на краю лётного поля.

В Лабитнанги стоял базовый холодильник для хранения. Однажды пригнали десять вагонов с рыбой. Пять из них разгрузили в холодильник, другие пять пришлось поставить на территории вокзала. Разгружали их сразу после отправки поезда, чтобы освободить пути.

В пределах округа летом рыбу перевозили по рекам на «пэтээсках» (плавающих транспортёрах), зимой – на самолётах Ан-26.

«Апельсины» на снегу

Во времена перестройки завод, как и многие тогда промышленные организации, начал испытывать трудности и был вынужден перейти на хозрасчёт. Постепенно сокращая производство, предприятие стало отказываться от авиaperезовок и от доли речного транспорта. Тогда-то у директора Николая Фёдоровича Фёдорова и появилась идея организовать бригаду шофёров, которые бы занялись северными перевозками на автомобилях повышенной проходимости. Он связался со специалистами Уральского автомобильного завода в Миассе. В обмен на рыбную продукцию они нам предоставили несколько машин.

Но сначала были организованы пробные рейсы до рыболовецких посёлков. «Первооткрывателями» стали Геннадий Бойченко и Виктор Трайзе. На двух оранжевых самосвалах «Урал», которые мы прозвали «апельсинами», они отправились покорять снежную целину. Первая остановка для заправки была в Сюнай-Сале, вторая – в Новом Порту. Бак вмещал всего 200 литров топлива. Не всё было гладко в том рейсе. Помню, Витя делился впечатлениями:

– Остановились на ночной отдых, машины, конечно, не заглушаем. Просыпаюсь, второй

Иной раз в тундре попадались редкие находки. На фото – заброшенный самолёт недалеко от Мыса Каменного. В том же районе как-то нашли сгоревший вертолёт

ФОТО ИЗ АРХИВА АЛЕКСАНДРА ГАЙНИХИНА

ФОТО ИЗ АРХИВА АЛЕКСАНДРА ГАЙНИХИНА

ФОТО ИЗ АРХИВА АЛЕКСАНДРА ГАЙНИХИНА

Маршруты дальнoбойщиков Салехардского рыбоконсервного завода в 1990–2000 годы. Ездили не только на север и северо-восток округа, но и на юг: в Горки, Мужы

Эту машину мы встретили в районе реки Пуйко. Хотели помочь, но никого вокруг не было. Видимо, её на время оставили

Александр Гайнбихнер с Александром Курцем, 1995 год. Как-то подумал, что было бы неплохо запечатлеть наши рейсы, с тех пор стал брать в дорогу фотоаппарат

«апельсин» не гудит. Накинул одежду, подбегаю. Гена сидит в шубе: «Солярка загустела. Тебя будить не стал. Решил, пусть хоть один из нас выпится». Пришлось доставать паяльные лампы и отогреть бак.

Перед покупкой новых автомобилей «Урал-4320» в 1988 году Фёдоров вызвал из Миасса несколько водителей-испытателей, чтобы они проверили эти машины в северных условиях. Уральцы были удивлены, проехав по нашим «дорогам», ведь таких зимников, как сейчас, не было. В придачу ко всему постоянные поломки.

– Зачем такая езда нужна? Не поспать, не поесть, ещё и дороги нет, – говорили они. – Вот в Якутии хорошие зимники, вешки по пути стоят...

Тем не менее автомобили прошли испытания. Помимо них миассцы оставили нам жёсткую сцепку, которой мы пользовались много лет: крепкая была, надёжная.

Дело Фёдорова продолжил следующий директор завода – Михаил Александрович Субарев. Он очень многое сделал для предприятия, ценил сотрудников.

В дороге часто случались поломки. Приходилось ремонтировать, лёжа на снегу. Позже это сказалось на здоровье

На правой ноге ботинок, на левой – валенок

Бригадиром водительской бригады назначили Николая Абрамова. Грамотный специалист, хороший организатор. В рейсы мы ходили колоннами из пяти-семи автомобилей. В разные годы помимо меня водителями работали Фёдор Алымов, Георгий Биль, Геннадий Бойченко, Александр и Виктор Борны, Евгений Власов, Иван Даниляк, Алексей Кудрявцев, Александр Курц, Михаил Муратов, Николай Нигматулин, Владимир Риттер, Виктор Трайзе.

В это время я и пересел на «Урал-4320». Удачная модель, армейская. Ей не было цены, если попадала в умелые руки. Мы изучили машину от и до – много часов провели в гараже. Сами установили вторую дополнительную печку. Одна не тянула, ноги всегда были в сырости. Зато потом сидели в кабине в рубашках и ботинках. Однажды, правда, пришлось утепляться из-за сильного пронизывающего ветра. От двери дуло, и я надел на левую ногу валенок. Правая была в ботинке. Так и ехал в разной обуви.

Перевозками занимались с середины января до конца апреля. Самый длинный

Слева направо: Александр Гайнбихнер, Николай Абрамов и Иван Даниляк. В кузов машины входило пять тонн груза. Это 150 мешков замороженной ряпушки, каждый по 30 килограммов

маршрут по доставке мясной продукции был до Сеяхи, рыбной – до Яптик-Сале. Часто бывали в Тазовском и Антипаюте. В основном загружались в бригадах Константина Окотэтто, Ивана Цеберняка и Николая Угли.

Очень многое зависело от погоды. На один рейс уходила примерно неделя. Если попадали в метели, то могли и задержаться. Так произошло в Мысе Каменном. Три раза пытались оттуда выехать, но из-за снега ничего не видели. Решили выдвигаться, когда стемнеет. Ехали на первой передаче со скоростью семь километров в час. Были похожи на караван гусей. Помню, выскочу из кабины, обойду вокруг – карданы крутятся, снова внутрь запрыгиваю.

Как-то из-за непогоды нас не хотели выпускать из Тазовского. На градуснике минус 57, солярка превратилась в кисель. Но бригадир настоял – объяснил тазовчанам, что поедем колонной, и топлива хватит только на обратный путь без лишних простоев.

Поломки по дороге случались часто. Устраняли их в полевых условиях, несмотря на сильный мороз и метели. Если ломался редуктор, тащили технику до ближайшего посёлка и оставляли там, а на обратном пути забирали.

Бывало, машины проваливались в воду. Старались вытаскивать их сразу, но однажды грузовик пришлось оставить. Дело было у бухты Салета. Мы вернулись в Салехард, организовали бригаду для выморажива-

ния, захватили балок – его повёз «Кировец». Добрались до места, оставили ребят в бухте. Пока загружались у рыбаков, бригада выдолбила машину. Но история на этом не закончилась. На обратном пути сломалась сцепка, пришлось перегруппироваться. Первый грузовик «долбил» дорогу, второй – тащил тот, который провалился. А третья и четвёртая машины тянули балок двойной тягой. Завершал нашу процессию «Кировец».

До появления раций связь в Новом Порту держали через директора рыбозавода Валерия Александровича Самаркина, в Салехарде – через начальника радиостанции Николая Михайловича Шишакова. Перед нашим отъездом последний связывался с бригадами, чтобы узнать, как обстоят дела. Его позывной был «Норка». У бригад соответственно: «Норка-1», «Норка-2» и так далее. Метеосводки тоже узнавали через Шишакова.

С рациями стало удобнее, но работали они через раз. В одном рейсе почувствовал себя неммым – меня никто не слышал.

С «ножкой Буша» в кабине

Как-то я вёз сахар, и от тряски небольшая часть мешка вывалилась из кузова. Проверил – не сыпется. Вздыхнул с облегчением – иначе пришлось бы разгружать целый ряд, ещё и снега намело. Остановился в посёлке чай попить. Вернулся, а мешок пустой. Видимо, ребяташки проткнули, сахар нацедили. По-

сле этого случая мы не стали заезжать на отдых в поселения. Чай пили в кабине «Кама-За». Называли её своей столовой. Просторно и тепло.

Еду брали разную – кому что нравится. В 1990-е была мода на «ножки Буша». Помимо окорочков любили котлеты. Обязательно морс из брусники.

Помню, как-то с Иваном Даниляком выпили всю воду. Был очень тяжёлый рейс. Жажда мучила. Выкинули

огурцы из банки, набрали в неё снег и под печку поставили. Напились.

Спали тоже в машине: когда уставали или буран наступал. Чтобы не заглохнуть, увеличивали обороты, например, с 600 до 1000. Расстилали фуфайки, выравнивали место и ложились. Было очень тесно, но по-другому никак. Часа через четыре просыпались и снова в путь. Иногда ориентировались по маякам, что на мысах стоят.

Ехали всегда до упора, пока глаза не начинали закрываться. Однажды я уснул за рулём. Приснилось, что передо мной закрывается шлагбаум. Наклоняюсь, чтобы не задеть его головой, и носом в руль. Слетел с дороги, но не завалился. Сразу проснулся.

Бывали настолько тяжёлые рейсы, что от усталости не чувствовал спину, плечи выворачивало. Но через пару дней отдыха меня снова тянуло в дорогу. И неважно куда. Хоть в самую дальнюю бригаду рыбаков Николая Гуцу. Они находились немного севернее Яп-тик-Сале. Мы называли их «палатками», потому что рыбацкие балки, полностью покрытые снегом, напоминали палатки. Внутрь заходишь, как в тоннель. Один раз мы чуть не наехали на крышу балка – кругом белая равнина, и тут выскакивает мужичок с криком: «Вы чего?!» А мы над ними стоим...

P. S. Несколько лет назад прошёлся по территории, где был завод. Поспрашивал у прохожих, что они знают об этом месте. Большинство пожали плечами. И так мне стало обидно. Тогда вместе с Георгием Билем обратились к мэру города. В тот же вечер архитектор показал нам место, которое администрация готова выделить под сквер. В 2019 году здесь установили памятник осетру. Сейчас мечтаем, чтобы появился монумент, посвящённый людям: детям, старикам и женщинам, которые трудились на заводе в Великую Отечественную. И было бы здорово написать на нём: «Заводчанам-фронтовикам, труженикам тыла и детям войны, которые отдали все силы во имя победы». 🌐

На открытии памятника в сквере.
Слева направо: Александр Гайнбихнер,
Николай Абрамов и Михаил Кириченко.
Сентябрь, 2019 год

ПУТЕШЕСТВИЕ

ФОТО: ДМИТРИЙ КАНДИНСКИЙ

ГОРОД НА ТОМИ

Ольга САМСОНОВА

г. Тюмень

Экзотика Томска не сразу открывается приезжему, и чаще всего тому, кто хочет не просто поглазеть и развлечься, а путешествует с целью. В основном сюда приезжают учиться. Это третий студенческий город России после столиц. Быть студентом здесь выгодно из-за низкой стоимости жизни и платы за обучение (шестое место по доступности образования на 2019 год). Мне довелось попасть на индивидуальные курсы в музейной сфере. Учёба занимала почти всё рабочее время, однако общение с коллегами позволило многое узнать об истории города, его перспективах и современном укладе жизни томичей.

О городе можно судить по архитектуре, градостроительным картам, дорогам. А можно по качествам знакомых, коллег, прохожих, с кем сводит жизнь во время путешествия. В Томске знакомства заводятся легко. Прямо на улице.

– Девушка, что вы ищете? Могу помочь, – мужчина с авоськой, не из ловеласов, приличный и внимательный. Заметил мой ищущий взгляд и не прошёл мимо. Сказано это так просто и однозначно с акцентом на слово «помочь», что ответилось также естественно:

– Ищу танцкласс. Адрес этот, а указателя нет.

– Вам сюда.

– Вы знаете, куда идти?! Тоже танцуете?

– Нет. Я читать умею. Вот указатель.

Коллеги утверждают, что познакомиться в Томске на улице с хорошим человеком, а потом всю жизнь дружить – дело обыденное.

У этой скульптуры необычное название – «Антон Павлович в Томске глазами пьяного мужика, лежащего в канаве и не читавшего «Каштанку». Так Томск «отомстил» Чехову, который нелюбезно отозвался о городе, побывав в нём в 1890 году. Скульптор – Леонтий Усов

ФОТО: ДМИТРИЙ КАНДИНСКИЙ

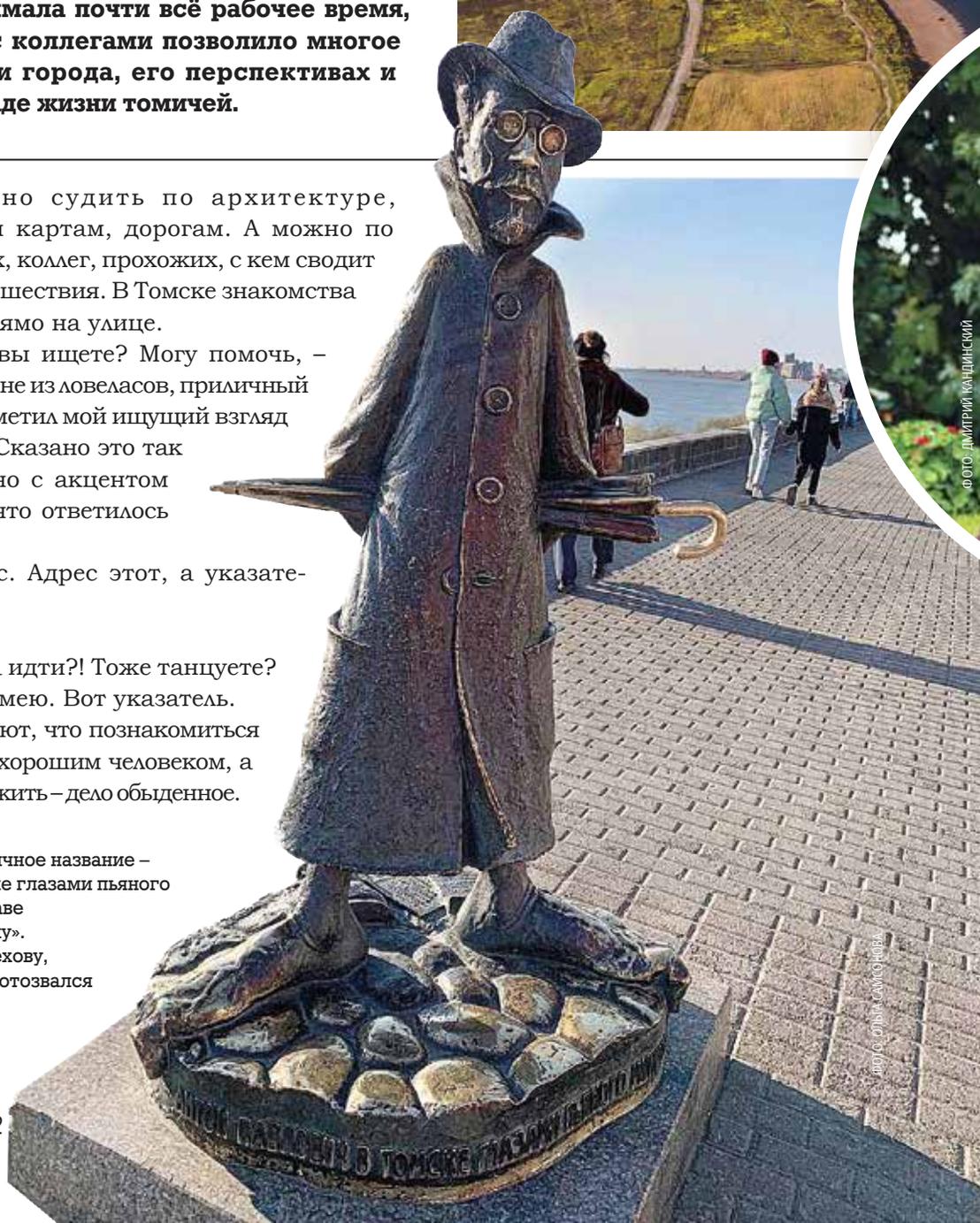

ФОТО: ОЛЬГА САМСОНОВА

ФОТО: ДМИТРИЙ КАНДИНСКИЙ

По велению Бориса Годунова

Под ногами булыжные камни, боками выпирающие из земли. Подниматься по ним затруднительно. Дорога извивается, справа сбрасывает лестницу с неба. Подъём по ней более крутой, но короткий. Вскоре появляется широкое пространство. Одна большая смотровая площадка, в центре которой музей города. Отсюда Томск как на ладони. Здесь же традиционный первый камень – город заложен! Рядом новодел деревянной острожной стены с башней. А чтобы турист не скучал, его веселит нелепый

любовник в цветных трусах в одном из оконных проёмов.

Город с населением более 570 тысяч человек растянулся по трём холмам вдоль Томи. И уже в этом особенность Томска. Ну что мешает томичам сказать о себе, как о столице, слегка ошибившись в счёте? «На семи холмах» – и вот она близость Риму, Афинам, Москве. Ан нет. Три. В этом и подтверждение наличия сакральных возвышенностей, и отсутствие пафоса, и научная точность, с какой томичи подходят к решению любых вопросов.

Всё началось в первые годы XVII века с посольства к царскому двору. На татарские

ПУТЕШЕСТВИЕ | ПОГРУЖЕНИЕ В ТЕМУ

поселения вдоль Томи часто совершали набеги воинствующие кочевники. Представители татарского рода во главе с князем Тояном прибыли пред ясные очи Бориса Годунова с прошением принять под свою защиту их земли и города. Отказываться царь не стал и велел поставить в тех местах оплот российской государевой власти.

На строительство нового города послали стрелецкого голову Василия Тыркова из Тобольска и казацкого голову Гаврилу Писемского из Сургута. Перед ними стояло три основные задачи: основать город, завести вокруг города государеву пашню, привести в подданство российскому царю местные народы.

Так на Томи появился новый город. И его уникальность уже в том, что не Рюриковичи и Романовы причастны к его рождению, а человек, личными качествами поднявшийся к власти. Мало того, сохранилась грамота и, соответственно, точная дата основания Томска – 20 (30) января 1604 года. Не каждый город в Сибири может похвастать такой точностью.

В 1782 году Томск вошёл в состав уездных городов и стал областным центром Тобольского наместничества, получив новый герб, на котором была изображена серебряная лошадь в зелёном поле, поскольку лошади в округе Томска «почитаются лучшими и что у живущих вблизи татар имеются конские заводы». Серебряный конь по сию пору остаётся символом города.

ФОТО: ДМИТРИЙ КАНДИНСКИЙ

Первый университет Сибири

Томск сохраняет историю и культуру своего края, потому здесь 15 основных музеев, входящих в туристические маршруты. ТОКМ имени М.Б. Шатилова объединяет несколько музеев города и области. Открыт художественный музей и литературный музей имени В. Я. Шишкова. Уникален музей деревянного зодчества, музей леса. Однако узнать Томск академический можно, лишь заглянув в его первую альма-матер.

Об открытии первого университета в Сибири спорили два города с похожими названиями – Омск и Томск. Были открыты две подписки для пожертвований. Средства нужны были на строительство зданий, оснащение лабораторий и кабинетов, формирование библиотеки, приобретение учебных пособий, выдачу стипендии лучшим

ФОТО: ДМИТРИЙ КАНДИНСКИЙ

ФОТО: ДМИТРИЙ КАНДИНСКИЙ

Томск – единственный город в России, в уставе которого научно-образовательный комплекс является градообразующей отраслью экономики. Здесь шесть госуниверситетов, каждый восьмой житель – студент. На фото – Томский государственный университет

студентам, содержание профессорского состава. Сибиряки щедро жертвовали на Томский университет. Он и стал первым. ТГУ был организован в 1888 году как классический на четыре основных факультета: медицинский, юридический, историко-филологический, физико-математический.

В университете трепетно относятся к истории и традициям. В его корпусах действует сразу шесть тематических экспозиций с богатейшими коллекциями, сформированных по всем правилам науки. Есть прекраснейший ботанический сад. Всё это великолепие открыто для желающих в определённые часы и по записи. Просто так, с улицы, туда не войти. Во-первых, пропускная система. Во-вторых, экскурсии проводят преподаватели, важно попасть в их расписание. Мне посчастливилось увидеть несколько экспозиций.

В музее университета удивляет и качество редких специфических музейных предметов, и их количество. Экспозиции – классические, с использованием громоздких витрин, уголок исследователя, планшеты с фотографиями и документами...

Главное же – подача. Когда зрителя сопровождает экскурсовод, он же – исследователь с университетскими знаниями, он же – кандидат или доктор наук, экспонаты музея оживают, наполняются смыслами, двигаются. Например, о редких книгах экскурсию нам рассказывала Валерия Есипова, доктор исторических наук, владеющая несколькими современными языками и легко читающая церковно-славянское письмо.

В отделе рукописей и книжных памятников научной библиотеки ТГУ чего только нет, даже альбом видов Египта, принадлежавший Наполеону Бонапарту. Где Наполеон, а где Томск? Ответ прост, но это совсем другая история. В старинных университетах такого рода редкости встречаются. вспомните хотя бы, что подлинник знаменитого атласа Семёна Ремезова «Чертёжная книга» и сейчас хранится в Гарварде как одна из ценнейших реликвий, а в биологическом университете штата Аляска формируется коллекция славянских писанок (расписанные пасхальные яйца).

Здесь же перед стеллажами книг стоит малоприметное кресло, над ним фотография с тем же интерьером, только в кресле глава государства. Побывав в Томске, Владимир Путин посетил первый университет Сибири и здесь, на фоне книг, хранящих все знания мира, беседовал с ректором университета.

Откуда на доме жар-птицы?

В конце XIX века университет в Томске строили на окраине – в местечке, которое до сих пор называется Елань (от тюркского «алан» – поляна, ровный участок земли). Не удивительно, что вскоре Елань стала заселяться интересными людьми, застраиваться уникальными домами. Сегодня это место прогулок любознательных туристов.

Строительство в Томске не прекращается, он может похвастать интересными современными проектами высотных

ФОТО: ДМИТРИЙ КАНДИНСКИЙ

ФОТО: ДМИТРИЙ КАНДИНСКИЙ

Дом с шатром, кружевной особняк – так местные величают усадьбу купца Георгия Голованова. Её возвели в 1904 году

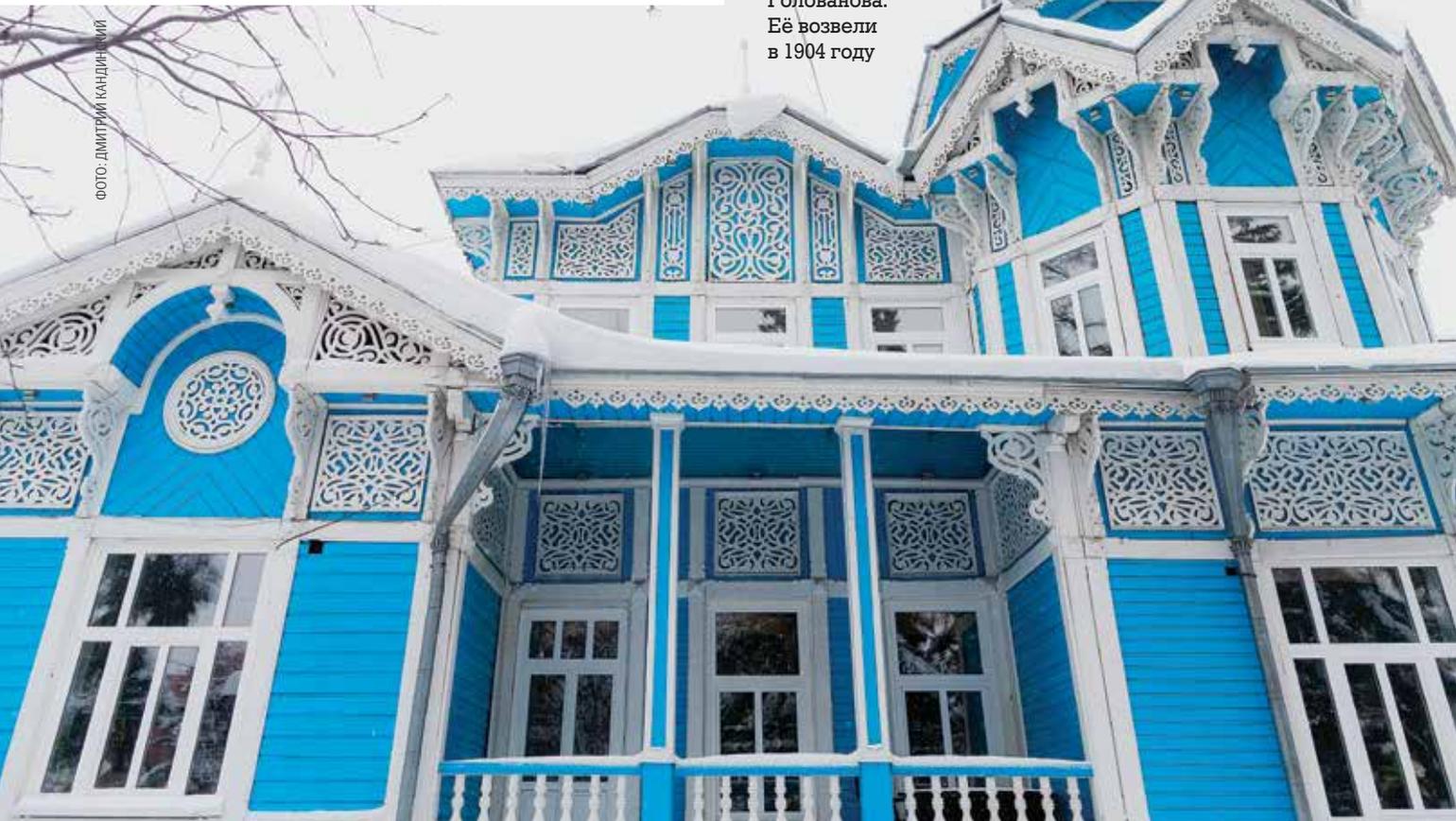

ФОТО: ДМИТРИЙ КАНДИНСКИЙ

Усадьба, прозванная томичами домом с жар-птицами, – визитная карточка города. Её построили в 1903 году по заказу купца Леонтия Желябо. Это был свадебный подарок для дочери Варвары. Усадьба всегда была жилой

сооружений, однако гостей тянет на диковины прошлого. Лучше всего в старом городе сохранились постройки XIX – начала XX века. В эти годы многое возводили из камня: как типовые проекты, так и оригинальные. На набережной сохранился традиционный постройки гостиный двор, ожидая своего часа реконструкции. Встречаются особняки в классическом стиле, большинство из которых были возведены под присутственные места,

но чаще – модерн. Камень и дерево в Томске полноправно соседствующие материалы. Однако больше всего удивляют и привлекают изысканностью деревянные строения. Резные наличники, фронтоны, башенки, террасы.

Краеведы называют дома по именам первых владельцев, а обыватели по особым приметам самого дома. В Томске есть дом с драконами, дом с жар-птицами, дом с шатром, изумрудный дом и так далее.

Гулять по деревянному Томску – большое эстетическое удовольствие и квест. Даже находясь в центре города на туристической улице Татарской или университетской Елани, неизвестность поджидает за каждым следующим зданием. Это может быть особняк с роскошной резьбой или аскетически современный дом, а то и вовсе лопухово-красивый пустырь на месте сноса.

Профессорская квартира

Помимо государственных в Томске работает и ряд частных музеев, которые берегут и дописывают уникальность места и его жителей. Здесь можно заглянуть в Первый музей славянской мифологии, музей истории пожарной охраны, музей томского пива. Последним лучше заканчивать насыщенный впечатлениями день, а вот начать одно прекрасное томское утро мне довелось с «Профессорской квартиры». Рекомендую к посещению.

Чаще всего Томск принимает в гости ближайших соседей – новосибирцев, а

ФОТО: ОЛЬГА САМОНОВА

В столовой всё готово к чаепитию. Здесь собирались не только семьями. Попить чай могли и студенты, дожидавшиеся педагога

Новосибирск – томичей. Обмениваются туристами, абитуриентами, миграционными потоками, идеями, создают совместные проекты. Так в 2020 году на Кузнецовой улице появился музей-квартира профессорского быта «Профессорская квартира». Открыли её новосибирцы – отец и сын Атапины, коллекционеры. Проект оказался актуальным именно для Томска – студенческо-профессорского города.

Частный музей находится в доходном доме постройки начала XX века, который был спланирован на четыре шестикомнатные квартиры для сдачи внаём профессорско-преподавательскому корпусу университета. Несколько комнат предполагалось для прислуги. В доме жили художники Виноградовы, композитор Эдисон Денисов, академик Андрей Красин, физик и проректор ТГУ Андрей Жданов. Сотрудники «Профессорской квартиры» продолжают изучать историю дома и его жителей.

Самое светлое место – столовая. Здесь изысканно сервированный стол с умильными приборами и сервизами, потрясающей красоты буфет и наливочка для посетителей. С тех пор как музей открылся, его фонды пополняют бывшие жильцы дома, их потомки, да и просто вдохновлённые томичи.

Брутальные пазики и вкусная еда

Транспорт в Томске особенный. Здесь ещё живы и востребованы троллейбусы. Однако самые юркие и популярные – пазики. Подобные много где бегают. Только

томские гораздо брутальнее прочих. Они шустры настолько, что даже на остановках тормозят лишь тогда, когда пассажиры либо «голосуют», либо выкрикивают внутри автобуса. Турист долго стоит и вчитывается в маршрутные таблички, а автобусы тем временем проносятся мимо, лишь слегка притормаживая и на ходу открывая двери. Пока сообразишь, что транспорт в твою сторону, он уезжает. К чести томского АТП скажу – следующий приходит вскоре.

На крыше каждого автобуса, как патронаж, устроены пять газовых баллонов. Экономно. Так и мелькают по дороге короткие высокие шедевры Павловского автопрома с красными полукружиями на крышах.

Томск самобытен, и эта его особенность проявлена во многом. Аптеки и стоматологии на глаза не лезут. Они есть, и все знают, где они, и пользуются, а кричать о себе ни к чему.

Сетевых торговых точек немного, и те не в гиперразмерах, а скромные и малоприметные. Потому что в Томске развивается местное предпринимательство. Здесь потрясающе вкусные фермерские продукты из Сибири. У зефира, например, срок годности всего 18 суток. Делайте выводы.

Нежно-зелёный парк, водная гладь пруда, приятная музыка и солнечные блики – всё вдохновляет на бездельное созерцание. Развалившись на скамейке, лениво осматриваюсь и вскоре замечаю весёленький оранжевый киоск с блинами. Небольшая, но постоянная очередь из заказывающих и ожидающих. Помня напутствие коллеги: «Обязательно попробуй томские блины», выбираю начинку и вскоре получаю поджаристый хрустящий блин в виде конверта. Сказать «вкусно!» – ничего не сказать. Блин как блин, в каждом киоске своя поджарка по настроению хозяйки домика, однако блюдо родное, сибирское. На языке – вкус бабушкиной кухни, в душе – чувство причастности к большому и настоящему. Сибирские блины здесь особенные, конкурентоспособные. Их поддерживают горожане, предпочитая заморским сабвеям. 🌍

ФОТО: ДМИТРИЙ КАНДИНСКИЙ

Томск входит в список 13 городов Сибири, где ещё сохранились троллейбусные линии и трамвайные пути.

ФОТО: ДМИТРИЙ КАНДИСКИЙ

ДАЧНОЕ ТУРНЕ, ИЛИ КАК Я ПРОВЕЛА ЛЕТО

Ольга ЕФРЕМОВА

г. Салехард

Профилактологи предупреждают: резкая смена климата опасна для здоровья выходящих на пенсию северян. Особенно если речь идёт о переезде на курорты. Есть мнение, что резкий переход на дачный образ жизни тоже не безопасен, но многие наши земляки по-прежнему рвутся к теплу и огороду.

Дачка у водоёма и плодородный надел – голубая мечта множества северян. Им, конечно, и в Арктике хорошо: они любят рыбачить и собирать грибы надберёзовики (те, что выше тундровой карликовой поросли), но душа всё время просит чего-нибудь зелёного. Переехав в среднюю полосу России, ямальцы чувствуют себя уже почти как в субтропиках, а уж если повезёт на старости лет обзавестись пригородными сотками, вкальвают там так, будто это не земельный надел, а нефтяная скважина.

Этим летом в отпуске я побывала на дачах друзей и хочу поделиться впечатлениями.

Сезон открыт на пенсии

Мои друзья – отставные чиновники не медлили с выходом на пенсию. Когда пробил их час, они тут же расстелили перед собой географическую карту Российской Федерации и наугад ткнули пальцем. Попали в Петрозаводск и очень обрадовались: почти тот же Север, белые ночи. Ностальгируя по работе, бывший руководитель перевесил табличку со своего кабинета на сауну, ещё одним указателем украсил двор.

К слову, на госслужбе, он и его супруга были истинными пахарями и помогли множеству северян. А начинали они свою многолетнюю карьеру в одном из отдалённых районов Ямала, в сталинском бараке, с тремя маленькими детьми. В общем, улучшение жилищных и природных условий они заслужили на все сто – и перед людьми, и перед Богом.

ФОТО ИЗ АРХИВА ОЛЬГИ ЕФРЕМОВОЙ

Дачную жизнь скучной не назовёшь.
Мой отпуск удался!

Их деревянная дача, построенная по всем карельским и даже финским правилам, располагается почти на берегу ледяного Онежского озера, где невозможно купаться даже в жару. Но вид божественный. А еще там ловится судак и дикая форель. По замечаниям местных добытчиков, дикие – это те, что сбежали из промышленных садков...

Размышляя о судьбе своих знакомых, я вспоминаю цитату классика о том, что мастер не заслужил света, он заслужил покой. Ну, да. Дети разбросаны по разным городам и летом привозят бабушке-героине многочисленных внуков. И вообще жизнь бьёт ключом в приличном дачном посёлке, где селятся успешные люди, делятся рассадой и советами, как взрастить цветущие кусты и деревья. Оставляют для присмотра домашних любимцев. Подружка в своё время вывезла из Финляндии, которая в двух шагах, кусты клубники, вкус её ямальцам и не снился, и теперь полезная ягода расплодилось по всему побережью Онеги.

На соседнем справа с подружкой участке хозяева взяли близняшек из детдома. Они же разводят псов японской модной породы, щенки которых прекрасно раскупаются. А на участке слева, где на больших сотках возшёл лишь картофель, мальчишка запускает квадрокоптеры. Он сам их конструирует и уже победил во многих федеральных и региональных конкурсах.

На недельку до второго....

В Питере насчёт дач особо не заморачиваются. Там самые сливочные места – это побережье Финского залива. Для не особо осведомлённого северянина это дикие растраты. Вот сравните. В благословенных Кавминводах, куда недавно для северян открыли прямой рейс, можно выбрать санаторий от четырёх с небольшим тысяч рублей в сутки с проживанием, лечением и питанием. А, например, в репинских пансионатах счёт идет от семи тысяч безо всякого лечения.

Но питерским друзьям это всё равно. Мой отпуск совпал с юбилеем подружки детства, Охи – честной училки, которая преподаёт в питерской гимназии английский и испанский языки, даёт частные уроки,

ФОТО: ГАЛИНА СОПОВЬЕВА

Дорвавшись до прополки под солнцем, северянам не стоит забывать о своём здоровье

водит экскурсии по достопримечательностям Северной столицы и досматривает за своим девяностолетним папой, неутомимым писателем – бывшим военным переводчиком. Они сумели на Охин юбилей в Комарово пригласить двадцать человек.

ФОТО: ОЛЬГА ЕФРЕМОВА «ЯМАЛ-МЕЛМА»

Ботанический сад – идеальное место для встречи северян с друзьями детства

У них в этом прославленном посёлке есть небольшая проблемная дачка, куда бы точно все не поместились. Но остался, например, Дом творчества работников высшего театрального общества, где сдаются койки по три штуки в день с трёхразовым питанием. И Оха их сняла на всех почти на трое суток. Днём мы ходили на залив, по лесам, в комаровские музей и на знаменитое кладбище, где похоронена Анна Ахматова, а по вечерам в наше распоряжение отдавали библиотеку, где не запрещалось петь под гитару и танцевать.

Многих гостей, знакомых с детства, я не видела примерно 45 лет. Но они не теряли связей. Думала: «Как же мы постарели и как остались прекрасны!»

Кстати, у некоторых моих питерских знакомых в Комарово есть дачи. У кого-то остались в наследство от предков – академиков, а кто-то просто снимает. Так вот, там такая

земля, что ничего не растёт, даже клубника, а уж сажать картошку никому и в голову не придёт. Просто величественные ели, но под ними, если кто знает места, – грибы и ягоды.

Оранжерея для северянки

В Питере у меня есть друг юности – художник. Его можно назвать примитивистом. Бывший медбрат скорой помощи, после окончания Первого питерского меда для разрядки после экстремальных смен всё время что-нибудь рисовал на чём попало. И оставлял забавные подписи типа «Английская королева накладывает вето на решение парламента».

Друзья недолго посмеивались. Они втихомолку собрали все рисунки Петровича и устроили ему выставку на берегу Фонтанки, которая собрала огромное количество посетителей. И все рисунки, за исключением раскупленных, вернулись к автору.

Потом он уехал в Америку на заработки. И там из-за своей хилости недолго проработал лопатой. Хозяин был вынужден признать, что работник из наёмника никакой. Но он был, видимо, неплохим человеком и почти безнадежно спросил:

– Может, ты ещё что-то умеешь?

– Да, я умею рисовать!

Хозяин, посоветовавшись с женой, слегка вложился, и наш Петрович со своими примитивистскими рисунками не без успеха объехал всё побережье Атлантического океана.

Ана обратном пути в Москве он познакомился со знаменитым мультипликатором – автором «Ежика в тумане» и других популярных мультфильмов Юрием Норштейном. И не без его советов и напутствий окончательно пустился в свободное творчество.

Что касается меня, друг юности и тут не подкачал. Узнав, что я предпочитаю отпуска в период, когда на Оби ломается лёд и плохая погода, а на «земле» при этом бурное цветение, Петрович назначил встречу в ботаническом саду университета. Там работает ландшафтным дизайнером наш старый общий приятель, бывший хиппи.

Даже чиновникам милее
огород, чем кабинет

ФОТО: ОЛЬГА БЕРЕНОВА / «ИМАГ-МЕДИА»

ФОТО: ОЛЬГА ГОРЯМОВА / «ЯМАЛ-МЕДИА»

Дача – это не только возможность наслаждаться природой и огородом, но и место встречи с внуками. Такие каникулы останутся в детской памяти на всю жизнь

Провести экскурсию для меня вышли все ботаники, хотя их и было всего ничего. Они с гордостью разводили руками, показывая, что есть чем гордиться. Бурное цветение субтропических растений, которые без заботы не могли бы выжить в центре Северной столицы, – это да. При этом сотрудники сетовали на то, что их мало, им не окучить такими силами огромное запущенное пространство ботанического сада и оранжерей. Они жаловались на прерывистое с начала пандемии, а теперь тем более финансирование, заботу о волонтерах, которые требуют такого же внимания, как

растения... И ещё на то, что пространство для студентов биологов и геологов в их здании сжимается под расширением административного аппарата.

Да, так вот, о Петровиче. Он заявил, что ещё не нарисовал этот ботанический сад в свойственной ему безобидной и смешной парадоксальной манере, но очень хочет при этом цветении уехать куда-нибудь ещё. Особенно на Крайний Север, где, по моим рассказам, прохладно и процветают оленеводы. Художник готов припереть свою выставку в самолёте за почти две тысячи километров, провести для детей мастер-

классы и покататься на оленьих упряжках. Мы решили, что лучшее время для этого – конец марта, дни оленеводов. И очень надеемся, что всё срастётся.

У горячих источников

В льготном отпуске не грех завернуть ещё к одной любимой подружке – под Тюмень. Она там обосновалась в селе, взяв кредит на аренду с последующим выкупом дома и участка. Похоже, что не ошиблась, хотя выплачивать ещё много лет.

Онохино – удивительное село. Там чистенькие, нарядные дети пешком, на велосипедах или самокатах здороваются с тобой на каждом шагу. А на заборах пишут: «Красивые и мудрые, как боги, но грустные, как жители Земли».

Мне не удалось в этом отпуске залезть в самую несчастную депрессивную глубинку, хотя бы в деревню, где летом при бабушке проходило моё детство и я в школьном возрасте заработала свои первые рубли

на прополке турнепса. Не сомневаюсь, что там теперь нет этого совхоза и уже нет героя, которому не страшно залезть в глубокий деревенский колодец, чтобы его почистить.

Но поблизости от того, где посчастливилось побывать в этом году, сейчас бьют горячие источники. И многие жители страны прибывают туда, чтобы немного поблаженствовать и подлечиться.

Что касается жизни подружки на даче, татарская семья напоминает итальянскую. Там также жизнь бьёт ключом: многочисленные внуки, отправленные в благословенное место занятыми на работе родителями, доброжелательная старушка, потерявшая память, глава семьи, безостановочно пестующий детей, и моя подружка, которая всех кормит, выслушивает претензии и пропальывает, поливает огород.

Но самое главное, что у них прямо на дачном участке тоже забил горячий источник. 🌊

ФОТО: МАРИНА БЛИНОВА/ИЗ АРХИВА ФОТОКОНКУРСА «ЖИВЕМ НА СЕВЕРЕ»

Ямальские водоёмы горячими не назовёшь, но и здесь люди купаются. Их даже не пугает снег на берегу. Село Новый Порт, июнь 2011 года

ФОТО ИЗ АРХИВА ВИТАЛИЯ ГНУТИКОВА

ЕСЛИ ДОЛГО ЕХАТЬ ЗА ГОРИЗОНТ...

Владимир ЗАВОДОВСКИЙ

г. Ишим, Тюменская область

Признаюсь, работать над этой статьёй было тяжело и душно. Душно сидя в кабинете, писать о скорости на шоссе, уходящем стрелой за горизонт, о чистом воздухе Приморья и бескрайних просторах, открывающихся с вершин Алтая. И тяжело от того, что кто-то там уже побывал, а ты – нет. И побываешь ли? Сколько раз у дорожного указателя «Новосибирск – 1282 км» меня подмывало свернуть и ехать-ехать... До Байкала. До Алдана. До Охотска. Но я всегда выбирал кратчайший путь домой.

А мой собеседник Виталий Гнутиков однажды махнул прямо. И с тех пор (вот уже двадцать лет прошло!) мотопутешественник с дорожным ником «Неместный» колесит на своем бензиновом коне по самым дальним уголкам России.

Как стремительно меняется мир: ещё недавно родители загоняли своих детей домой до заката, теперь же они не могут оторвать их от компьютеров, чтобы вынудить хоть часик погулять на свежем воздухе. Когда-то в обществе осуждали праздных странников,

ФОТО ИЗ АРХИВА ВИТАЛИЯ ГНУТИКОВА

теперь же многие люди с завистью смотрят на экстремалов, способных добраться на велосипеде до сказочной Долины гейзеров.

Путешественник, художник, педагог...

У нашего земляка из Красноселькупа Виталия Гнutykova путешествия в крови. Родился он в Измаиле, в школу пошёл в Улан-Удэ, потом жил в маленьком городке на

ФОТО ИЗ АРХИВА ВИТАЛИЯ ГНУТИКОВА

Более трёхсот мотоциклистов, в том числе Виталий, побывали летом на международном слёте «Мотополярник», установив мировой рекорд. Ещё никогда за Полярным кругом в одном месте не собиралось столько байкеров. Накануне они посетили Салехард

границе с Монголией, откуда родители переехали в Первомайск Николаевской области Украинской ССР.

– Когда грянул Чернобыль, – вспоминает свое детство Виталий, – меня отвезли в город Шахты Ростовской области. А так как для учёбы в Ростове-на-Дону в те времена необходима была местная прописка, то прописали меня в Батайске. Оттуда я был призван в армию, где считался уже батайским. Служил в Слуцке и Боровичах в Белоруссии,

потом перевели в Великий Устюг, а оттуда в Вологду. После службы поехал поступать в Омский педагогический университет, планировал там остаться, но перевёлся на заочное обучение и уехал на Север. Вот уже 25 лет живу и работаю здесь.

Кстати, жители окружного центра с красноселькупцем Гнутиковым знакомы как с непревзойдённым резчиком по дереву – он завсегда-тай всех салехардских фестивалей парковой скульптуры. Кроме того, в Музейно-выставочном центре имени И. С. Шемановского проходили его персональные выставки фотографий 501-й и 503-й строек, картин и резьбы по дереву. Всё потому, что его первая профессия – художник-оформитель, освоенная в Ростовском художественном училище имени Грекова.

А вот по второй специальности в Красноселькупском центре дополнительного образования он руководит детским творческим объединением «Норд-сталкер» – учит ребят вождению, правилам дорожного движения и техническому творчеству. Оно и немудрено, ведь на свой первый мопед «Верховина-4» Виталий залез в семь лет, а мотоцикла «ИЖ Юпитер» знает наизусть до последнего винтика.

Виталий Гнутиков с друзьями у стелы «Мотополярник» возле горы Чёрной. Проект памятника разработал наш герой. Это вторая его работа, посвящённая арктическому мотослёту. Первая установлена у посёлка Ямбург. Июль, 2022 год

ФОТО ИЗ АРХИВА ВИТАЛИЯ ГНУТИКОВА

ФОТО ИЗ АРХИВА ВИТАЛИЯ ГНУТИКОВА

Мотоцикл – транспорт эгоиста

– В 2002 году мы отправились всей семьёй в первое дальнее путешествие, – вспоминает собеседник. – Моя супруга умеет водить мотоцикл, а старшая дочь ещё была нашим единственным ребёнком, поэтому путь до Чёрного моря перенесли вполне сносно. Проехали на «Урале» с коляской девять с поло-

ФОТО ИЗ АРХИВА ВИТАЛИЯ ГНУТИКОВА

виной тысяч километров – от Омска через Москву до моря и обратно в Тюмень. Потом появились более скоростные мотоциклы и брать с собой семью стало небезопасно. Теперь катаюсь один.

У Виталия четверо детей. Старшая дочь проходит ординатуру в Центре Илизарова в Кургане. Ещё трое – тринадцати, восьми и четырёх лет – ждут отца из путешествий дома.

– Мотоцикл – транспорт эгоиста, – говорит Виталий. – Очень трудно подобрать напарника, чтобы быть с ним как ниточка с иголочкой и ехать в унисон. А один на мотоцикле – это романтика! Без всяких пафосных слов. Едешь и дышишь воздухом, за мгновение сменяются тысячи запахов.

Но главное, по словам собеседника, в любой момент можно съехать с дороги и помчаться напрямик через поля или по звериным тропам. Разве на машине проедешь там, где проскребётся двухколесный конь? Разве побываешь на вершине сопки, куда пешеход два дня забирается? Конечно, на машине путешествовать комфортнее. Но тогда зачем лезть в горы, если вершину видно с самолёта?

– В пути хватает трудностей, – продолжает Виталий. – Это грязь, пыль, дождь и ветер. Ещё люди шутят, что опытный мотоциклист знает на вкус более двадцати видов мошек. Так вот, это правда.

Между Сахалином и Магаданом

У каждого экстремала есть своя мечта и своя вершина. Для Виталия это поездка в Магадан. Перебравшись на Север, он заинтересовался историей железнодорожных сталинских строек. Ведь, кроме известных ямальцам 501-й и 503-й, были и другие – вплоть до 517-й. Особый интерес у мотоциклиста вызывает строительство № 506–507 ГУЛАГ – тысячекилометровая линия от Комсомольска-на-Амуре до Победино на Сахалине с тоннельным переходом через Татарский пролив и паромной переправой. Замысел проектировщиков был схож с тем, что планировалось возвести на Ямале (см. «Северяне № 2 2022 г.), вот только условия содержания на дальневосточных

стройках были гораздо тяжелее ямальских. Примечательно, что они были брошены практически одновременно – в 1953 году.

Туда-то и тянуло все годы красноселькупского мотопутешественника: Магадан, порт Ванино – легендарные места! Он мечтал увидеть вход в заброшенный тоннель и основательно готовился к поездке.

– К сожалению, что бы я ни делал, Магадан меня не принимал, – откровенничает собеседник. – Первая поездка сорвалась из-за того, что я сломал ногу, дошло до аппарата Илизарова. Второй раз, в 2013 году, собрав компанию, я двинулся в путь, но добрался только до Тюмени. Из-за проблем с позвоночником отнялась правая нога. Прикатил в центр нейрохирургии и шокировал врачей. Они провожали меня всем коллективом. Ещё бы: пациент с таким осложнением приехал и уезжает на мотоцикле! После двух операций долго восстанавливался. Путешествовал, но не так далеко.

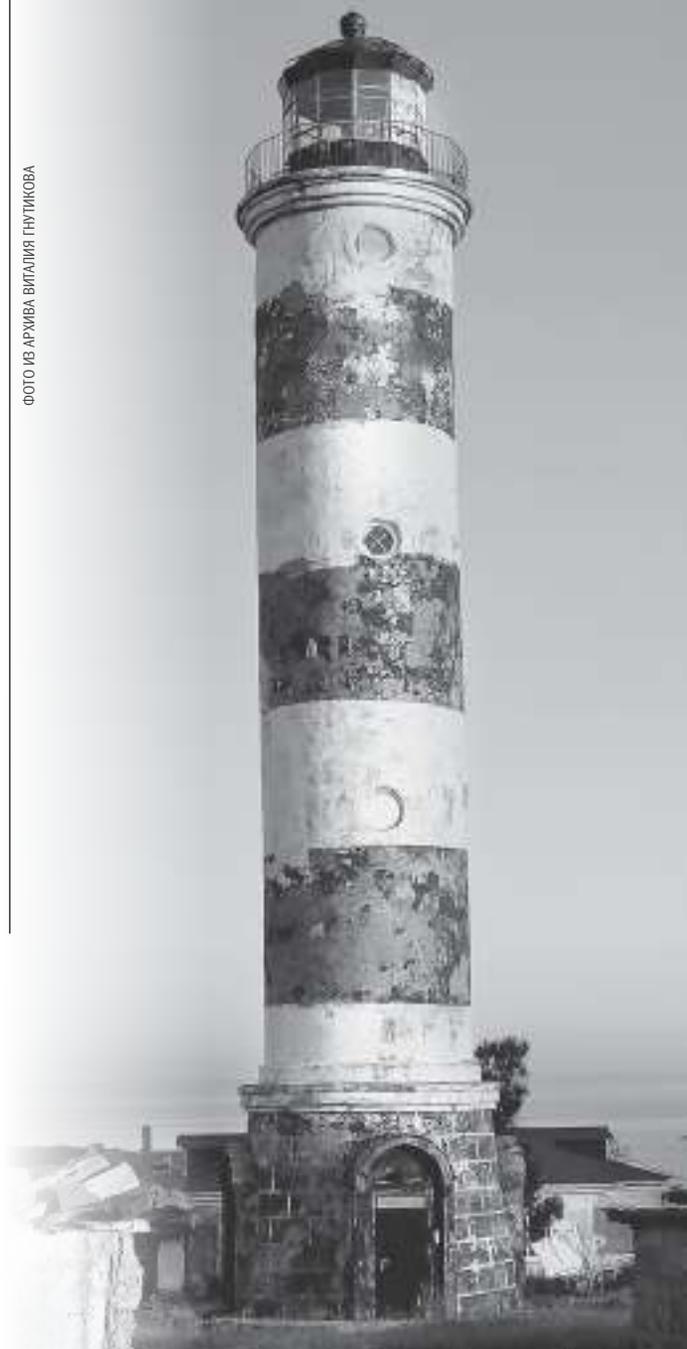
Увидеть, чтобы вернуться

Съездив на Алтай и набравшись впечатлений, наш собеседник отправился на юг. Потом какое-то время колесил по Ямалу, добрался до Харпа. Затем махнул на Сахалин.

– Оказался там почти случайно, – продолжает Виталий. – Еще в 2007 году на переправе через Волгу встретился с мотоциклистом. У меня 89-й регион на номере, у него 86-й. Земляки! Разговорились, обменялись адресами и периодически встречались в поездках. Позже он перебрался на Сахалин и выставил свой мотоцикл на продажу. В прошлом году я приезжал к нему, взял мотоцикл, две недели катался по острову. Самый северный край – мыс Елизаветы. До восточной точки немного не доехал, там пограничники. Чтобы попасть на мыс Крильон (самая южная точка острова) в отлив, я выехал в прилив. Когда перебрался на западный берег Сахалина – там такая теплынь, такая красота!

Нашего земляка восхитили виды заброшенной японской железной дороги, старых храмов, оставшихся с войны оборонительных сооружений и брошенной техники. Северянин уезжал с острова с желанием вернуться...

ФОТО ИЗ АРХИВА ВИТАЛИЯ ГНУТИКОВА

Маяк в городе Холмск (остров Сахалин)

От камнепада закрывался мотоциклом

После двухнедельного путешествия Виталий остановился в Хабаровске у ребят из мото клуба «Рыси Амура». Там он отмылся, отоспался, а наутро друзья поменяли на его мотоцикле резину и усадили едва проснувшегося северянина в седло: «Езжай!» – «Куда?» – «В Магадан, ты же мечтал»...

– Я давно заметил, если долго и тщательно к чему-то готовиться: или сорвётся, или выйдет скучно, – пояснил собеседник дружеский

ФОТО ИЗ АРХИВА ВИТАЛИЯ ГНУТИКОВА

ФОТО ИЗ АРХИВА ВИТАЛИЯ ГНУТИКОВА

Виталий Гнutyков: «В своё время, начитавшись Чехова и Пикюля, я решил побывать на Сахалине, посмотреть, какими путями литераторы туда добирались, как жили. Теперь скажу: ничего там за прошедшие 150 лет не изменилось. Только брочка, на которой едешь»

порыв. – Вот так неожиданно по дороге домой я оказался на пути в Магадан. Тем летом были жуткие пожары. В десяти метрах ничего не видно, дышать тяжело. В какой-то момент дым начал смешиваться с туманом и стало хуже. Еду и думаю: зачем я туда прусь, какое от этого удовольствие? Всё равно ничего не видно.

Тысячу километров до самого Аддана шла дымовая завеса, и лишь после речной переправы у посёлка Хандыга развеялось. А через двести километров впереди неожиданно возникли величавые горы. Ради этого стоило ехать!

– Магаданский край мне напомнил гигантский карьер, когда-то перекопанный огромным экскаватором, – делится впечатлениями Виталий. – Красота! Прижимы «Заячья петля», «Чёрный» и «Жёлтый». А какое нагромождение скал!

Прижимы – это выдолбленные в горах узкие дороги, когда левым плечом ты касаешься склона, а правая нога уже висит над бездонным ущельем. Всё это в чёрных, жёлтых, оранжево-охровых тонах – по цвету скал. И непонятно, от чего голова кружится – от восхищения или высоты. И адреналин в крови – чуть дёрнулся – и вниз. Едешь и прислушиваешься: если шорох, значит, камнепад начинается – или газу, или остановись.

– Несколько раз приходилось просто прижиматься к скале и прикрываться мотоциклом. Там же встретил знакомого с дорожным именем «Негр». Его так прозвали за способность ехать и жить в любых нечеловеческих условиях. Экстремальный выживальщик. Постояли, обменялись советами по маршруту, разъехались. И снова дождь, дождь, дождь...

Дорожная мистика

– И всё же Сахалин и Магадан нужно смотреть по отдельности, не объединять их в одну поездку, – отмечает собеседник. – От избытка впечатлений многое ускользает от внимания, забывается. Сейчас товарищ, мотопутешественник Джинн зовёт с собой, но я пока ничего не планирую. Мотоцикл есть – сел в любой момент и поехал. Доживём до следующего лета – увидим.

Вообще планов у Виталия много – хватило бы бензина и отпусков. Во-первых, нужно посмотреть посёлок Рыбачий, во-вторых, вернуться на Алтай, побывать в Тыве. Но загадывать наперёд наш земляк перестал.

– Нужно уметь читать знаки. К примеру, собрался я на Сахалине к своей мечте – недостроенному тоннелю 506-й стройки, что у посёлка Погиби. Трогаюсь, мотоцикл заглох, второй раз трогаюсь, опять заглох. Это дорога предупреждает – перенеси поездку или откажись. Всё равно выезжаю. Только выхожу за Валом на заброшенную дорогу – ливень стеной! Ругаюсь про себя: «Что ж ты меня не пускаешь! Немного осталось». Пропустил нужный поворот и доехал до КПП газовиков. Они мне указали нужное направление. Только отъехал – опять ливень. А осталось-то всего 70 километров. Упорно еду вперёд, за спиной туча идёт.

Когда дорогу совсем развезло, Виталий повернул назад. Там ливень. Дорога всё хуже и хуже. Мотоцикл скользит по глине, как корова по льду. Долго так продолжаться не могло.

– Упал как-то неудачно: под склон и мотоциклом сверху придавило. Выбраться не могу – глина скользит. Надо мотоцикл сначала вверх двинуть, потом приподнять. Не получается. Лежу, на мне одежда, защита, куртка и дождевик. Получил тепловой удар.

Рядом пунктир лосиных следов. А где лоси, там и медведи. Этот зверь на Сахалине наглый, непуганый. Судя по часам на мотоцикле, наш путешественник пролежал под своим железным скакуном 45 минут. Вспомнил всю свою жизнь, семью.

– Лежу и думаю: «Куда тебя, старый чёрт, понесло! Ведь уже доехал, куда смог». Изорвал на себе всю одежду, какие-то детали на мотоцикле отломал, но с горем пополам выбрался.

ФОТО ИЗ АРХИВА ВИТАЛИЯ ГЛУТНИКОВА

Добраться до самых дальних уголков не только страны, но и мира – мечта каждого мотопутешественника

На Магадане если дождь – трасса замирает. Начинаются сели и оползни. Тот, кто не успел сразу проскочить опасные участки, рискует задержаться там надолго. Именно так случилось с мототуристом, ехавшим по следам Виталия – он на неделю завис среди непролазных грязей.

– Мне повезло, я вовремя выскочил из этой западни. Лишь в одном месте остановился ненадолго: прижимы, камни сверху сыплются. Опасно, но очень интересно.

Ещё из «интересного». По словам собеседника, в тех краях радиатор мгновенно забивает сантиметровым слоем глины, которая тут же застывает, как цемент. Расковырять можно только ножом. Такой Магадан: в дождь – грязь непролазная, только дорога подсохнет – пыль столбом. Выбирай, что больше нравится.

ФОТО ИЗ АРХИВА ВИТАЛИЯ ГЛУТНИКОВА

Мотобратство – тема особая. Что бы ни случилось в дороге, ты всегда можешь рассчитывать на помощь «коллег»

Добрался до ближайшего посёлка – там меня на автомойке из шланга от глины отмывали.

Направо поедешь – друга встретишь...

А ведь раньше Виталий так и ездил – по приметам. На перекрёстке трёх дорог стоит: в Перми друг ждёт, в Ижевске товарищ, на юге – мама. Кинул пруттик – на Пермь, где дождик крапает.

– Весь центр России исколесил, ездил в Крым. Добрался до Варзуги – это посёлок на берегу Белого моря. Там даже есть небольшая пустыня из белоснежного песка – можно неплохо побарахтаться на мотоцикле. Мечтал доехать до Рыбачьего в Карелии, но в том году было много воды, и ребята из экспедиции на квадроциклах меня отговорили от этой затеи. Алтай проехал до Чемала, потом световой день закончился. Туда надо возвращаться – Алтай за два дня не объедешь, нужно минимум недели две.

Путешественники – особая каста мотоциклистов, которые уже всё прошли и испытали. Единственное оставшееся им удовольствие – забраться туда, где никогда не звучал рёв мотоцикла. Зачем? А кто его знает? Может, чтобы сказать самому себе: «Круто!» Мотоциклисты по нашивкам на жилетах считают путь собрата, как моряки на флоте.

«Мы едем из рук в руки»

В отличие от автопутешественников, мотоциклист всегда среди людей. В тех краях, куда Макар телят не гонял, помощи можно ждать только от местных.

– Люди разные бывают. В туристических местах к нам относятся со скепсисом – там приезжие всем уже надоели. А чем дальше в глушь, тем добрее и приветливее народ. И накормят, и баню натопят, особенно если умеешь рассказывать байки. Бывает, даже слишком навязчиво зазывают к себе. Народ у нас хороший, а мотоциклистов по-человечески жалуют: вот, мол, бедненькие, грязные, промокшие... Едем из рук в руки.

А вообще мало уже мест осталось, где не побывали мотоциклисты. Теперь благодаря интернету можно составить безопасный и вполне комфортный маршрут: предшественники подскажут, как проехать и у кого остановиться.

Люди засиделись дома. Наши предки мерили страну ногами, родители любовались ландшафтами из окна плацкартного вагона. Мы с заднего сиденья такси сразу пересаживаемся в самолётное кресло и изучаем в иллюминатор перистые облака. А внизу столько чудесного! Нужно только выйти на дорогу. 🌍

Вот они романтики дорог – грязные, но счастливые!

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

МИХАИЛ КАНЕВ. «МАТЯС КАСТРЕН В ОБДОРСКЕ». 2007. ХОЛСТ, МАСЛО

И КИСТЬЮ, И ПЕРОМ

Салехардский художник Михаил Канев работает над поэтическим сборником, посвящённым Ямалу.

ФОТО: МАРИНА ЛОНГОРТОВА

Михаил Канев: «Я отдаю предпочтение не художественному вымыслу, фантазии, а конкретным фактам и свидетельствам»

Идея родилась ещё в двухтысячные, когда Михаил Васильевич проводил экскурсии для известных людей, приезжающих в город, и возглавлял культурный центр «Обдорский острог». Тогда ему пришлось перелопатить много литературы – научные статьи, исторические

документы. Вдохновлялся и воспоминаниями Ивана Шемановского, старыми фотографиями.

Позже эти знания отразились в картинах. На полотнах словно оживала история края. Вот возводят острог на берегу Полуя, Василий Обдорский получает царскую грамоту на княжение, аборигены на оленьих упряжках «летят» на ярмарку.

В прошлом году на презентации-выставке проекта «Сказ о древней старине и Обдорской стороне», посвящённой юбилею мастера, было объявлено о создании поэтического сборника с одноимённым названием. О выборе жанра вопрос не стоял. Так художественный проект перерос в литературный.

– Это своеобразная дань истории моей Родины, Родины моих предков, – говорит Михаил Канев. – Мне захотелось представить, увидеть и спроецировать в своих картинах, а потом и в литературном произведении историю Обдории, Салехарда, Ямала. И я всем своим мироощущением погрузился в тему как художник, график, публицист и литератор.

Однако не следует рассматривать произведение как научный труд, отмечает Михаил Васильевич.

– Это вольная трактовка, но не отходя от исторических документов. Хочется, чтобы текст был простым и понятным читателю.

Произведение охватывает большой временной промежуток – с начала второго тысячелетия до наших дней, состоит из девятнадцати частей. Несмотря на внушительный объём, писалось оно на одном дыхании, признаётся автор. Работа над проектом продолжается.

– Хочу призвать к размышлению о нашей истории подрастающее поколение и жителей Ямала, – говорит художник.

Что ж, журнал «Северяне» предоставляет такую возможность. Предлагаем читателям отрывок из произведения.

СКАЗ О ДРЕВНЕЙ СТАРИНЕ И ОБДОРСКОЙ СТОРОНЕ

Михаил Канев

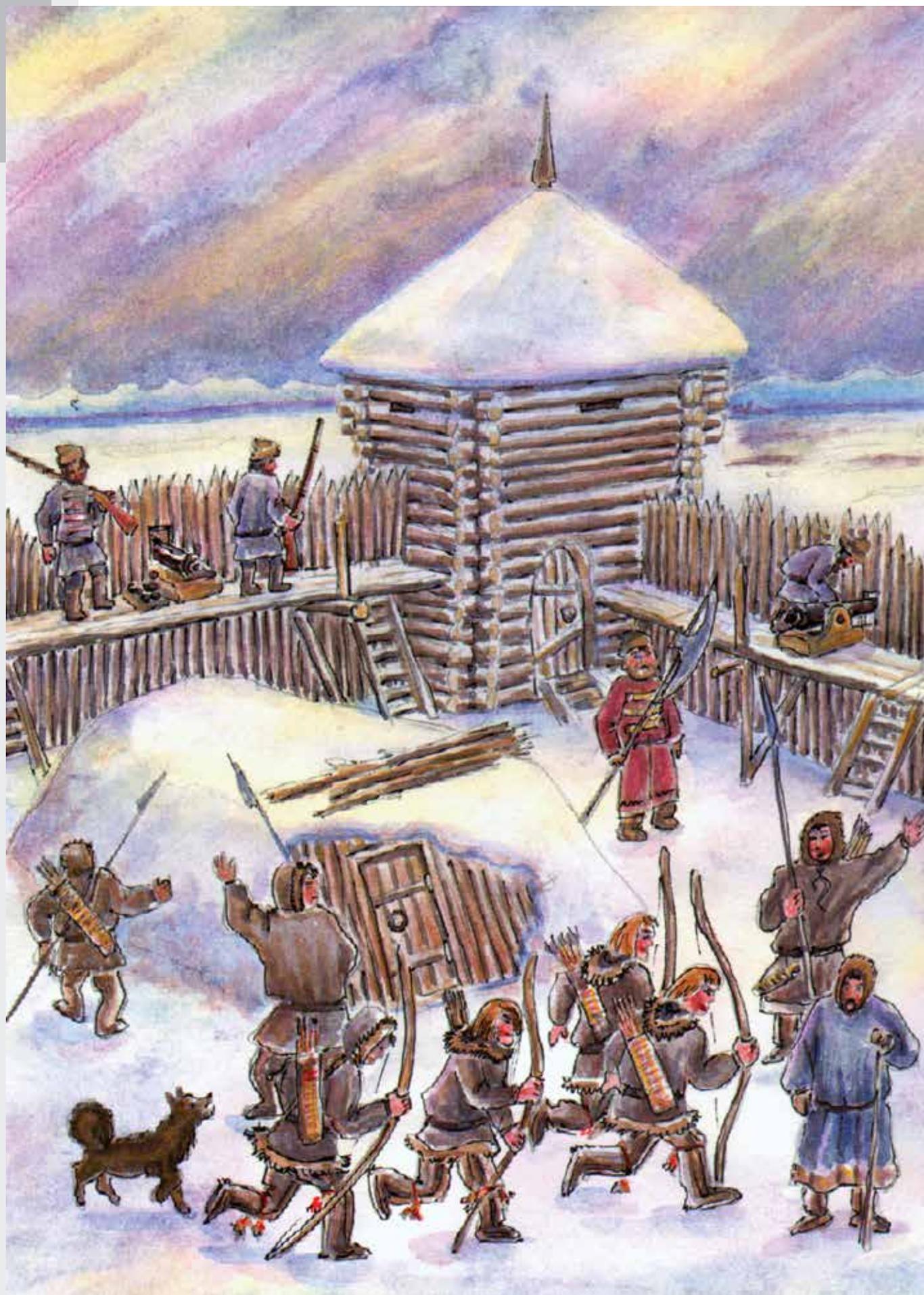
г. Салехард

«ЮЧУ У ОБДОРЫ», 2021. АВВАР, ПЬ

Лыжный поход за Камень в 1499 году

Зазывает снова Иван Третий уж сына Курбского теперь,
А с ним Ушатый князь и Бражник открыли к государю дверь.
Задумались бояре дюже, как дело справить, не сгубить.
В Сибирь вновь войско отправить, да Пустозёрск в пути срубить.
Чтобы открыть ещё дорогу и зимний путь через Урал,
Да как собрать народу много, и чтобы духом не упал.
И вот собрались ярославцы, там вологжане подошли,
Вятчане, вымичи, пермяне, двиняне тоже к ним пришли.
Рать собиралась на Печоре, где стали ставить Пустозёр,
А помогали им поморы, что указали путь до гор.
Аргиш к зиме в сто нарт собрали, лишь провиантом загрузив,
Как к ноябрю речушки встали, собрали разом весь актив.
Полки разбили на три группы, кому под чьей рукой идти,
Да где скалистые уступы, и как придётся перейти.
На лыжах рать пошла за Камень, тогда, когда никто не ждал,
Подняв с Христовым Ликом знамя в Оби низовье, за Урал.
Был долог путь, где вьюга свищет, и вот видны вершины гор.
Спасает ночью дым кострища, да от ветров сосновый бор.
Вот перешли Урал по снегу, в расщелинах легко скользя,
Забыв про сон, забыли негу, ведь мешкать витязям нельзя.
И рать пошла в трёх направлениях: на юг, на север, на восток.
К своей брели отряды цели, ночуя у обских протоков.
Пошёл отряд на Ляпин-город, где князь Лугуй, а правит Ляба
Другой, унять вогульский нор, коль на дозоре пока слабо.
Те, кто на север отошли, в пути большой аргиш нашли –
От горизонта на оленях остяки и зыряне шли.
Обдорцы мчались на упряжках, навстречу, шибко торопясь.
Собачий лай донёсся тяжко, а впереди их главный князь.

И лишь с дружиной поравнялись – упали ниц в снег головой.
Пред ратью во грехе признались, пушнину привезли с собой.
Клялись быть под рукой Москвы, вот так, в снегу, у ног боярских
Разложив дань за много лет, просили милости лишь царской.
Отдав оленей и собак, в обратный путь гостей спровадив,
В Обдор не дали им пройти, тем самым их навек отвадив.

Обдор

В Обдорский край, покрытый мраком, из тайн языческих страстей,
Где много жертв, священных капищ и где не жалуют гостей,
Там Обь дугою огибает священный мыс для всех богов,
Там духи меж холмов летают, шамана там лишь слышен зов.
В священном круге из камней у Сарни-Най¹ подарков много,
Сюда из жертвенных костей во мхах усыпана дорога.
Здесь Медный Гусь на ели старой крылами устремился ввысь,
А идолы крутом с гагарой стоят, как будто обнялись.
Стоит высоко Зарни-Ань² в горе, что у слияния рек,
Её зыряне принесли, с тех пор прошёл уж целый век.
Ушли от Стефана Пермяна язычники на край земли,
Не отказавшись старой веры, след за собою замели...
Златую бабу, почитая, вдали от дома на мысу
Они уже не гости края, стоит зимовье на носу.
Пасли, оленей разводили – друзьями были самоеды,
Ловили рыбу, зверя били тогда остяки им соседы.
Торговлей тайно занимались с оглядкою в родных краях,

«ЛЮБИМЫЙ ПУХОД 1499 ГОДА ЗА КАМЕНЬ». ©2011 АНВАРЕЛЬ

¹Сорни-Най – «золотая баба» в переводе с хантыйского языка.

²Зарни-Ань – «золотая баба» в переводе с коми языка.

Пушиной нарты загружались на риск на свой, да и на страх,
За Камень шли лесной засекой гостями до своей родни,
А возвращались вновь с товаром, бывало, что уж не одни.
Вот так осевшие зыряне Обдором мыс тот нарекли
И Войпелю³ и Зарни-Ань подарки в жертву волокли.
Почти на век настало тихо, хлопот хватало на Руси,
Разбор большой был с каждым ханством, обдорцам – лишь ясак⁴ неси.
Закончился поход тот славный показом силы и знамён,
А князь Московский, самый главный, добавил в титул свой имён:
Обдорский князь и князь Кондинский всех прочих зваться стал Иван.
Казне сибирская пушнина да шибанидам⁵ урок дан.

Наместники Строгановы

Русь потихоньку наступала, в Урале строя города,
Наместников пора настала теперь на долгие года.
В краю обском, дань собирая, в ладьях и свой везли товар
На государя, сколько зная, имели выгодный навар.
И богател с пушной торговли строитель города Орла,
Владелец, Строганов-наместник – на всём Урале голова.
Так время шло, в Тумене⁶ ханство имело с Русью уговор,
Но год настал, и в их пространство ворвался властвующий вор.
Убив жестоко Бекбулата и Едыгера, его брата,
Кучум, потомок Чингисхана, становится в Тумене ханом.
Ислам в Сибири укрепляя, рвёт с Русью прежний договор,
Становится опять угрозой, бедой, идущей из-за гор.
Наместникам неловко стало держать в Урале города,
Когда с воинственным соседом пришла коварная беда.
Тут царь Иван, по клику Грозный, Анике грамоту прислал,
Что коль уж враг такой серьёзный, наместник воинство нанял.
Но чтоб ни-ни, не больше тысячи, он личной рати заимел,
А если что, с него он взыщет за учинённый беспредел...

От таможенной заставы к Обдорской ярмарке

Встреч солнца витязи держали свой путь таёжный на восток,
А на Обдоре зарождали торговли будущей исток.
От царской грамоты князья, по роду Тайшины-остяки,
Бывало, тем и тем друзья, что доходило и до драки.
Но всё же справно государь ясак с Обдора получал,
На челобитные остяков в тот год исправно отвечал.
Одна беда – от карачеев, юраков вольных, как орлов,
Обычно так, затеяв драку, не говорили лишних слов.
Вот случай был. По тундрам слухи пустили недруги царя,
Что предал князь отцову веру, за крест пустой, почём зазря.
А оказалось, Гында запер лихую делом самоедь,

³Войпель – божество в мифологии коми.

⁴Ясак – натуральная подать.

⁵Шибаниды – правящий клан в Приобье после распада Золотой Орды.

⁶Тумен – десяти тысячное татарское войско с конницей, стоявшее на месте города Тюмени.

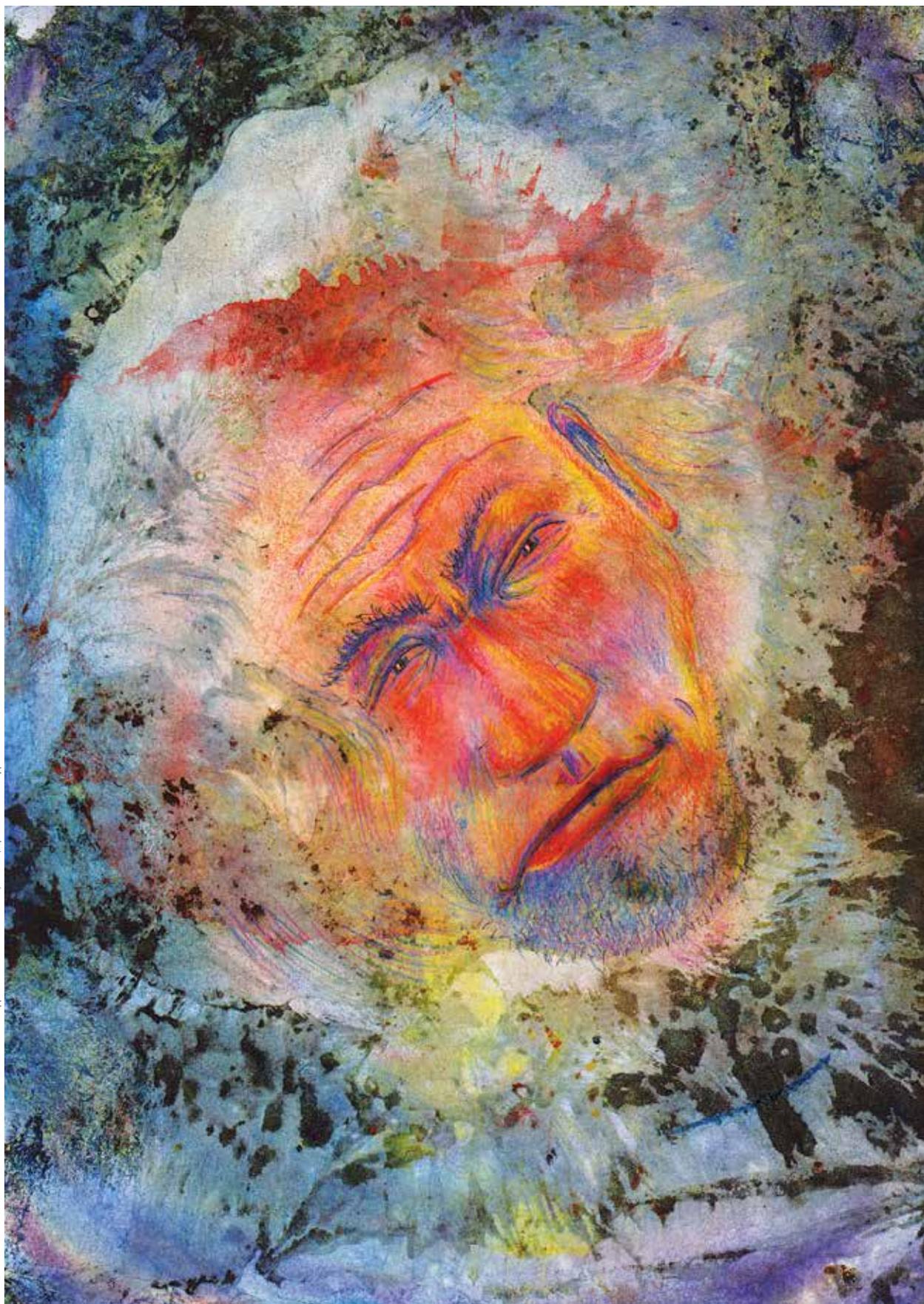

«ВОССТАНИЕ ВАУЛИ ПИЕТОМИНА». 2021. АКВАРЕЛЬ

Назначил их он в аманаты⁷, ясак неплаченный чтоб взять.
Но вождь надымских карачеев по имени Пося Хулеев
Послал двух сыновей к Обдору, по умыслу вражду посеяв.
За ними полчище упряжек, все с пиками наперевес.
Князь Гында только как увидел вдали воинствующий лес,
Так заперся с семьёй в остроге, прося защиты казака.
Отряд, с Берёзова приехав, пушного ждали ясака.
Потом был бой, была осада, летели копья, тучи стрел,
Но захватить острог не дал им, видать, казачий огнестрел.
Четыре дня кружила вьюга, кровавой злобою сошла.
Острог стоял стеной упругой, рать развернулась и ушла.
Вот так, бывало, иногда, пришла беда, случилось горе,
Потом годами тишина в краю суровом на Обдоре... 🌐

⁷Аманат – заложник. В данном случае – из аборигенного населения, переданный с целью регулярной уплаты.

ИСПЫТАНИЕ СЕВЕРОМ

МИХАИЛ КАНЕВ. «КОЧЕВНИК-ЗЫРЯНИН». ПРОЕКТ «АРКТИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ». 2020. АКВАРЕЛЬ, МАСЛО, ЦВЕТНОЙ КАРАНДАШ

ПОЦЕЛОВАННЫЕ СОЛНЦЕМ

Вера СМИЛИНГЕНЕ

п. Харп

С семьёй Тайбери мы дружили около тридцати лет, с конца 1970-х. Однажды я жила у них в чуме больше недели. Воспоминания о тех днях греют мне душу, хотя для меня эти дни были нелёгкими.

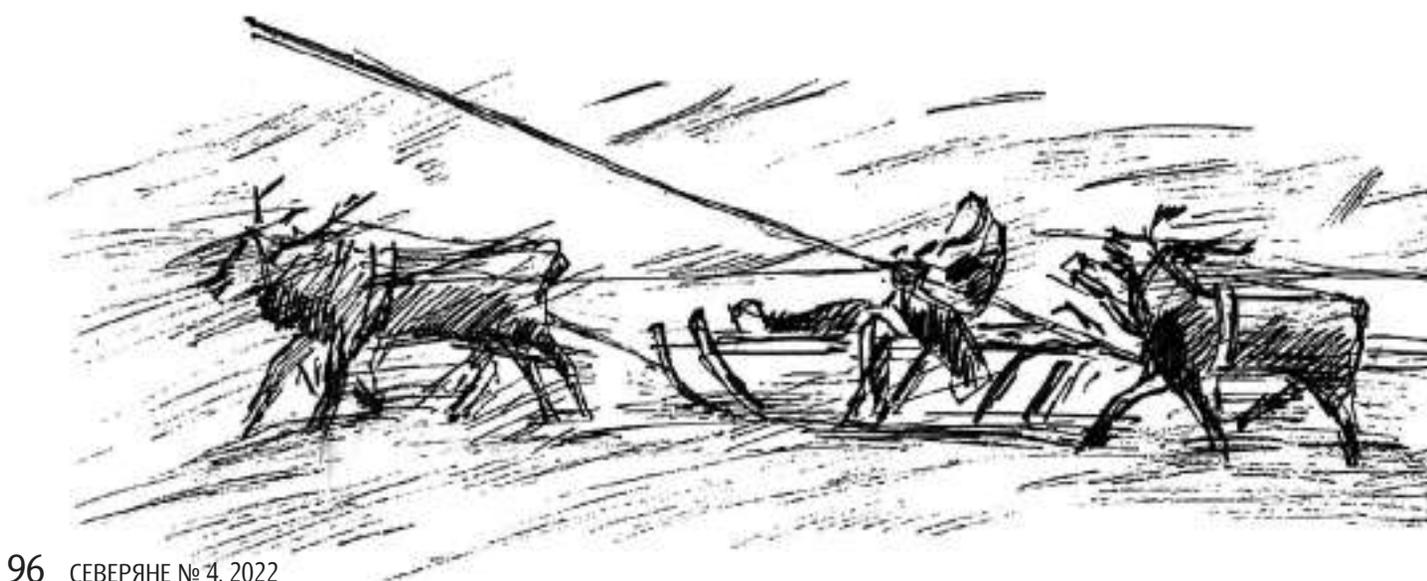
Продолжение.

Начало в № 3, 2022 г.

Каждый раз, приезжая в гости, ненцы привозили на продажу заготовки для пим с орнаментами, песцовые шкуры, рога, оленьё мясо, шапки, рукавицы, тапки из оленьего меха. В те времена люди с удовольствием брали эти изделия – морозы стояли такие, что без меха на улицу не выйдешь. На полученные от продажи деньги ненцы закупали в посёлке самое необходимое: хлеб, сахар,

муку, соль, спички и так далее. Ночевали у нас. В первый раз я была удивлена, что они оставляют в морозном коридоре мешки с картошкой. Ладно, мешки с хлебом, но картошку! Говорила, что надо бы занести в дом, замёрзнет, но Иван Тайбери с улыбкой отвечал: «Пусть тама будет».

Как-то в марте приехал на станцию на оленьей упряжке с колокольчиками Николай, третий по старшинству из ненецкой семьи, и пригласил меня в гости. Кое-как объяснил,

чтобы я пришла на рынок, где они торгуют, мол, будут меня ждать.

Набрала с собой альбомы, карандаши для младших, игрушки, одежду в подарок и, конечно, фотоаппаратуру с запасом фотоплёнок. Световой день понемногу стал прибавлять, дело шло к весне, и я оделась по своей оплошности неподобающе.

На рынке, кроме моих знакомых, было много торгующих с нарт ненцев, так что пришлось поискать Николая и его сестёр – Александру и Ольгу. С ними в путь собирался их родственник Егор.

И вот на трёх загруженных доверху и накрытых оленьими шкурами нартах мы повезли в тундру продукты. Усидеть на них оказалось совсем непросто. Выезжая из посёлка, мы взлетели на почти вертикальную горку. Удивительно, как я удержалась. Коля сначала бежал рядом, потом лихо запрыгнул на нарты. Решил повторить. Разогнал оленей, а обратно заскочить не успел. Зато случайно зацепил меня, и я вылетела с нарт на дорогу. По инерции долго скользила по ней на спине в своей сиреневой болоньевой куртке...

Фонарик-спаситель

Дорога на сопку трудная. По бокам густой лес, а снежная колея разбита вездеходами. То и дело приходится соскакивать с нарт в снег и придерживать их, чтобы не перевернулись. А вот

наверху сопки хороший крепкий наст. Сразу поехали быстро. Держусь руками за верёвки, чуть выпусти из рук – и улетишь вверх тор-машками, сидеть страшно неудобно.

Темнеет. Остановились у Жёлтой горы. Начало поддувать. На горизонте навстречу летит чёрное облако – метель. Поехали дальше, но Коля всё чаще стал останавливаться. Совсем стемнело. Небо и земля смешались воедино. Чуть видны силуэты упряжек. Ноги бьются о кусты. С большим трудом стараюсь положить их на нарты, иногда мне это удаётся.

Вдруг нарты сильно накренились и завалялись набок. Я вновь упала на спину, надо мной навис тяжеленный груз поклажи. Хорошо, олени успели оттащить нарты в сторону. Сильно ушибла левое плечо. Но встала на ноги самостоятельно, и тут же от плеча к пальцам полился горячий поток. Первая мысль, которая закралась в голову, была неутешительной: неужели перелом? Да, в такой ситуации я бы себе не позавидовала. Посреди тундры, где хозяйничает уже не на шутку взбесившаяся пурга, не видно ни неба, ни земли, а куртка и валенки отдали мне своё последнее тепло – так глупо вляпаться в такую авантюру. Здравый смысл старал-

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛУИЗА МИФТЛОВА / «ЯМАЛ-МЕДИА»

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛУИЗА МИФТАХОВА / «МАЛ-МЕДИА»

ся привести меня к безысходному унынию, с другой стороны – романтика и новые впечатления. Последние имеют одну немаловажную особенность – понять и оценить себя. Набралась мужества и решила всё-таки пошевелить пальцами. Они хоть и занемели, но шевелятся. Утешительный диагноз – просто полновесный ушиб. Пришла в себя окончательно через пару минут. Ольгины нарты уже поставили на полозья. Она разбиралась с оленями, переставляя их, спутавшихся, каждого на своё место. Коля начал разворачивать свою упряжку, но неожиданно, непонятно как оказался под ней.

Оля с Егором кинулись переворачивать гружёные нарты, чтобы вытащить бедолагу. Пурга разыгралась не на шутку, сбивала с ног, слепя колючим снегом и без того мокрые глаза. Я нашла в себе силы, и мы втроём поднатужились, с большим трудом освободили нашего незадачливого пленника из-под нарт. Разобравшись с оленями, Николай привязал нашу с Олей упряжку к своей. Егор поехал за нами. Мужчины переключались друг с другом, свистели, кричали. Но вдруг упряжка Егора исчезла. Остановились. Долго стояли на обжигающем ветру. Я продрогла до костей, хотя на куртку надела мужскую малицу. Николай ушёл в темноту искать Егора и Александру. Мы остались с Олей вдвоём.

И тут я вспомнила, что в сумке есть карманный фонарик. Сняла варежки, иначе не найти. Пыталась открыть боковой кармашек. Руки заоченели, не слушаются. Железный холодный замок обжигает и царапает кожу мокрых от снега и заиндеветших на морозном ветру пальцев. С большим трудом достала этот маленький, но такой нужный в трудную минуту лучик надежды. Светит хорошо, ярко. Отдала Ольге, чтобы она направила в ту сторону, куда ушёл её брат. Спустя минут десять – пятнадцать он неожиданно возник перед нами, как привидение, весь облепленный снегом. Покачал головой, мол, нет нарт нигде. Стоим, ждём. Фонариком светим во все стороны. Если они или мы не за холмами, Егор должен увидеть наш маячок.

Чувствую, что ещё немного такого ожидания, и я превращусь в нечто. Что в этот момент меня удивило и поразило больше всего, так это мои валенки. Ветер продувал их насквозь. Было такое ощущение, что на моих

ногах надеты обычные дуршлаги. И вот Коля, видя моё состояние, достал откуда-то из нарт бутылку, распечатал и протянул. Пришлось пить прямо из горла, тут уж не до этикета. Сделала несколько глотков, горечи не почувствовала. Просто ледяная, вязко булькающая жидкость. Утёрла губы, жду тепла. И оно пришло, стало разливаться постепенно по всему телу.

Вглядываюсь в тундру с замиранием сердца и не столько вижу, сколько предчувствую появление нарт. Тёмное пятно приближается к нам, как будто из ниоткуда. Скрипа упряжки и колокольчиков не слышно из-за бушующего ветра. Подъехал Егор с Александрой. Поехали дальше. Нарты повела Александра. Теперь все переключались не переставая. Наст, видимо, пошёл ровный. Было такое впечатление, что стоим на месте. Но пролетающие мимо кусты, бьющие по ногам, не оставляли сомнений, что мы всё-таки едем. Голова трезвая, телу относительно тепло по сравнению с тем, что было. Егор свистит. Остановились. В его упряжке свалились на снег оленя и не встают ни в какую. Коля выпряг из своих нарт самого большого и поставил его в упряжку Егора. А того оленя, который первым завалился на снег и взбаламутил всех остальных, привязали позади нарт...

Чум – другой мир

Два чума и разные по размерам нарты вокруг них возникли неожиданно. Приехали! Ноги деревянные, руки от напряжения дрожат. Мне откинули полог чума, и я с большим трудом в него вползла. С непривычки, на полусогнутых ногах зайти внутрь у меня не хватило ни умения, ни сил. Александра быстренько растопила печку. Проснулись Дуся с Иваном. Варя с Катей стали собирать на низкий столик, вынутый откуда-то из тёмного закутка, нехитрую еду. Все здороваются со мной, мягко прикасаясь к моим пальцам, улыбаются, шутят.

Уселись вокруг столика на брошенные прямо на снег оленьи шкуры. В чуме стало тепло. Когда смотришь снаружи на него, чум кажется таким маленьким, но внутри – это футбольное поле, если выражаться об-разным языком. Глянула на часы: три ночи. До пяти утра мы ели и разговаривали. За это

время успела побывать и в гостях у Егора. Его чум стоял рядом. Познакомилась с его женой Матрёной. Это была худенькая аккуратная женщина. Она очень хорошо говорила по-русски, в чуме было много книг и журналов. При разговоре с ней у меня сложилось впечатление, будто Матрёна не посреди суровой тундры живёт, а в центре мегаполиса, причём преподаёт где-нибудь в университете – настолько было интересно с ней общаться. Мы говорили обо всём: о северном житье, о правительстве, о наших детях. Я была поражена, ведь не я затрагивала эти темы. Рассуждали даже про вселенную: насколько зависим от неё, не прошли и мимо инопланетян.

У Матрёны с Егором четверо детей. Старший Парфён учится в Питере в институте, средний Пашка – четырнадцатилетний подросток, вышел из чума вместе с отцом и уехал в стадо. Он был такой же, как и Митрофан, загоревший до черноты, поцелованный весенним солнцем. В тундре солнце и белый снег дают двойной эффект для загара. А ещё у них были дочки: десятилетняя Аня и Надюшка шести лет. Дети часто шутят друг с другом, смеются.

На что ещё обратила внимание: ненцы никогда не ругают и не кричат на своих детей, тем более не занимаются рукоприкладством. Это навело на размышление, что некоторым нашим незадачливым и нетерпеливым родителям не мешало бы поучиться у этих людей любви к собственным детям.

В чуме у Ивана мне уже приготовили постель. Навалили шкур, одели в малицу, дали накрыться ягушкой. Перед сном вышли по нужде. Теперь-то я поняла, зачем мне малица. Когда делаешь свои дела, она окружает тебя со всех сторон, защищая нежные места тела от пурги и морозов. В общем, сидишь на улице, как в чуме, только голова торчит.

За двойной стеной из оленьих шкур бесится неугомонная пурга, сотрясая чум. Я проснулась от страшного холода. Видимо, во сне сбросила ягушку, вот и замёрзла. К шкурам чума прикреплен полог из покрывала, и мы спим за этим пологом с девчонками, словно в палатке. Возле моей головы захрустел снег. Это собаки ходят вокруг чума. Его снаружи обнесли снегом, чтоб не поддувало внутрь. Слышимость тут лучше, чем в наших деревнях в посёлке.

Я выглянула за полог. На противоположной стороне сидит Иван, развалившись на шкурах, и курит. Он, видимо, собирался ехать в стадо, потому что полностью одет. Улыбаясь, шёпотом спросила его, показывая на верхнюю часть чума:

– Иван, а что эта форточка будет всю ночь открыта? Холодно.

– Не-е-е, – засмеялся он. – Чум надо закрывать брезентом, когда очень холодно будет. Шестьдесят градусов.

А, понятно. Ну раз пока не шестьдесят мороза, то и брезент не нужен, можно спать спокойно, значит, не страшно, не замёрз-

ну. Подумаешь, пурга, света белого не видно. Зато, когда морозно и тихо, в отверстие чума видны яркие зимние звёзды. Спрятала я свой холодный нос поглубже в шкуры и стала себе надыхивать тепло. Я так делала, когда мёрзла под холодным тоненьким интернатским одеялом. Согрелась быстро и снова уснула. Снилось что-то приятное и спокойное.

Про еду и разные обязанности

Встали поздно. Девчонки скрутили нашу «палатку» наверх и перевязали верёвочками. Растопили печку, сразу стало тепло. Печка нагревается быстро, но и с такой же скоростью остывает. Когда в неё подкидывают дрова, она страшно дымит. Мне трудно дышать, и слезятся глаза. А Варя смеётся, дескать, скоро хорошо будет, не плачь!

День пролетел незаметно. Ветер угнетал меня своим воем. Ели да спали, только мужички суетились, охраняя оленей и сменяя друг друга на ответственном посту. Иногда они заходили к нам, облепленные снегом. Долго палками-янгчами¹ выбивали свои малицы и пимы. Таких палок, разных по размеру, много у входа в чум. Заглядывала в гости и Надюшка, похожая на снеговика. Рисовала, что-то рассказывала. Эмоции у неё лились через край. Чудный ребёнок!

А я чувствовала себя не очень уютно от того, что нечем было заняться. Валяться надоело, сон не идёт, из чума не выйти – пурга гудит. Тут Дуся подозва-

ла к себе и стала показывать, как из оленьих сухожилий делать нитки, которыми они с девочками шьют себе ягушки, а мужчинам – малицы и пимы. Мне всё было интересно, и я с любопытством наблюдала за её работой. Напросилась к ней в помощницы, она не возражала. Да, нелёгкая эта работа – крутить нитки из сухожилий. Меняхватило ненадолго, мозоли на руках и губы занемели с непривычки. Ведь сухожилия нужно обрабатывать своей слюной и крутить их в руках. Зато они были крепче лески и капрона. Это сколько же сил надо иметь, чтобы сшить столько одежды на огромную семью, да ещё и двойной чум в придачу, на который уходят по сорок – шестьдесят шкур взрослых оленей!

Смотрела, как Александра шила малицу для Митрофана, и удивлялась, насколько у неё сильные пальцы, раз может протыкать иглой в течение дня эти шкуры. Варя тоже показала мне своё умение в шитье. На куклах. Головы у них были из утиных и гусиных клювов, а одежда из шкур и сукна с орнаментами. Я и представления не имела, что у ненецких детей такие игрушки.

Помимо шитья ненки занимаются сбором дров. Это хорошо, если лес рядом, а если тундра – там только жидкие кусты, не насобираешься. На женщинах же лежит забота приготовить еду, поддерживать огонь в печке, на которой всегда стоит огромная кастрюля с горячей водой из растопленного снега или изо льда, чтобы в течение холодного зимнего дня пастухам, приезжающим из стада, можно было попить горячий чай или мясной бульон. Чай здесь пьют очень часто и очень много.

Нехитрая трапеза однообразна: варёное оленьё мясо, мороженая рыба, хлеб, чай, недорогие конфеты. Овощи и фрукты отсутствуют напрочь. Даже чеснок, что привезли из посёлка, не едят живьём, а кидают в суп. Суп тоже нехитрый: жирный-прежирный бульон, в котором

варёное сало с редкими прослойками мяса и разваренные макароны. Вот только замёрзшая на морозе картошка почему-то вкусна. Оказывается, они

¹ Янгча – саблевидная палка из лиственницы, предназначенная для выбивания снега.

кидают её только в кипящий бульон, иначе она будет сладкой, невкусной. Для ненцев калорийная пища в суровой тундре просто необходима, иначе не выжить. Меня же такая еда убьёт уже через месяц. Она не для моего желудка – может случиться непроходимость. Но самое трудное – сидеть на шкурах, поджимая живот, и в такой позе набивать его пищей. Еда складывается где-то на уровне груди и горла, и я время от времени встаю на колени, чтобы рыба и хлеб с чаем проскользнули всё-таки в желудок, а не давили на дыхалку. Немного сырого мяса, печёнка, рыба сырая – это я ещё смогу выдержать неделю, может, чуть больше. Однако жирный суп ем со страхом. Отказаться боюсь – обидятся, подумают, что брезгую.

В душу закрадывается тоска – домой хочу со страшной силой. Но пурга не унимается, и я уговариваю себя, что согласилась приехать в чум ради того, чтобы собрать материал и экспонаты для музея, который мы собираемся открывать в нашем Доме пионеров, где я много лет веду кружок фото- и киносъёмки. Чего уж лукавить: помимо радости от встречи с друзьями, я руководствовалась и «корыстными» целями. Наши дети должны знать о людях тундры, об укладе их жизни и с уважением относиться к ним.

Пишу в записной книжке ненецкие слова и предложения. Это так интересно. Ведь они не просто говорят, как мы, ровно и понятно, а словно слиты с самой природой. В их диалекте я слышу бег оленей, хорканье и стук рогов, шуршание травы, вой пурги, эхо уральских гор, шум ветра и чистых, быстрых рек. Для меня это люди из другого мира, в который мне так хочется заглянуть и понять. Поэтому я здесь.

Они радуются и играют, как дети

Чтобы развеселить себя и остальных, стала рисовать и показывать мультики. Это примитивно, но очень забавно. В восторге и взрослые, и дети. Они умеют радоваться искренне, восторженно и самозабвенно абсолютно всему. Схватывают всё на лету, впитывают знания, как губка воду. Так, сделала из бумаги для Надюшки самолётик, и в чуме стала ле-

тать целая эскадрилья из старых пожелтевших газет. Всем хотелось попробовать. Взрослые тоже с увлечением учатся новой забаве.

Варя за время, что я провела у них в гостях, выучила русский алфавит и печатными буквами выводила слова, близкие ей. Она очень быстро запомнила буквы, потому что всё понимает по-русски, в отличие от старшей Александры и мальчишек, которые часто говорят «не понимай». Варя начинает на ненецком языке им переводить, а те только головой кивают. Я думаю, это какая-то игра в непонимание. Всё они понимают, просто делают вид, наблюдая за моей реакцией. Вот бы мои ученики в посёлке так же схватывали на лету, давно бы всему научились. Даже сказки с цветными картинками, что я привезла, дети начали читать по слогам. Особенно понравилась книжка «Три поросёнка».

Первые дни в чуме я всё отряхивалась. Ворс олений был повсюду: в еде и на одежде, в моих волосах и на полу, часто попадал в рот. С непривычки всё это казалось удовольствием не из приятных, но со временем я перестала замечать и обращать внимание на сей факт. Было не до того.

Наконец из тундры приехал Васька, его ждали уже несколько дней. Привёз с собой гостей на четырёх нартах. Народу в чуме насчитала шестнадцать человек. Невероятно, но все уместились за два низких столика. Ели, пили, смеялись, разглядывая мультики, нарисованные уже девочками, и подарки, что я привезла, и всё цокали языками.

После трапезы девочки стали убирать вымытую посуду и продукты по низким широким ящикам с крышками за печку. Дуся мне показывала накануне пожелтевшие от долгого хранения христианские иконы, хранящиеся отдельно, в таких же крашенных бордовой краской ящиках. Она часто крестилась и всё шептала: «Хоспоти, хоспоти». А ещё в ящике в уголке стоял вырезанный из небольшого куса растрескавшегося кое-где дерева их языческий бог. Она не стала мне его показывать, я только краешком глаза увидела. Ящик Дуся поспешно закрыла на висячий замок. Я не стала ни о чём расспрашивать, промолчала. Думаю, она делилась своей радостью: хранители у них в чуме живут надёжные.

Вышла из чума, вернее, выползла. Выходить из него надо уметь, это серьёзная наука для несведущего человека. Ненцы делают это так: резко ударив всей рукой от кисти до плеча по тяжёлым шкурам, в долю секунды, пока полог подпрыгивает от удара, успевают развернуться в полуизгибе всем корпусом и степенно выйти. У меня иногда получается этот трюк, когда я в валенках. Но если в кихсах² да в малице, тут уж приходится с кряхтением выползть. Главное – не запутаться в пологе. Сначала мой выход из чума вызывал у всех улыбку, но потом перестали обращать внимание, мол, научится. Так вот, выползла я. Солнце садится. Красота! Длинные тени дают ощущение какой-то сказки. Ослепительно белые горы днём, в распадке которых стоят наши чумы, стали мягче, полутона нежно переходят друг в друга. Небо уже дышит весной. Особенная синева и тёплые облака выдают её приход.

Мужчины с мальцами расчистили от снега площадку и играют в игру, похожую на наши городки. Пошла понаблюдать. Пятидесятисантиметровой палкой сбивают так называемые «кегли». То есть это толстая ровная палка, распиленная на тридцать одинаковых чурочек, чуть повыше спичечных коробков. Похожи они на толстенькие бочоночки. Их заборчиком расставили в «городки», между которыми стоят игроки. В каждой команде по четыре человека, и у каждого по две палки. Кидать их начинает каждый от своего городка. Если выбили «кегли», становились наполовину ближе к чужому «городку» и выбивали дальше. Если «кегля» попадала на черту городка, то отходили назад к своим владениям и выбивали уже оттуда. Это что-то вроде штрафной санкции. Вечером и мне довелось поиграть в команде с Пашей, Катей и Парфёном. В другой команде Васька и все остальные.

В этот же день, когда ветер поутих, я сделала чижика, и мы играли на оленей. У кого больше очков, у того больше оленей. Игра моего детства ненцам понравилась только тогда, когда вместо набираемых пустых очков мы перешли на реальный выигрыш – оленей. Здесь, в тундре, воспринимают конкретику, а не какие-то условные очки.

Тундра бесконечна

Спать в этот вечер легли чуть позже: в девять – начале десятого. Спали кто как. Кто в «кибитке-палатке», как мы с девочками, кто прямо на шкурах, накинув сверху малицы.

Ночью мне приспичило в туалет. Полог тяжёлый, не поднять. Кое-как выползла на коленках на снег и замерла. Над чумом во всё небо играло северное сияние. Цветные всполохи бегали друг за другом, снопами высвечивались, пропадали и вновь появлялись. В этом разноцветье были такие краски, которых я никогда и нигде не видела – ни на Большой земле, ни на одном холсте. Любоваться этой красотой можно бесконечно долго. Цветная воздушная громадина ни на секунду не стоит на месте. Вот она пошла стеной, запылала прямо над головой. Я в этой тундре, под этим северным небом чувствую себя не то, что песчинкой, даже не молекулой. Пространство невероятно огромно.

Проснулась в семь утра. Кто-то уже смачно намыливает руки и поливает из медного чайника со смешным носиком. Он болтается, подвешенный на жердь, проходящую через весь чум. Этому чайнику, наверное, лет сто. Я тоже умылась. Воду здесь добывают просто: рядом замёрзшая река, там и пилят лёд на куски, на нартах везут к чуму. Грузёных нарт тут много, больших и не очень, узких и широких, все разные, каждая предназначена для определённого груза: продуктов, вещей, дров и так далее.

Александра помогла Митрофану натянуть меховые чулки, сверху с трудом одели кисы. В подошве между чулками и кисами сухое скрученное сено. Скорее всего, поедут в стадо, оно где-то за горой. Неожиданно начался невообразимый шум. Лай собак перебивал кричащие голоса пастухов и топот оленьих ног. Вышла посмотреть. Пригнали стадо и стали вылавливать ездовых оленей. Они сопротивляются, но тынзяны³ крепкие, из плетёной кожи, не вырвешься.

С большим трудом забралась на гору по глубокому снегу, пробитому оленями, чтобы оттуда вести фотосъёмку. Вокруг двух чумов-

²Кисы – ненецкая зимняя обувь из шкур оленя.

³Тынзян – аркан.

треугольничков живое море из животных. Оно колышется то в одну, то в другую сторону, а то лоб в лоб. Над ними стоит белое облако пара, и слышно в горной тишине их хорканье и учащённое дыханье. Мороз. Только я стала спускаться с горы, мимо меня пронеслись два оленя с высунутыми языками и хриплым дыханием. Оля отпустила чёрную собаку за ними, но та вернулась ни с чем. Потом в гору понеслись ещё три оленя, отбившись от стада. Послали другую собаку. Через некоторое время она пригнала беглецов в стадо. Умница.

Наконец я внизу. Меня тут же взяли в работу, не спрашивая, хочу я или нет. Дали в руки длинную верёвку и объяснили, чтобы за неё не выпускала оленей. Справа и слева от меня эту же верёвку держат мои ненцы и кое-кто из гостей. Олени встревоженно подбегают к нам, но мы отпугиваем их криками, резко поднимая руки вверх. Я, например, кричу: «Эй!», Катя: «Хой». Наконец все олени, которые должны быть пойманными, пойманы. Их запрягли в нарты и помчали все четыре упряжки на речку. Матрёна пояснила, что сейчас гости и хозяйка будут соревноваться, у кого олени быстрее и сильнее. Расстояние от чумов до реки километра два. Доехали гонщики до нас за пятьдесят пять секунд. Олени дышат тяжело, языки наружу, пар идёт. Отдохнули и снова погна-ли. Вот это азарт, вот это гонки!

Наигравшись, пошли обедать. На столе рыба, мясо, хлеб, соль, чеснок, горчица, конфеты, пряники, чай. Гости поели и засобирались в дорогу. Дуся откуда-то из недр своих запасников достала подарки: раздала всем фланелевые клетчатые рубашки. У Алексея, самого стеснительного из гостей, со смешной причёской, как у панка, всё не ладилось с упряжкой – один из оленей норовил полежать. Его подняли, но, когда поехали, он снова завалился, и остальные трое оленей тащили его по снегу. Пришлось оленя отцеплять. Наверное, у него что-то болит, подумалось мне. Дуся стала объяснять, что просто олень хитрый, не хочет работать. Ей видней. Если бы олень заболел, они бы наверняка это заметили. От нас в гости уехали Коля, Вася и Катя. Матрёна вообще одна осталась на хозяйстве.

Ближе к вечеру поднялся ветер. Сижу, читаю старые отрывные календари, остальные на улице: разбирают вещи на нартах, сбива-

ют с чума снег. Собаки без конца забегают погреться, полог почти не закрывается, по полу тянет холодом. Собак кормят вечером. В одну миску каждой накладывают по очереди. Дуся сидит на шкурах с палкой в руке у входа в чум и, пока одна ест, отгоняет других. Потом выгоняет накормленных помощников и зовёт следующих. Постоянно в чуме сидят только щенок и старая ненецкая лайка Ляля. Они так и норовят залезть в миску, наглецы, хотя их уже покормили.

Дорога домой

Яркий солнечный морозный день. Утром Александра растопила печку. Сегодня меня отвезут домой. Пурга утихомирилась. Я уже больше недели здесь. Начала немного понимать ненецкий язык и даже говорить некоторые предложения. Им очень нравится, что я стараюсь, поэтому учат меня, как школьницу, новым словам.

Дым ест глаза, Варя смеётся. Оля деловито раскладывает на столе хлеб, пряники, конфеты, соль, строгаёт замороженную рыбу. Я потихоньку собираю свои вещи. Кое-как нашла вязаную чёрно-белую шапку. Её примеривали все кому не лень. Но одну шапку всем не подаришь, поэтому я её заберу. Всё остальное, что им понравилось, я подарила и не жалею. Ненцы умеют принимать подарки.

Запрягли две нарты. Поедут Вася и Митрофан. Мои музейные «экспонаты» привязали, чтобы не потерять по дороге. Теперь одели меня конкретно. Александра помогла натянуть на ноги длинные меховые чулки мехом вовнутрь, в кисы в подошву положила сухое скрученное сено (как оно пахнет летом!). Холодно, однако, градусов минус 35–40. Распрощалась со всеми. «Лакомбой!» – кричали мне вслед, а я махала рукой.

Олени вывезли нарты на речку. Морозный ветер, как метлой, подчистил здесь снег, и виднелся голубой гладкий лёд. Не зря у нас в посёлке смеются, когда дует морозный ветер: «Вот и уборщик, дворник пришёл». Это значит, что снег, не прибитый своим весом к земле, подчистую будет выметен из посёлка. Олени копытами скользят по льду, чуть не падая. Впереди несётся Вася, следом мы с Митрофаном. Солнце светит

нешадно. Белый снег слепит глаза до слёз. Пришлось Васе отдать свои очки «хамелеон», когда он остановился и сказал, что плохо видит. Когда-то, очень давно, вместо очков ненцы носили царские монеты с пробитыми в них щёлочками для глаз. Мне бы сейчас такие очки ох как не помешали бы, ехать далеко и долго.

Горы остались позади, кругом чистая подушка снега без единого деревца. Только мы, снег, небо и беспощадное солнце. Много времени прошло, и вот вдали показался бугорок и тёмные пятнышки деревьев. Когда подъехали ближе, поняла, что это Жёлтая гора, а за ней уже заметна телевышка на сопке, там и посёлок рядом. Теперь спускаться легче. После пурги колею от вездехода занесло, и нарты шли ровно, не заваливаясь, как в начале моего пути в гости к ненцам.

Наконец-то я дома. Напоила ребят чаем, накормила тем, что было в холодильнике. А перед дорогой Митрофан занёс в дом половину оленьей туши и сказал: «Это тебе подарок». Этого мяса моей семье хватит надолго.

Сейчас они наберут в посёлке продуктов и поедут в тундру. Как мне показалось, десятичасовая дорога от чума до посёлка и обратно для этих детей тундры не столь обременительна, как для меня. Ещё долго у меня ныли руки и ноги от напряжения: уж слишком крепко я держалась за нарты, чтобы не съехать с них. И несмотря на то, что последние дни мне было тяжело в чуме, я благодарна судьбе, что она приоткрыла мне занавес в мир незнакомый, удивительный, не похожий на наш, развёрнутый цивилизацией. От той поездки у меня осталось много всего: ненецкий словарь с распространёнными словами и выражениями, маленькие нарты, ненецкая меховая сумка с орнаментами, в которой девчонки хранили свои швейные принадлежности, небольшая янгча из лиственницы, деревянный ошейник для оленя – его используют, когда приходит срок спиливать рога, шапка из двойного меха и семь отснятых фотоплёнок. Но самое главное – воспоминания и эмоции, которые мне подарили люди тундры. 🌐

ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ НЛО И БУЛОЧКОЙ С МАКОМ

Владимир ДОЛГИХ

г. Сочи

«Объяснительная записка» – особенный жанр народного творчества. С ним знакомы работники всех отраслей, причём многие только им и владеют...

Увы, несмотря на все старания, этот навык мало кого осчастливил. Бытует мнение, что написание объяснительной записки приравнивается к чистосердечному раскаянию – раз написал, значит, всенепременно виновен! И лишь некоторые, особенно одарённые авторы, нет-нет да и бросают вызов этой стройной системе. Они приводят клишированные синтаксические конструкции к состоянию полного абсурда, доводя начальство до нервного срыва или истеричного хохота.

В былые времена подобные записки публиковались в юмористическом журнале «Крокодил», обсуждались на партсобраниях, передавались из уст в уста – как пример неудачной попытки оправдать служебный проступок.

Впрочем, были и исключения из правил. О них мой сегодняшний рассказ...

Даже не сомневаюсь, читатели «Северян» не верят в инопланетян. Зелёные человечки, как плод больного воображения, давно стали притчей во языцех. А вот мой бывший начальник был вынужден признать вероятность их существования, и случилось это именно после прочтения объяснительной записки.

Дело было в конце 1980-х, я тогда трудился в электроцехе Карской геологоразведочной экспедиции, а жил где придётся. Со временем мне и моим коллегам-электрикам выделили

комнатку на окраине посёлка. До места работы – всего около километра, но и это расстояние ещё нужно было пройти. Однажды в метель мы на этом отрезке заблудились. Спас нас лишь факел попутного газа. В сумеречных и суматошных снежных вихрях его сполохи были почти не видны, но шум пламени было хорошо слышно...

Иногда меня сотоварищи отправляли на так называемую забурку станка. Мы сутками не вылазили с буровой, а потом, подобно Илье Муромцу, надолго погружались в богатырский сон.

Наша очередная вахта проходила на севере Ямальского полуострова, если не ошибаюсь, запускали Северо-Мальгинскую площадь или что-то рядом. Весна качала свои права, солнце с каждым днем светило всё дольше, усугубляя наше представление о бесконечности трудового дня. Но мы были молоды, сильны и успевали всё – даже обед готовили сами. В общем, работа была сделана качественно и на нашу базу в Харасавэе мы вернулись с чувством выполненного долга.

Наверное, зелёные человечки так и не пожаловали бы к нам в гости, если бы не одно но. Нам, комсомольцам-ударникам, не дали толком отдохнуть. И хотя трудовой ритм на базе был куда мягче, чем на забурке, через пару дней хроническая усталость взяла своё – мы проспали. Наскоро собравшись, выскочили на улицу, а время уже к обеду. Вот мой старший товарищ Юрка Азаренко и говорит: «Айда в столовку, а в цех пойдём

после обеда. Хоть ещё поспим». Я был согласен. Глупо было спорить. Весна, солнце, вкусный обед и сон явно превалялись над сводами электроцеха и работой.

Выспавшись, довольные, мы явились на работу. Там нас ждал мрачный шеф Сергей Геннадьевич. Вообще-то, как руководитель и человек, он был понимающим, на некоторые делишки закрывал глаза, под его началом работать было совсем неплохо. Но в этот раз он грозно посмотрел на наши довольные физиономии и сказал: «Пишите объяснительные».

ФОТО ИЗ АРХИВА
ОКРУЖНОЙ ГАЗЕТЫ «КРАСНЫЙ СЕВЕР»

Мне в голову ничего не приходило кроме покаянных слов: «Извините, простите, бес попутал». А вот Юрка взял ручку и на одном дыхании застрочил целыми абзацами. Исписав с обеих сторон тетрадный лист, он попросил ещё – начальник вырвал ему сразу два, но и они были израсходованы со скоростью пулемётной ленты в жарком бою.

Ах, как вдохновенно Азаренко выводил свои торопливые строчки! Его рыжая шевелюра светилась в жарких лучах солнца, наводя на мысль о симбиозе электрической печатной машинки с раскалённым кожухом станкового «Максима».

Вспомнив школу, я решил подсмотреть, что там мой товарищ пишет, и ошалел от крутизны сюжета.

Оказывается, когда мы вышли из дома, Юра увидел садящуюся напротив нас огромную летающую тарелку (на самом деле на том пятачке и вездеход-то едва поместится, но это неважно). Из тарелки выскочило несколько непонятных типов, они схватили Азаренко и затащили на борт НЛО.

Потом мой товарищ подробно описал процесс допроса и пыток. Космические пираты выбивали из него главные секреты буровских электриков: процедуру запуска шламового насоса без пускателя и метод

определения фазы и ноля в многожильном кабеле. Но круче наших ребят может быть только космос, так что Юрка, не посрамив светлое имя ленинского комсомола, выдержал все пытки.

Увы, мой мозг в тот момент хотел чаю с халвой, поэтому, едва ознакомившись с сюжетной линией, я скромно написал: «Вышли с Юркой из подъезда, было солнце, а потом яркая вспышка. Больше ничего не помню. Когда проморгался, Азаренко стоял рядом, и мы пошли в цех».

Читая Юркино донесение, Сергей Геннадьевич кудряво ругался, злился, краснел, но всё же признал: «Ну врёт же, а попробуй докажи обратное».

Поэтому могу сказать, инопланетяне документально доказаны, ибо документ был. Жаль, не сохранился.

Вторая объяснительная была у меня скромнее. Впрочем, это как посмотреть. Мой товарищ Азаренко улетел на отгулы в родную Горловку, а мне надо было дальше лямку тянуть. И не прошло и недели, как растущий молодой организм снова дал сбой и проспал после обеда.

Полагаясь на опыт, я решил не торопиться, а спокойно почитал книгу, выучил очередную партию соло на гитаре, поужинал в столовке и лишь затем явился в цех. Там бдительный начальник уже готовил мне аутодафе. Доставая из сейфа покаянную тетрадь, он насмешливо поинтересовался: «Много будешь писать? Пряма как Азаренко?»

Склонившись над столом, я задумался. Похищение уже не прокатит, зелёные человечки далеко, Юрка тоже, поди, на Украине.

А вот начальник рядом, ехидно улыбается. Ну ладно...

Начал я издалека. Рассказал, как тяжело жить в вахтовом посёлке, посетовал, что четыре раза в день по пути на работу и обратно домой приходится проходить по целому километру. Затем я отметил превосходную работу местной столовой и благотворное влияние вкусной пищи на производственные показатели. Чтобы не быть голословным, я подробно описал процесс приёма различных блюд и попросил ещё листов, шеф напрягся.

А потом я перешёл к главному: слёзным просьбам переселить меня поближе к товарищам из Карской экспедиции. Ведь это не только гуманно, но и весьма целесообразно: так я буду ближе к вертолётной площадке, и, случись что, смогу заблаговременно вылететь с ответственной миссией на объект. Кроме того, у меня появится больше свободного времени, а значит, я больше не буду нарушать распорядок дня!

Написав о нарушении, я на минуту призадумался, ведь в моей объяснительной не хватало главного – красивой легенды, извиняющей моё опоздание. Помню, смотрел, как садится солнце, как ехидно улыбается начальник, и тут меня озарило. Склонившись над третьим листом, я завершил описание трудного дня словами: «А потом я скушал булочку с маком, пришёл к себе в комнату и потерял сознание». Ещё подумал и дописал: «Обязуюсь больше булочек с маком не есть!».

Говорят, здоровый смех продляет человеческую жизнь. Так Сергей Геннадьевич стал моим должником.

P. S. Обещания своего я не сдержал, булочки с маком ел. Но сознания больше не терял.

P. P. S. Премий нас с Юркой не лишили. 🌐

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ БУРАН

Анатолий МУХАЧЁВ

г. Оболенск, Московская область

Пять дней в открытой тундре. Без чума, без больших запасов еды, без возможности связаться с внешним миром. В такой момент остаётся только ждать. Когда многие часы лежишь в снегу под завывание вьюги, что только не передумаешь. Разнообразные мысли, сменяя одна другую, наплывают как волны...

Проснулся я от стука в дверь. На пороге стоял старый знакомый – бригадир Иван Александрович Чупров. Мы поздоровались.

– Яков Иванович вечером привёл тебе оленей, – начал он с ходу. – Я в посёлке уже два дня. Надо ехать в стадо. Если хочешь, поедем вместе. Яков Иванович согласен.

– Я готов. Продукты и вещи уже отправил с Мариком. Дела в посёлке все сделал. Позавтракаю – и можно ехать.

– Тогда собирайся. Проверь ещё раз, чтобы ничего не забыть, – посоветовал Чупров.

После завтрака я уложил в рюкзак халву, бутылку спирта, пару блоков сигарет «Солнце». В боковой карман рюкзака сунул кисет с табаком и трубкой. Три книги я уже отправил, но не удержался и положил томик Пушкина. Подумав, решил ещё взять два коробка геологических спичек в непромокаемой провощённой упаковке, специально изготовленных для разжигания на ветру. Внимательно оглядел комнату. Ничего не привлекло моё внимание – значит, можно считать, что полностью собрался. Это подтвердил и список, в котором всё до мелочей было перечислено.

Пошёл к дому, где жили Чупровы. Он находился недалеко от конторы.

– Что, не терпится ехать в тундру? – спросил меня глава семейства Александр Афанасьевич. Он с сыном увязывал нарту.

– Да, пора, – ответил я.

Глядя на окрестности, обратил внимание, что лёгкая позёмка пробегает по снежным застругам.

– Позёмка начинается. Как бы погода не испортилась, – высказал я своё предположение.

– Ничего, проскочим, – ответил Иван Александрович. – Часа за три до Марика доберёмся, а там уже, как говорится, рукой подать до моего стада.

Уверенный тон опытного оленевода меня несколько успокоил. Договорились, что он и Яков Иванович заедут за мной, и я бодро потопал домой.

Трое в снежном плену

Вместе с соседом Алексеем Булкиным вытащили из сарая вещи, необходимые для отъезда в тундру: нарту, мешок с упряжкой, хорей, топор, андер, «гусь». Вынес из дома рюкзак и мелкокалиберную винтовку.

Подъехали оленеводы. Пока они запрягли оленей и укрепляли вещи на нарте, я переделался в ненецкую тундровую одежду. Мы выкурили по сигарете, простились с Булкиным и тронулись в путь. Впереди поехал Чупров, за ним Вануйта, последним я. Оленей не надо было подгонять хореем: они, не отставая, бежали за впереди идущей упряжкой.

Позёмка тем временем усиливалась, её мощь росла прямо на глазах. Если вначале она «тянула» в одном направлении, то сейчас начала метаться из стороны в сторону, напоминая разъярённого зверя, которого загоняют в угол. Прошло не меньше часа, как выехали из посёлка, но теперь мело лихо, сильно и создавалось впечатление, что снег одолевает со всех сторон.

В снежном вихре я смутно различал впереди себя нарту. Наконец Иван Александрович остановился. Следом за ним остановили оленей Яков и я.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ГАЛИНА СЕВЫН «ЯМАЛ-МЕДИА»

– Что-то всё сильнее и сильнее метёт. Правда, мы ехали открытой тундрой. Видимость плохая. Сейчас речкой пойдём, там должно быть тише и лучше, – сказал спокойно Чупров.

– Как бы буран не начался, – высказал свои опасения Яков, – после реки опять придётся открытой тундрой ехать, а там расстояние побольше, чем проехали.

– Проскочим, – успокоил нас Чупров.

Наши упряжки спустились вниз, и мы поехали руслом реки. Снег и здесь, как мне показалось, метался во все стороны. Сквозь его пелену едва я различал упряжку впереди ехавшего пастуха. Оглянувшись, увидел лишь сплошное белое месиво. Оставалось предположить, что метель переходит во вьюгу.

Невольно на память пришли слова Сергея Тимофеевича Аксакова из очерка «Буран»: «Снеговая белая туча, огромная, как небо, обтянула весь горизонт, и последний свет красной, погорелой вечерней зари быстро задёгнуло густою пеленою. Вдруг настала ночь... Всё слилось, всё смешалось: земля, воздух, небо превратились в пучину

кипящего снежного праха, который слепил глаза, занимал дыханье, ревел, свистал, выл, стонал, бил, трепал, вертел со всех сторон, сверху и снизу, обвивался как змей, и душил всё, что ему ни попадалось... Сердце падает у самого неробкого человека, кровь стынет, останавливается от страха, а не от холода, ибо стужа во время буранов значительно уменьшается. Так ужасен вид возмущения зимней северной природы. Человек теряет память, присутствие духа, безумеет... и вот причина гибели многих несчастных жертв».

Спасение – куропачий чум

Тут я вспомнил случай, который произошёл в Ныде. На дворе стоял апрель. Погода была изумительной: ярко светило солнце, было тихо. Я вышел во двор в свитере и лыжной шапочке и стал колоть дрова. Настроение весеннее. В это время мимо меня проходила начальник районной метеостанции с мужем. Остановились. Заговорили.

– Дровишки заготавливаете? Правильно делаете, к зиме просушатся, – сказала женщина. – Слава богу, перезимовали. Мы с первым парходом совсем уезжаем. Уже северные выслуги есть.

Они пошли дальше, а я продолжил колоть дрова.

Спустя пять дней начальник метеостанции в спортивном костюме на лыжах отправилась на замеры снежного покрова. Потянула позёмка, следом начался буран. Вовремя на станцию она не вернулась. Муж поднял тревогу. Нашли у геологов вездеход. Поехали по следу. Водитель спохватился: «Я забыл заправиться, горючего нет, необходимо срочно возвращаться». Вернулись, заправились и вновь поехали на поиски пропавшей. Когда её нашли, она была уже замёрзшей. «Если бы надела зимнюю ненецкую одежду, была бы жива и здорова», – подумал я тогда...

Олени рысью передвигались по руслу реки, описывая повороты. Снег метался со всех сторон. Начался подъём. Я понял, что из речки мы выезжаем в тундру. Проскочим тундровой участок, а там и до становища оленеводов будет недалеко.

В тундре снег крутился и вертелся с большой силой и наглостью. Он вставал непреодолимой стеной, ветер со снегом бил в лицо, слепил глаза, пытаюсь проникнуть в каждую щёлку. «Скоро, наверное, открытый участок кончится», – подумал я. В это время нарта, что была впереди, остановилась. Встали и олени моей упряжки. Они тяжело дышали, высунув языки. Подошёл Иван Александрович:

– Здесь подождём. Тут ягель хороший. Когда буран начнёт стихать и появится видимость, поедем дальше. Чум Марика уже недалеко. Надевайте гуси. Переждём непогоду в куропачьих чумах.

При словах «куропачий чум» я вспомнил свой последний разговор с другом Вячеславом в Москве. Он спросил:

– Что делают аборигены зимой, если их в пути застала пурга и ехать дальше невозможно или олени устали, а до чума ещё далеко?

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ГАЛИНА СЕВТИ/«ЯМАЛ-МЕДИА»

И пытался сам ответить на данный вопрос: «Наверное, возьмёт с собой небольшой чум или палатку с печкой?»

Пришлось москвичу объяснять, что ничего подобного ненцы с собой в дорогу не берут. Вынужденную остановку в пути они проводят в куропачьем чуме. Что же он собой представляет? Устройство его, как и всё у ненцев, предельно простое и гениальное: в снегу делают ямку, в которую ложатся прямо в одежде. Можно просто лежать и смотреть на звезды, но лучший способ отдохнуть – это сон. Так и поступают аборигены.

Естественно, у тех, кто впервые слышит о куропачьем чуме, возникает вопрос: «Ведь это смертельно опасно – можно не только обморозить части тела, но и замёрзнуть?» Да, действительно, если будешь одет в европейскую зимнюю одежду, смерть

обеспечена, но если в ненецкую, то можно быть уверенным на сто процентов, что ничего не обморозишь во время отдыха или ожидания лучшей погоды.

– Что же это за чудо-одежда? – поинтересовался мой друг.

Пришлось ему объяснять, что представляют собой малица, чижи, кисы, гусь (сокуй).

– Почему же ночёвка в снегу называется куропачий чум? – спросил он.

– Название точное. Куропатки в мороз на ночь забираются в снег, где значительно теплее и безопаснее, – пояснил я...

Мы с Яковом последовали совету более опытного бригадира: надели гуси и каждый, утопав около своей нарты ямку, лёг в неё. Рядом расположился Чупров. Повернулись спиной к основному потоку ветра и снега. Первая моя мысль была: «Как долго продлится буран? Часы? Сутки? Больше?» Никто не мог дать ответ на этот вопрос. Оставалось только ждать. Ждать и надеяться.

Как хочется чая...

Вьюга не на шутку разгулялась, распоясалась, завертелась. Мы дважды меняли места упряжек, чтобы олени могли поесть свежий ягель. Небольшое просветление неба показало, и часы это подтвердили, что мы уже сутки обитаем в куропачем чуме. Есть время для раздумий, размышлений, но мозг работать не желает. Какая-то апатия, вялость навалились на всё тело. Есть одно желание: не слышать и не видеть эту вакханалию ветра и снега и впасть в анабиоз.

Для того, чтобы животные ели, несколько раз меняли места упряжек. Вновь наступило просветление. Часы показали, что прошли ещё одни сутки. Когда в очередной раз начали переводить оленей, Иван Александрович сказал:

– Вот сейчас бы чего-нибудь выпить и можно было бы спокойно продолжать ждать, а то на душе как-то муторно.

– У меня есть, – сказал я без всякой бравады.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ГАЛИНА СЕВЛИ/«ЯМЛ-МЕДИА»

– Давай, – предложил бригадир.

Вануйта помог достать из рюкзака бутылку и халву. По очереди сделали по глотку и закусили снегом и сладким. Посмотрев на провиант, Чупров попросил:

– Не убирай в рюкзак, накрой андером.

Я так и поступил. Спать не хотелось. Лежал и вспоминал эпизоды из жизни – как наша комната не отапливалась в течение года во время Великой Отечественной войны, был страшный голод.

Прошли ещё сутки. Ветер и снег продолжали свою бесовскую пляску.

– Уже три дня. Пора бы и стихнуть, – сказал я, когда все собрались у моей нарты.

– Отец говорил, если буран на третьи сутки не прекратится, считай, будет бедокурить все пять, а то и больше, – ответил Чупров.

– А что, правда, такое может продолжаться более пяти дней? – с сомнением спросил я у бригадира.

– Отец рассказывал, что один раз в его жизни такое случалось. Тогда буран продолжался семь суток. Бывают ли более этого срока? Вряд ли, я ни от кого не слышал, никто никогда не говорил.

Мы снова сделали по глотку, переставили упряжки, переваривая сообщение Ивана Александровича. Хотелось уже куропачий чум сменить на обычный, поесть свежего оленьего мяса, попить ароматного чая. Но надо было ждать, и мы продолжали противостоять непогоде.

Неужели стихает?

Время тянулось медленно. Потихоньку, помаленьку в сознание снова начали возвращаться воспоминания из прошлого – туристические походы.

Закончились четвёртые сутки нашего пребывания среди бескрайнего простора белого безмолвия. На пятый день каких-либо изменений в погоде не наблюдалось. Было обидно и досадно. Ведь начался отёл важенок и нетелей. Из-за продолжительного бурана может быть большой падёж телят: в такую погоду и помощь важенкам не окажешь, и следить за животными невозможно.

Неожиданно мой слух начал улавливать в шалостях ветра новые нотки. «Неужели стихает?» – подумал я. Мне в это не верилось.

Стало немного светлее. Целых пять вьюжных, метельных, буранных суток были позади. К моей нарте подошли улыбающиеся Чупров и Вануйта.

– Всё, конец бурану. Пять суток побушевал и хватит. Пора в путь-дорогу, – сказал Иван Александрович. – Небось Пантелеймон совсем разволновался за нас и за стадо.

Мы с Вануйта увязали груз моей нарты. Буран разыгрался быстро, а стих ещё быстрее. Не успели проехать и пяти километров, как установилась ясная погода. Олени, чувствуя, что бегут домой и скоро будут пастись свободно на пастбище, прибавляли в беге. Через час с небольшим мы были уже на стойбище первой бригады.

При встрече Пантелеймон Марик рассказывал:

– Когда начался буран, я поехал в стадо, чтобы помочь дежурному пастуху. Заодно хотел отвезти ему меховой гусь, а то у него малица старая. Двое суток ездил по стаду, кричал и не мог найти пастуха. Вот такой сильный был буран. Ничего не видно. Не припомню такого.

Нина, хозяйка чума, накрыла на стол. Мы поели мяса, напились чая и наконец опустошили бутылку, что я брал в дорогу. Потом занялись делами: Иван Александрович поехал в свою бригаду, а мы с Мариком и Вануйта отправились в стадо наводить порядок после бурана. 🍵

ИЛЛУСТРАЦИЯ: ГАЛИНА СЕВТИ / «ЯМАЛ-МЕДИА»

ПУБЛИЦИСТИКА

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ГАЛИНА СЕВЕРИУ «СИМАЛ-МЕДІА»

ТРИ НАГРАДЫ ДРУЗЯКИНОЙ ЗА ЛУЧШЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Алексей СНЕГИРЁВ

г. Салехард

«Мне кажется, лучшее произведение искусства, которое способен создать человек, – красиво прожитая жизнь», – писал Сомерсет Моэм.

В последний раз свою публикацию я начинал с литературной цитаты без малого двадцать пять лет назад. Тогда, в своё первое северное лето, побывал в гостях у горнокнязевских рыбаков с заданием написать о ходе путины. Ну и, естественно,

впечатлился... Лодки на Оби, сети, ящики с муксунами... Назвал я всё это «Северные листригоны», а текст начал с фразы «Я, конечно, не Куприн, а Горнокнязевск не

Владимир Соловьёв и Владимир Касютин вручают награду Ольге Друзякиной. Сочи, сентябрь 2022 года

Балаклава...». За что и огрѐб на планерке весѐлых колкостей от матѐрых коллег...

С тех пор вроде отучен от тяги к демонстрации эрудиции и духовного родства с великими. Ни-ни! Но вот опять...

С чего бы?

Но в самом деле не выходит по-другому начать эту историю о коллеге, кстати, приехавшей покорять Салехард в том же «листригонском» году. Когда я думаю о Друзякиной, эта цитата неизменно всплывает в памяти. Ольгина история, о которой я расскажу, СЛИШКОМ литературна, и даже кинематографична.

Итак, в апреле 2021 года Ольга Друзякина – один из самых известных, профессиональных, харизматичных и принципиальных журналистов – была признана «Журналистом года» на Ямале. Это был безусловный триумф и абсолютно бесспорное решение жюри. Награду ей вручал секретарь Союза журналистов России, настоящий гуру в нашем ремесле Владимир Касютин.

Все Ольгу поздравляли, все признавали абсолютную заслуженность награды. И была она на вершине профессионального признания.

А через пару-тройку месяцев услышала от врачей диагноз, который звучит как приговор. И пройдя через отрицание, отчаяние, смирение и много что ещё, о чём нам, даже читавшим её пронзительные исповедальные дневники, всё равно никогда не узнать, она вернулась в профессию.

Она, порой прикованная к койке, измученная химиотерапией, болезнью, одиночеством – вся эта история совпала с пандемией! – начала писать. Писать остро, точно, писать наотмашь – для тех, кто столкнулся со страшным диагнозом, для их и своих родных, для их и своих друзей...

Её дневники – исповедь, проповедь, репортаж с больничной койки, публицистика о нашей медицине, психологические зарисовки...

Здесь были размышления о детях и друзьях, о жизни и смерти.

О смысле. О Боге...

И это всё, конечно, должны были увидеть не только Ольгины подписчики в соцсетях. «Чем больше, тем лучше», – решили мы и

предложили Друзякиной печатать её историю в «Северянах».

И печатали год. Она писала и лечилась. Писала и жила. Писала и двигалась к ремиссии.

Получившуюся серию публикаций мы – давно живѐм и понимаем толк в хорошем! – отправили на конкурс, который проводит Союз журналистов России.

И вот конец сентября, стоит Друзякина на сцене Зимнего театра в Сочи, на берегу Чѐрного моря, которое она уже и не чаяла увидеть, как призналась сама... В зале перед ней – больше тысячи участников XXVI Фестиваля СМИ «Вся Россия». По правую руку от нее председатель Союза журналистов Владимир Соловьѐв, по левую – всё тот же Владимир Касютин, что полтора года назад – в другой жизни! – вручал ей диплом «Журналист года в ЯНАО». А теперь в руках у нее диплом ПОБЕДИТЕЛЯ ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА НА ЛУЧШЕЕ ЖУРНАЛИСТСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ГОДА...

Между двумя этими дипломами путь, который не одолел бы никто из известных мне людей. Потому что для него нужна не только воля, не только профессионализм, не только страсть и ответственность, но и талант – такой, как у Друзякиной. А еще невероятная любовь к жизни. Она сама формулирует это так: «Смерть со мной рядом. Но ее близость заставляет еще больше любить жизнь».

При этом мы проспорили с ней все три дня совместной командировки. Вроде выкарабкиваясь на профессиональные разговоры, вспоминая общие командировки, работы, учителей и снова скатываясь в споры...

Господи, вот же упертая, думал я, не давая разрастаться раздражению. И понимал, что она здесь в первую очередь благодаря своей упертости.

С ней невозможно согласиться.

Её невозможно не уважать.

Пока такие есть – Господь нас пощадит... Всех...

И её – обязательно. Потому что, кажется, не только мы, здесь на Земле, получаем удовольствие, наблюдая за тем, как она продолжает творить свое самое лучшее произведение – свою жизнь. Не только мы, но и Тот, который наградил ее за это – подарив возможность продолжать...

Ольга получила приглашение выступить на форуме с мастер-классом. Вместе с совсем ещё молодой художницей Галиной Севли они сделали презентацию-комикс, в картинках рассказав историю, о которой важно знать всем. Потому что она про жизнь. Про самое прекрасное произведение искусства, которое способен создать человек. И которое у Ольги Друзякиной на этом не заканчивается.

Здравствуйтесь, коллеги!
Меня зовут Ольга Друзякина,
и я здесь очень
неожиданно для себя.

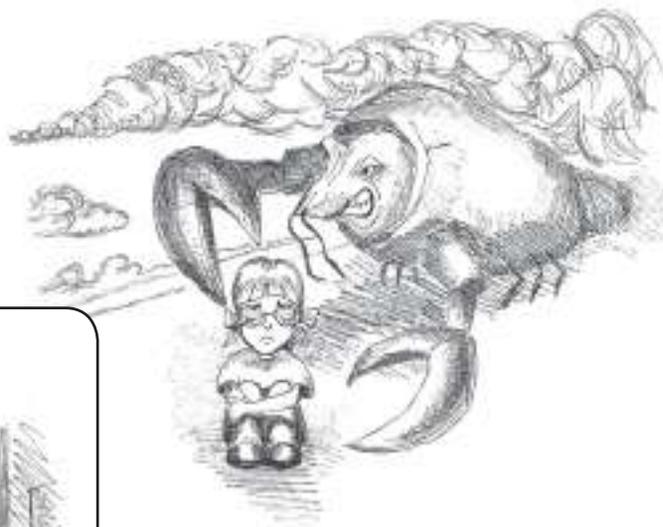

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ГАЛИНА СЕВЛИ/«ЯМАЛ-МЕДИА»

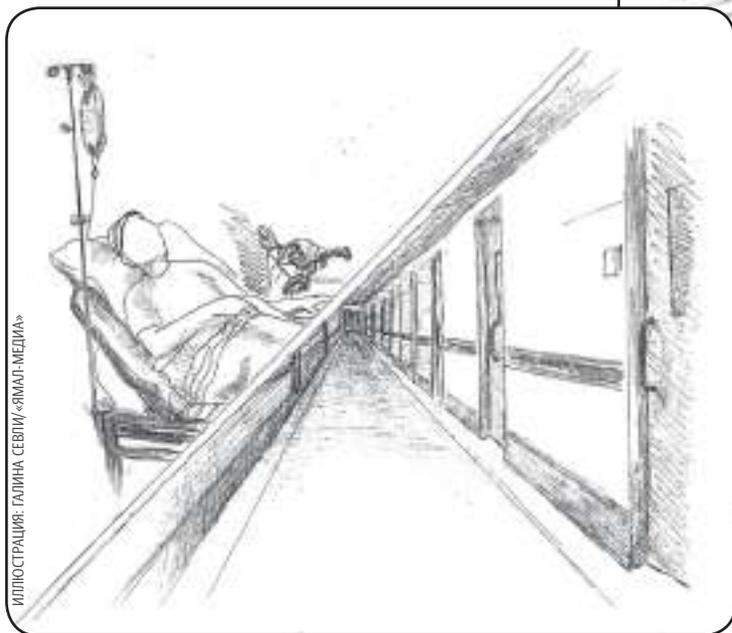

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ГАЛИНА СЕВЛИ/«ЯМАЛ-МЕДИА»

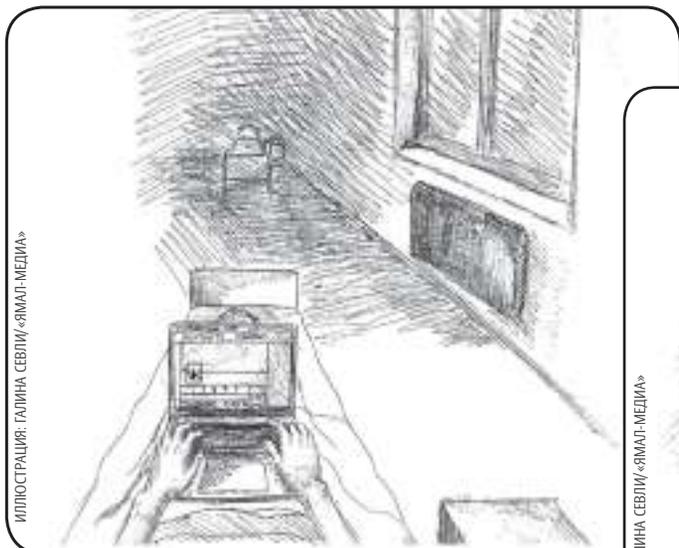
12 мая 2021 года мою жизнь в этом потоке остановил РАК крови – множественная миелома. И я была уверена, что с этой минуты я больше не сниму ни одной программы и не напишу больше ни одного сценария.

Моих материалов, которые попали на конкурс, могло не быть никогда. Я 30 лет работала в телеке. На газеты и журналы смотрела, как на уходящую натуру. Кто их сегодня читает? Информация течет уже сквозь человека потоками, в голове остаются в лучшем случае заголовки.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ГАЛИНА СЕВЛИ/«ЯМАЛ-МЕДИА»

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ГАЛИНА СЕВЛИ «ЯМАЛ-МЕДИА»

Я сама передумала умирать. И поняла, что хочу писать о своём опыте. В социальных сетях. Для себя – потому что я есть. Для своих детей и друзей – потому что хотела оставить про себя связную историю. Для других – потому что могу быть полезной прямо сейчас. Для собратьев по диагнозу – потому что наши переживания и мысли имеют значение и мы не одиноки.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ГАЛИНА СЕВЛИ «ЯМАЛ-МЕДИА»

Сначала у моих друзей и коллег был шок. Потом эмоции сменились фактами, которые я сообщала. В режиме дневника наблюдений в социальных сетях я жила пару месяцев. Кстати, в моменты, когда получалось писать – не тошнило от химий и уменьшалась температура. Творчество лечит.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ГАЛИНА СЕВЛИ «ЯМАЛ-МЕДИА»

Потом мне написал Алексей Снегирёв, главный редактор окружной газеты «Красный Север», сегодня она входит в холдинг «Ямал-Медиа». Предложил публиковать дневник на страницах журнала «Северяне».

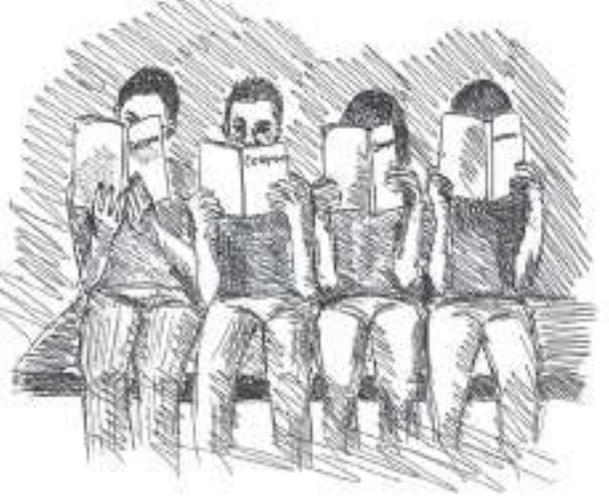

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ГАЛИНА СЕВЛИ/«ЯМАЛ-МЕДИА»

Коллеги, меня ждало открытие. Обратную связь в активной форме я получила именно от читателей журнала «Северяне». Салехард – маленький город, в котором оказалось много онкологии. Люди говорили спасибо, что были не одиноки в своих страхах за жизнь.

Близкие и друзья часто не понимают, как поддержать человека с тяжелым диагнозом. Советуют быть сильным. Говорят: держись! А за что держаться, если нет сил? Язык поддержки и доверие к тебе появляется, когда ты сам находишься на нейтральной полосе жизни и смерти. У меня был случай в научной библиотеке окружного музея. Там оказался человек, который участвовал в пробеге Надым - Салехард, оказывается, свою часть трассы посвятил мне и загадал желание меня обнять. Ну и обнял.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ГАЛИНА СЕВЛИ/«ЯМАЛ-МЕДИА»

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ГАЛИНА СЕВЛИ/«ЯМАЛ-МЕДИА»

Я хотела оставить связную историю о себе своим детям, семье и друзьям. И хотела быть полезной другим людям. Нам нужно больше говорить о табуированных темах: онкологии, смерти, эвтаназии, обсуждать гендерные вопросы. Обратите внимание, еще 10 лет назад от темы хосписов все шарахались, сегодня это часть общественного дискурса.

Сейчас я пытаюсь выбрать другую версию себя. В семье, работе. Продолжится ли мой опыт работы в печатных и других СМИ, не знаю. Возможно, публикации в журнале – разовая история. Пока мне есть о чём писать изнутри – что-то получается. Не факт, что стоит продолжать. Но сегодня я благодарна этому дню, морю, которого очень давно не видела. Этому фестивалю и решению жюри, потому что я сейчас могу рассказать о том, зачем рассказывала секреты всему свету о своей болячке.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ГАЛИНА СЕВЛИ/«ЯМАЛ-МЕДИА»